

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

4

ИЮЛЬ — АВГУСТ

Москва

2022

Главный редактор:

В. А. Плунгян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

Н. Б. Вахтин д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Подлесская д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Редколлегия:

В. М. Алпатов д. ф. н., проф., академик РАН, Институт языкознания РАН

Ю. Д. Апресян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

И. М. Богуславский д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания

М. Д. Воейкова д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН

В. З. Демьянков д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

Д. О. Добровольский д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Стокгольмский университет, Швеция

В. А. Дыбо д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН

А. Ф. Журавлёв д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

П. В. Иосад Ph.D., Эдинбургский университет, Великобритания

Н. Н. Казанский д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Киммельман Ph.D., Бергенский университет, Норвегия

Г. И. Кустова д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

А. М. Молдован д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

М. С. Полинская Ph.D., проф., Мэрилендский университет, США

Е. В. Рахилина д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Я. Г. Тестелец д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет; Институт языкознания РАН

Л. А. Янда Ph.D., проф., Университет Тромсё — Норвежский арктический университет, Норвегия

Зав. редакцией: Н. В. Ганнус

Зав. отделами: Л. С. Козлов, А. С. Кулева

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography (Modern Language Association); Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography (Modern Language Association); ProQuest Linguistics and Language Behavior Abstracts (Online), Core; ProQuest MLA International Bibliography (Modern Language Association); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <https://vja.ruslang.ru>

© Российская академия наук, 2022

© Составление. Редколлегия журнала «Вопросы языкознания», 2022

ISSN 0373-658X

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY
JAZYKOZNANIJA
(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952

6 issues per year

4

JULY — AUGUST

Moscow

2022

Editor-in-chief:

Vladimir A. PLUNGIAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editors:

Vera I. PODLESSKAYA Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Nikolai B. VAKHTIN European University at St. Petersburg; Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Editorial board:

Vladimir M. ALPATOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Yury D. APRESJAN Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Igor M. BOGUSLAVSKY Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnica de Madrid, Spain
Valery Z. DEMYANKOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Dmitrij O. DOBROVOL'SKIJ Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Stockholm University, Sweden
Vladimir A. DYBO Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
Pavel IOSAD University of Edinburgh / Oilthigh Dhùn Èideann, UK
Laura A. JANDA Universitetet i Tromsø: Norges arktiske universitet, Tromsø, Norway
Nikolai N. KAZANSKY Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
Vadim KIMMELMAN University of Bergen, Norway
Galina I. KUSTOVA Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Aleksandr M. MOLDOVAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Maria POLINSKY University of Maryland, College Park, USA
Ekaterina V. RAKHILINA HSE University; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Yakov G. TESTELETS Russian State University for the Humanities; Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Maria D. VOEIKOVA Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
Anatoly F. ZHURAVLEV Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: Natalia V. GANNUS

Editorial staff: Lev S. KOZLOV, Anna S. KULEVA

Articles are selected by the editorial board on the basis of anonymous double-blind independent peer review process.

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography (Modern Language Association); Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography (Modern Language Association); ProQuest Linguistics and Language Behavior Abstracts (Online), Core; ProQuest MLA International Bibliography (Modern Language Association); Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: "Voprosy Jazykoznanija", editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <https://vja.ruslang.ru>

ISSN 0373-658X

Содержание

О. А. Казакевич, Е. М. Будянская, А. П. Евстигнеева, Ю. Б. Коряков, Д. Д. Мордашова, С. В. Покровская, К. К. Поливанов, Е. А. Ренковская, З. М. Халилова, К. О. Шейфер. Шкалы языковой витальности и их применимость к материалу конкретных языковых ситуаций	7
Д. В. Сичинава. Многозначность предбудущего в романских языках в типологическом контексте	48
Т. И. Резникова. Глаголы прятания: типология систем	66
И. Г. Багирова, Д. А. Рыжова. Глаголы прятания и особенности их оформления локативными аффиксами в адыгейском языке	95
В. Ю. Апресян, М. В. Копотев. Автономные дистрибутивные конструкции с вопросительно-относительными местоимениями в русском языке	115

Рецензии

В. И. Зубов, А. А. Коновалова, А. Б. Макарова, В. О. Прокаева, Е. И. Риехакainen. [Рец. на:] А. Е. Кибрик и др.; под ред. О. В. Федоровой и С. Г. Татевосова. <i>Введение в науку о языке</i> . М.: Буки Веди, 2019	143
A. SIDELTSEV. [Review of:] G. Inglese. <i>The Hittite middle voice: Synchrony, diachrony, typology</i> . Leiden; Boston: Brill, 2020	151
Е. С. Клягина, А. Б. Панова. [Рец. на:] R. L. Kramer (ed.). <i>The expression of phasal polarity in African languages</i> . Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2021	158

Contents

Olga A. KAZAKEVICH, Elena M. BUDYANSKAYA, Anastasia P. EVSTIGNEEVA, Yuri B. KORYAKOV, Daria D. MORDASHOVA, Sofie V. POKROVSKAYA, Konstantin K. POLIVANOV, Evgeniya A. RENKOVSKAYA, Zaira M. KHALILOVA, Karina O. SHEIFER. Language vitality scales and their applicability to specific language situations	7
Dmitri V. SITCHINA. Polysemy of Future Anterior in Romance in a typological context	48
Tatiana I. REZNIKOVA. Verbs of hiding: A typology of systems	66
Irina G. BAGIROKOVA, Daria A. RYZHOVA. Verbs of hiding and their combinability with locative affixes in Adyghe	95
Valentina APRESJAN, Mikhail KOPOTEV. Autonomous bi-pronominal distributive constructions in Russian	115

Reviews

Vladislav I. ZUBOV, Anastasiia A. KONOVALOVA, Anastasia B. MAKAROVA, Valeriia O. PROKAEVA, Elena I. RIEKHAKAYNEN. [Review of:] A. E. Kibrik et al.; ed. by O. V. Fedorova and S. G. Tatevosov. <i>Vvedenie v nauku o yazyke</i> [Introduction to the study of language]. Moscow: Buki Vedi, 2019	143
Andrei SIDELTSEV. [Review of:] G. Inglese. <i>The Hittite middle voice: Synchrony, diachrony, typology</i> . Leiden; Boston: Brill, 2020	151
Evgenia S. KLYAGINA, Anastasia B. PANOVA. [Review of:] R. L. Kramer (ed.). <i>The expression of phasal polarity in African languages</i> . Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2021	158

Шкалы языковой витальности и их применимость к материалу конкретных языковых ситуаций

© 2022

Ольга Анатольевна Казакевич

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; kazakevich.olga@gmail.com

Елена Михайловна Будянская

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; budyanskaya.lena@gmail.com

Анастасия Павловна Евстигнеева

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; evstigap@gmail.com

Юрий Борисович Коряков

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; ybkoryakov@gmail.com

Дарья Дмитриевна Мордашова

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; mordashova.d@yandex.ru

Софья Владимировна Покровская

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; sofie.v.pokrovskaya@gmail.com

Константин Константинович Поливанов

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; polivanov.studio@gmail.com

Евгения Алексеевна Ренковская

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; jennyrenk@gmail.com

Заира Маджидовна Халилова

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; zaira.khalilova@gmail.com

Карина Олеговна Шейфер

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; kar.sheifer@gmail.com

Аннотация: Для миноритарных языков очень важной является характеристика жизнеспособности (или витальности), так как она позволяет оценить состояние и дальнейшие перспективы их функционирования. В статье рассматриваются существующие подходы к определению понятия витальности и сравниваются различные модели, предназначенные для ее измерения (шкалы витальности). В число рассмотренных моделей входят: шкала ЮНЕСКО (используется в Атласе языков, находящихся под угрозой исчезновения, содержит шесть уровней витальности), шкала М. Краусса (похожа на шкалу ЮНЕСКО, опирается на тройное базовое противопоставление: благополучные языки, языки под угрозой исчезновения и исчезнувшие языки), шкалы EGIDS (используется в ресурсе Ethnologue и содержит 11 уровней витальности, некоторые из которых имеют подуровни) и ELSat. Неоспоримыми достоинствами последней оказались многофакторный подход к оценке витальности, общая непротиворечивость устройства и прозрачность

подсчетов. Мы применили данную шкалу к материалу четырех миноритарных языков России: бежтинского (на примере собственно бежтинского диалекта), северноселькупского, эвенкийского и хакасского. Поскольку в разных локальных группах языковые ситуации могут различаться, было решено присваивать уровень витальности в соответствии с функционированием языка в том или ином населенном пункте (для языков с малым количеством носителей) или административном районе. Это позволяет определить уровень витальности языка в каждой отдельно взятой локальной группе и затем представить витальность языка в целом как набор уровней витальности отдельных локальных групп носителей (бывших носителей) этого языка. Практическое применение шкалы к конкретным языковым ситуациям высветило в ее устройстве ряд проблемных точек, для устранения которых мы предлагаем рабочие решения.

Ключевые слова: бежтинский язык, миноритарные языки, самодийские языки, селькупский язык, социолингвистика, тунгусо-маньчжурские языки, тюркские языки, хакасский язык, цезские языки, эвенкийский язык, языковая витальность.

Для цитирования: Казакевич О. А., Будянская Е. М., Евстигнеева А. П., Коряков Ю. Б., Мордашова Д. Д., Покровская С. В., Поливанов К. К., Ренковская Е. А., Халилова З. М., Шейфер К. О. Шкалы языковой витальности и их применимость к материалу конкретных языковых ситуаций. *Вопросы языкознания*, 2022, 4: 7–47.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.4.7-47

Language vitality scales and their applicability to specific language situations

Olga A. Kazakevich

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; kazakevich.olga@gmail.com

Elena M. Budyanskaya

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; budyanskaya.lena@gmail.com

Anastasia P. Evstigneeva

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; evstigap@gmail.com

Yuri B. Koryakov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; HSE University,
Moscow, Russia; ybkoryakov@gmail.com

Daria D. Mordashova

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russia; mordashova.d@yandex.ru

Sofie V. Pokrovskaya

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
sofie.v.pokrovskaya@gmail.com

Konstantin K. Polivanov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; polivanov.studio@gmail.com

Evgeniya A. Renkovskaya

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; jennyrenk@gmail.com

Zaira M. Khalilova

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; zaira.khalilova@gmail.com

Karina O. Sheifer

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; kar.sheifer@gmail.com

Abstract: While working on the description and documentation of a minority language, the researcher faces the practical task of defining its vitality status. This article is devoted to our experience of solving this problem. At the beginning, we give a brief overview of the concept of vitality and various scales that exist for the classification of languages according to this parameter. Particular attention is paid to the ELCat scale, the use of which is shown on the example of Bezhta (the Bezhta proper dialect), Northern Selkup, Evenki and Khakas languages. We describe some controversial points in the ELCat methods and propose an adjustment for some of them in accordance with the specifics of the languages in question. For example, since the level of language vitality can be different in different communities, we estimate vitality level separately for each of them. In addition, a specification of the values of the parameters “intergenerational transmission of language” and “the ratio of the number of speakers and ethnic group” is introduced. In the final part of the article, we discuss general problems arising in determining the vitality level of languages associated with the sources of original data.

Keywords: Bezhta, Evenki, Khakass, language vitality, minority languages, Samoyedic, Selkup, sociolinguistics, Tungusic, Turkic, Tsezic.

For citation: Kazakevich O. A., Budyanskaya E. M., Evstigneeva A. P., Koryakov Yu. B., Mordashova D. D., Pokrovskaya S. V., Polivanov K. K., Renkovskaya E. A., Khalilova Z. M., Sheifer K. O. Language vitality scales and their applicability to specific language situations. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 4: 7–47.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.4.7-47

Введение

Для миноритарных языков очень важной является характеристика жизнеспособности (или витальности) языка, так как она позволяет оценить состояние и дальнейшие перспективы его функционирования. В конце XX в. стали предприниматься попытки ввести количественную оценку данного параметра [McConnell 1996], параллельно создавались различные шкалы измерения витальности.

Проблема адекватного представления витальности встала перед нашим коллективом в процессе работы над описанием языков на сайте «Малые языки России», который разрабатывается в настоящее время на базе Лаборатории исследования и сохранения малых языков ИЯз РАН [Поливанов и др. 2020; Polivanov et al. 2020]. На данный момент существует некоторое количество используемых шкал витальности (шкала Юнеско, шкала М. Краусса, EGIDS, ELCat и др.). При этом различные каталоги языков мира, в частности, такие крупные как Ethnologue, Glottolog, Атлас языков, находящихся под угрозой исчезновения, ЮНЕСКО и др. часто пользуются разными шкалами витальности, но вполне соотносящимися друг с другом. Перед нами встала задача проанализировать наиболее известные из имеющихся шкал и выбрать наиболее подходящую для наших целей, а затем применить выбранную шкалу к конкретным языкам. При этом мы старались учитывать, что сохранность языка в разных локальных сообществах носителей этого языка может сильно различаться, и это затрудняет присвоение языку одного «ярлыка» в рамках той или иной шкалы. В статье описываются результаты нашей работы по поиску оптимального с практической точки зрения представления витальности.

Параллельно мы столкнулись с необходимостью выработки терминологии на русском языке, поскольку почти все существующие шкалы витальности разработаны на английском.

Однословные английские термины в системе шкалы в большинстве случаев требуют перевода на русский словосочетаниями, а поскольку мы имеем дело с «ярлыками», то отдельной задачей для нас стал выбор максимально лаконичных формулировок.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 1 рассматриваются теоретические подходы к понятию витальности. В разделе 2 описаны основные предлагаемые шкалы и модели витальности и проанализированы их достоинства и недостатки. В разделе 3 мы представляем применение выбранной нами шкалы витальности (The Catalogue of Endangered Languages — ELCat) на примере четырех миноритарных языков России: бежтинского (собственно бежтинский диалект), северноселькупского, эвенкийского (на примере 21 населенного пункта с эвенкийским населением) и хакасского (на территории Республики Хакасии). Выбор языков обусловлен желанием исследовать возможные шкалы применительно к идиомам с различной функциональной мощностью: диалекту, малому языку (языку КМНС (коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации)), республиканскому языку и др. с разной численностью говорящих и различным статусом. Кроме того, по этим языкам у нас имеются социолингвистические полевые данные, что позволяет дать экспертную оценку их витальности и сопоставить эту оценку с полученными результатами подсчетов по выбранной шкале. В разделе 4 обсуждаются проблемы, возникшие в процессе приложения шкалы к реальному материалу. В Заключении подводятся итоги.

1. Понятие языковой витальности

В лингвистических работах, посвященных оценке витальности конкретных языков и способам ее измерения (см. [Krauss 1992; Edwards 1992; McConnel 1996; Lewis, Simons 2010; Moseley 2010; Campbell 2017] и др.), понятие языковой витальности не получает четкого определения. Кроме того, в публикациях отсутствует терминологическое единство и используется ряд близких терминов: «vitality», «viability», «endangerment», «sustainability» и некоторые другие. Когда витальность обсуждается авторами в контексте разработки шкал с различными уровнями уязвимости языка, в центре рассмотрения оказываются параметры, определяющие отнесение языка к тому или иному уровню.

Некоторое подобие определения приводится на сайте Летнего института лингвистики (Summer Institute of Linguistics, или SIL): «Языковая витальность определяется степенью, в которой язык используется в качестве средства коммуникации в различных социальных контекстах для конкретных целей. Важнейшим показателем витальности языка является его повседневное использование в семейно-бытовой сфере. Языком с высокой витальностью считается язык, широко используемый и в семейно-бытовой сфере, и за ее пределами, всеми поколениями и в разговорах на практически любые темы». Авторы также отмечают, что «изучение языковой витальности важно для определения вероятности того, что язык будет продолжать употребляться в обозримом будущем и что усилия, предпринимаемые для развития языка, с большой вероятностью будут стабильными»¹.

В «Словаре социолингвистических терминов» [Михальченко 2006] языковая витальность определяется как «способность языка к дальнейшему развитию, изменению или сохранению

¹ “Language vitality is demonstrated by the extent that the language is used as a means of communication in various social contexts for specific purposes. The most significant indicator of a language’s vitality is its daily use in the home. A language with high vitality would be one that is used extensively both inside and outside the home, by all generations, and for most, if not all, topics. For language development, the study of language vitality is important for determining the likelihood that a language will continue to be used into the foreseeable future and that efforts to develop the language are likely to be sustainable” (см. на сайте SIL: <https://www.sil.org/language-assessment/language-vitality>).

структурных и, главным образом, функциональных качеств», что, с нашей точки зрения, не вполне удачно². В этом определении на передний план выдвигаются структурные характеристики языка (например, морфологическая и/или синтаксическая редукция, см. [Dressler 1988: 184–188; Campbell 1994: 1962–1963]), изменение которых далеко не всегда свидетельствует о понижении уровня жизнеспособности: подобные изменения могут происходить и в языках, находящихся в весьма благополучной ситуации (ср. упрощение морфологических характеристик английского языка, которое не повлияло на его статус). В нашем понимании, при определении языковой витальности первоочередное внимание должно уделяться именно функциональным характеристикам: межпоколенческой передаче языка и тем сферам, в которых язык продолжает активно употребляться, поскольку внутренние структурные изменения не являются препятствием к продолжению его использования. Более того, для структурных характеристик жизнеспособности языка релевантны его функциональные свойства: так, в работе [Campbell 1994: 1960–1961] заключительные стадии языкового сдвига характеризуются разрушением языковой структуры, но оно, как правило, коррелирует с выходом языка из употребления (ср. теорию языковой смерти в работе [Sasse 1992]).

Кроме того, прогноз относительно «способности языка к дальнейшему развитию, изменению и сохранению (...) функциональных качеств» на основании оценки уровня витальности не всегда оправдывается. Об этом свидетельствует пример юкагирского языка [Вахтин, Головкин 2004: 127–128], который еще с середины XIX в. оценивался исследователями как исчезающий и прогнозы существования которого ограничивались несколькими десятилетиями. Очевидно, что эти прогнозы не подтвердились, поскольку носители языков юкагирской семьи используют язык до сих пор (хотя, безусловно, набор сфер его использования и количество носителей катастрофически сократились, см. [Оде 2016]).

В социологических и этнологических исследованиях последние полвека развивается теория витальности, изначально связанная с понятием **этноязыковой витальности** (или витальности этноязыковой группы), а затем расширенная до витальности любой социальной группы [Smith et al. 2017; Bourhis et al. 2019]. В этом подходе фокус внимания направлен на этноязыковую группу в контексте межгруппового взаимодействия и язык рассматривается как один из факторов, определяющих уровень витальности группы.

Структурный анализ витальности этноязыковой группы приводится в работе [Giles et al. 1977: 307–319]³. Авторы называют этноязыковую группу жизнеспособной, если в ситуацию межгруппового взаимодействия она позиционирует себя как самостоятельную и активную сущность⁴. Для оценки витальности группы используются три переменных: статус, демография, институциональная поддержка. В дальнейших исследованиях было показано, что более точные данные об этноязыковой витальности может давать субъективное представление этнической группы о своем положении и языке. По [Fitzgerald 2017], в отрыве от представлений группы невозможно корректно оценить ее жизнеспособность. Одной из попыток формализовать этот параметр является шкала субъективной витальности, впервые предложенная в [Bourhis et al. 1981] и далее разрабатываемая различными исследователями, см., например, [Allard, Landry 1986]. Самооценка жизнеспособности этноязыковой группы влияет на факторы объективной витальности [Giles 1979; Giles, Johnson 1981]. Снижение субъективной витальности влечет за собой угрозу объективной витальности, вне зависимости от того, что вызвало это снижение: реальные события, снижающие уровень витальности, или же ущерб престижу, наносимый внешней оценкой доминантной этноязыковой группы [Tajfel 1978; Bourhis et al. 1981: 147].

² В отечественной литературе используются также термины «жизнеспособность» и «сохранность» языка, см. [Вахтин, Головкин 2004: 125] и [Амелина, Акбаш 2016; Перехвальская 2016].

³ Позднее витальность этноязыковой группы авторы стали называть объективной этноязыковой витальностью [Bourhis et al. 1981].

⁴ “...that which makes a group likely to behave as a distinctive and active collective entity in intergroup situations” [Giles et al. 1977: 308].

Таким образом, понятие витальности развивалось практически параллельно и независимо в разных областях науки: с одной стороны, в лингвистике, с другой — в социологии (в частности, социальной психологии) и этнологии. В социологии вопрос изначально заключался в том, с помощью каких механизмов группа поддерживает свою целостность в контексте взаимодействия с другими группами. В лингвистике разговор о витальности возник из озабоченности по поводу исчезновения языков, а также из желания сформировать общую картину состояния языков мира, в первую очередь тех, которые могут находиться под угрозой исчезновения. В социологии развитие получила методология изучения витальности социальной группы и была предложена ее теоретическая модель, тогда как лингвистами разрабатывались практические инструменты измерения уровня витальности языков посредством шкал.

В нашей статье мы будем использовать термин «языковая витальность», поскольку основной фокус нашего исследования состоит именно в фиксации положения языка, а не в исчерпывающей характеристике группы в демографическом, социополитическом или ином отношении. Очевидно, что язык невозможно рассматривать в отрыве от группы: так, в [Вахтин, Головки 2004] в разделе под названием «Языковая жизнеспособность. Сохранение языка» определение жизнеспособности дается с отсылкой на работу [Giles et al. 1977] через понятие этноязыковой жизнеспособности, что является очередным свидетельством того, что два этих понятия исключительно близки. Однако объемлющая характеристика собственно этнической группы составляет отдельный и весьма обширный предмет для исследований и выходит за рамки настоящей работы.

Безусловно, набор факторов, влияющих на витальность языка, может быть существенно расширен. В [Roche 2017: 193] справедливо отмечается, что «витальность не является характеристикой языка или народа, который говорит на этом языке, а скорее описывает взаимосвязь между языком, его носителями и более широким лингвистическим, социальным и политическим контекстом»⁵. Однако принять во внимание все контекстные факторы в рамках этой статьи не представляется возможным, поэтому далее мы сосредоточимся лишь на тех из них, которые задействованы в шкалах витальности. К описанию последних мы и перейдем в следующем разделе.

2. Существующие шкалы и модели

2.1. Шкала ЮНЕСКО

Одним из наиболее известных примеров шкал витальности служит шкала ЮНЕСКО, которая используется в Атласе языков, находящихся под угрозой исчезновения [Brenzinger 2007; Moseley 2010].

В 2003 г. экспертной группой лингвистов по просьбе ЮНЕСКО были выработаны 9 критериев для оценки витальности языка [UNESCO 2003]: 1) передача языка от поколения к поколению; 2) общее число носителей языка; 3) доля носителей языка в общей численности населения; 4) области употребления языка; 5) использование языка в новых областях и СМИ; 6) наличие материалов для изучения языка и приобретения навыков грамотности; 7) государственная политика в отношении данного языка, включая его статус и использование; 8) отношение членов сообщества к родному языку; 9) вид и качество документации. При применении этих критериев к конкретным языкам используется шестибалльная

⁵ “Vitality is not a property of a language itself, nor of a population that speaks a language, but rather a description of the relationship between a language, its speakers, and its wider linguistic, social, and political context” [Roche 2017: 193].

шкала. На основе значений каждого параметра формируется таблица, которая помогает исследователю получить достоверную картину о жизнеспособности языка в данном сообществе (ср. опыт применения такой описательной модели к миноритарным языкам европейской части России в [Агранат 2018]). Только рассматривая все критерии в совокупности, можно составить общую картину состояния языка. Данные по этим критериям могут также помочь при разработке необходимых мер поддержки языка и программ ревитализации. Обзор публикаций о практическом применении этих критериев и некоторых предложений по их улучшению представлен в [UNESCO 2011].

Наиболее значимым фактором при оценке витальности является межпоколенческая передача языка (см. также [Austin 2008; Norris 2010]), именно она лежит в основе шкалы витальности, которая используется в Атласе ЮНЕСКО. Данная шкала насчитывает шесть уровней (degrees of endangerment), где 0 соответствует исчезнувшему языку, а 5 — благополучному. Для каждого уровня учитывается, представители каких поколений владеют языком и сохраняется ли передача языка от родителей к детям. Уровни витальности по шкале ЮНЕСКО приводятся в табл. 1.

Таблица 1

Шкала витальности ЮНЕСКО по фактору межпоколенческой передачи языка⁶

Уровень витальности	Межпоколенческая передача языка
safe (благополучный ⁷)	Языком владеют представители всех поколений; передача языка от родителей к детям сохраняется.
vulnerable (уязвимый)	Дети в большинстве своем владеют языком, однако его использование ограничено определенными сферами (например, семейно-бытовым общением).
definitely endangered (под угрозой исчезновения)	Передача языка детям прервана; взрослые говорят, но нет говорящих детей.
severely endangered (под существенной угрозой исчезновения)	Процесс языкового сдвига в сообществе стремительно набирает обороты: языком полноценно владеют лишь представители старшего поколения; поколение родителей может понимать язык, но не использует его в общении с детьми или между собой.
critically endangered (на пороге исчезновения)	Процесс языкового сдвига практически завершен: самыми молодыми носителями языка являются представители старшего поколения, которые используют язык достаточно редко и ограниченно.
extinct (исчезнувший)	Не осталось носителей языка.

2.2. Шкала М. Краусса

Шкала Майкла Краусса [Krauss 2007], во многом схожая со шкалой ЮНЕСКО, опирается на тройное базовое противопоставление: благополучные языки, языки под угрозой исчезновения и исчезнувшие языки. Далее языки, находящиеся под угрозой исчезновения, делятся на стабильные языки и языки, находящиеся «в состоянии упадка» (среди последних выделяют нестабильные, под угрозой исчезновения, под существенной угрозой

⁶ Таблица оформлена в соответствии с таблицей на сайте UNESCO: <http://www.unesco.org/languages-atlas/>.

⁷ На русском языке нет устоявшейся системы переводов этих англоязычных терминов. Здесь и далее в скобках мы приводим русские аналоги, которые считаем наиболее подходящими.

исчезновения, на пороге исчезновения)⁸. Благодаря этому разделению языки, попавшие в разряд благополучных по шкале ЮНЕСКО, разделяются на две группы в зависимости от того, насколько благоприятен прогноз относительно сохранения передачи языка детям в ближайшем будущем. Наиболее благоприятный прогноз касается «благополучных» по М. Крауссу языков (уровень a+), которые к 2100 г. все еще будут иметь большое количество носителей среди детей, усвоивших язык дома от родителей. Стабильные же языки (уровень a) находятся в более шатком положении: хотя межпоколенческая передача языка сохраняется, носителей языка в целом остается довольно мало (ср. языковую ситуацию многих языков Кавказа, распространенных в высокогорных аулах).

М. Краусс также закладывает возможность дальнейшего дробления уровней шкалы: например, уровень b+ означал бы, что среди носителей языка есть говорящие дети в возрасте от 5 до 15 лет, но передача языка от поколения к поколению при этом уже прервана; уровень b- означал бы, что уже не все представители поколения родителей владеют языком. Уровни витальности по шкале М. Краусса приводятся в табл. 2.

Таблица 2

Шкала витальности Майкла Краусса⁹

'safe' («благополучный»)		a+	На языке говорят представители всех поколений, включая детей; прогноз относительно сохранения передачи языка детям благоприятный.	
	stable (стабильный)	a	На языке говорят представители всех поколений, включая детей.	
endangered (под угрозой)	in decline (в состоянии упадка)	in stable; eroded (нестабильный)	a-	Часть детей говорит на языке; в некоторых населенных пунктах все дети говорят на языке.
		definitively endangered (под угрозой исчезновения)	b	Дети не говорят на языке; самыми молодыми носителями является поколение родителей и старше.
		severely endangered (под существенной угрозой исчезновения)	c	Самыми молодыми носителями является старшее поколение (бабушки, дедушки и старше).
		critically endangered (на пороге исчезновения)	d	Носителей осталось немного, среди представителей поколения прабабушек и прадедушек.
extinct (исчезнувший)		e	Не осталось носителей языка.	

2.3. Шкала EGIDS

В ресурсе Ethnologue (23-е издание) используется расширенная ступенчатая шкала межпоколенческой утраты языка (Expanded Graded Intergenerational Disruption Scale, или EGIDS, см. [Lewis, Simons 2010]). Она представляет собой расширенный вариант шкалы, разработанной Дж. Фишманом (Graded Intergenerational Disruption Scale, или GIDS; см. [Fishman 1991]).

⁸ Английские термины М. Краусса приведены ниже в табл. 2, авторское пунктуационное оформление сохранено (термин «safe» взят в кавычки).

⁹ Таблица оформлена в соответствии с [Krauss 2007: 1].

Данная шкала является попыткой объединить подходы Дж. Фишмана и ЮНЕСКО, предоставляя универсальную классификацию, которая могла бы быть применима к любому языку мира. Уровни витальности языка выделяются в данной шкале (см. табл. 3) сразу по двум параметрам: официальный статус и сферы использования языка (образование, торговля, СМИ и т. п.; уровни 0–5, соответствующие единому уровню safe в шкале ЮНЕСКО) и владение языком среди представителей разных поколений (т. е. то же, что отражено в шкале ЮНЕСКО; уровни 6a–10).

Таблица 3

Шкала витальности EGIDS¹⁰

Уровень	Статус	Описание
0	international (международный язык)	Язык широко используется в международной торговле, обмене знаниями и в международной политике.
1	national (государственный язык)	Язык используется в образовании, в производственной сфере, в СМИ, в административной и законодательной сферах.
2	provincial (региональный язык)	Язык используется в образовании, в производственной сфере, в СМИ и в региональных администрациях.
3	wider communication (язык межэтнического общения)	Язык используется на определенной территории в производственной сфере и СМИ как язык межэтнического общения, не имея при этом официального статуса.
4	educational (язык образования)	Интенсивно используемый стандартизованный язык с богатой литературой, устойчивость которого обеспечивается разветвленной системой институционально поддерживаемого образования.
5	developing (развивающийся)	Интенсивно используемый язык, имеющий стандартизованную форму, на основе которой существует литература, однако эта форма еще недостаточно широко распространена и неустойчива.
6a	vigorous (благополучный)	Носителями языка являются представители всех поколений, и языковая ситуация стабильна.
6b	threatened (под угрозой исчезновения)	Носителями языка являются представители всех поколений, но общая численность носителей сокращается.
7	shifting (развитие языкового сдвига)	Самыми молодыми носителями языка являются представители поколения родителей; передача языка детям прервана.
8a	moribund (обреченный на смерть)	Самыми молодыми активными носителями языка являются представители старшего поколения (бабушки, дедушки и старше).
8b	nearly extinct (на пороге исчезновения)	Самыми молодыми носителями языка являются представители старшего поколения (бабушки, дедушки и старше), которым редко представляется возможность использовать язык.
9	dormant (спящий)	Язык служит маркером национальной идентичности этнической группы, но не используется в общении, сохраняя исключительно символическое значение.
10	extinct (исчезнувший)	Язык не используется, и национальная идентичность этнической группы больше не ассоциирована с этим языком.

¹⁰ Таблица оформлена в соответствии с таблицей 1 на сайте Ethnologue: <https://www.ethnologue.com/about/language-status>.

С нашей точки зрения, эти две группы факторов едва ли стоит выстраивать в одну шкалу. Параметры уровней 0–5 могут по-разному сочетаться с параметрами остальных уровней.

Так, на всех стадиях языкового сдвига в сообществе (уровни 7–9) язык вполне может быть задействован в системе образования (уровень 4). Кроме того, обнаруживаются различные комбинации параметров, связанных с официальным статусом языка и уровнем его сохранности. Безусловно, в случае, когда язык не обладает официальным статусом, даже при наличии почти стопроцентного владения языком членами этнической группы он находится в угрожаемом положении. Подобную ситуацию можно наблюдать в гинухском языке, который не имеет в Республике Дагестан официального статуса, но при этом владения языком среди гинухцев приближается к 100 % (по Всероссийской переписи населения 2010 г. [ВПН-2010], величина этнической группы составляет 443 человека, число владеющих языком — 434, а по актуальным экспертным данным величина этнической группы составляет около 600 человек, число владеющих языком также примерно равно величине этнической группы, см. [Ризаханова 2006; Forger 2013]). Однако само наличие официального статуса не всегда однозначно позволяет судить о реальной сохранности языка. В качестве примера приведем языковую ситуацию в Хакасии, где хакасский язык является государственным языком республики, однако уровень владения языком составляет лишь 56,3 % от величины этнической группы (по ВПН-2010, величина этнической группы составляет 75 622 человека, из них 42 604 говорят на хакасском).

2.4. Шкала ELCat

На наш взгляд, пристального внимания заслуживает шкала каталога исчезающих языков (The Catalogue of Endangered Languages, или ELCat, см. [Campbell 2017; Lee, Van Way 2018]), которая является результатом совместного проекта Гавайского университета в Маунао и Университета Восточного Мичигана. Данная шкала была разработана на основе Индекса уязвимости языков (Language Endangerment Index, LEI), который вычисляется исходя из четырех параметров:

- межпоколенческая передача (intergenerational transmission),
- абсолютное число носителей (absolute number of speakers),
- динамика соотношения численности говорящих и величины этнической группы (speaker number trends),
- сферы использования (domains of use).

Уровень уязвимости языка (level of endangerment) в каталоге ELCat подсчитывается следующим образом. Вначале каждому из четырех параметров присваивается значение от 0 до 5 (табл. 4, с. 17), при этом значение первого параметра (межпоколенческая передача), как наиболее значимого, удваивается (максимальное значение по этому параметру равно 10). Затем значения всех параметров складываются (максимальное значение получившейся суммы составляет 25). Обращаем внимание на то, что значение 0 по любому из параметров свидетельствует о наиболее благоприятной языковой ситуации, тогда как значение 5 говорит о наиболее тревожной ситуации. Иными словами, чем выше получившееся значение, тем более уязвимым является язык.

Уровень витальности языка вычисляется как процентное отношение полученного значения к максимально возможному. Так, если язык А в сумме по четырем параметрам набрал 16, то его уровень витальности равен $16/25 = 0,64$ (64 %). Далее значение в процентах сопоставляется с принятой градацией уровней витальности (см. табл. 5). Соответственно, язык А находится под существенной угрозой исчезновения.

Таблица 4

Значения четырех параметров по шкале ELCat¹¹

Уровень витальности	Межпоколенческая передача языка	Абсолютное число говорящих	Динамика соотношения численности говорящих и величины этнической группы	Сферы использования
5 critically endangered (на пороге исчезновения)	Осталось несколько носителей старшего поколения.	1–9 носителей	Небольшой процент сообщества говорит на языке, число говорящих уменьшается очень быстро.	Язык используется в нескольких особых сферах, таких как обряды, песни, молитва, поговорки, или при определенных бытовых действиях.
4 severely endangered (под существенной угрозой исчезновения)	Многие из старшего поколения (бабушек / дедушек) говорят на языке, а молодые люди обычно не говорят.	10–99 носителей	Меньше половины сообщества говорит на языке, число говорящих уменьшается ускоренными темпами.	Язык используется в основном дома или в кругу семьи, и может быть не основным языком даже в этих сферах для многих членов сообщества.
3 endangered (под угрозой исчезновения)	Некоторые взрослые говорят на языке, но передачи языка не происходит, дети не говорят на языке.	100–999 носителей	Только около половины членов сообщества говорит на языке. Число говорящих неуклонно снижается, но не ускоренными темпами.	Язык используется главным образом в сфере семейно-бытового общения, но сохраняет статус основного языка в этой сфере для многих членов сообщества.
2 threatened (начало языкового сдвига)	Большинство взрослых владеют языком, но детям язык, как правило, не передается.	1000–9999 носителей	Большинство членов сообщества говорят на языке. Численность носителей постепенно сокращается.	Язык используется в некоторых неофициальных сферах наряду с другими языками и является основным языком в сфере семейно-бытового общения для многих членов сообщества.

¹¹ Таблица оформлена в соответствии с таблицей на сайте ELCat: https://www.endangeredlanguages.com/about_catalogue/.

Уровень витальности	Межпоколенческая передача языка	Абсолютное число говорящих	Динамика соотношения численности говорящих и величины этнической группы	Сферы использования
1 vulnerable (уязвимый)	Большинство взрослых и некоторые дети владеют языком.	10 000–99 999 носителей	Большинство членов сообщества или членов этнической группы говорят на языке. Численность носителей может сокращаться, однако довольно медленными темпами.	Язык используется в большинстве сфер, включая официальные, например, администрация, СМИ, образование и др.
0 safe (благополучный)	Языком владеют представители всех поколений, включая детей.	>100 000 носителей	Почти все члены сообщества или члены этнической группы говорят на языке, и численность говорящих стабильна или увеличивается.	Язык используется в большинстве сфер, включая официальные, например, администрация, СМИ, образование и др.

Таблица 5

Шкала витальности ELCat

Наименование статуса витальности	Уровень витальности в процентах
safe (благополучный)	0
vulnerable (уязвимый)	1–20
threatened (начало языкового сдвига)	21–40
endangered (под угрозой исчезновения)	41–60
severely endangered (под существенной угрозой исчезновения)	61–80
critically endangered (на пороге исчезновения)	81–100

Уровень витальности дополняется информацией о наличии данных для определения значения каждого из параметров. Эта информация тоже представлена числовым значением — степенью достоверности (level of certainty). Она вычисляется следующим образом: каждому из четырех параметров в случае наличия данных приписывается 5, а в случае отсутствия данных — 0. Значение первого параметра (межпоколенческая передача) удваивается и принимает значение либо 10, либо 0. Затем значения всех параметров складываются (максимальное значение получившейся суммы составляет 25).

Таким образом, каждый язык в каталоге получает сразу две характеристики: уровень витальности и степень достоверности данных, что является отличительной чертой данной шкалы и позволяет лучше понимать, насколько можно доверять представленным в ней данным.

2.5. Другие модели

На основе вышеперечисленных шкал (кроме шкалы Краусса) была разработана объединенная шкала уязвимости языков (Agglomerated Endangerment Status, или AES, см. [Hammarström et al. 2018]), которая используется ресурсом Glottolog (версия 3.1). Уровень витальности в этой шкале не вычисляется, а присваивается на основе существующих баз данных, поэтому в нашей статье мы не будем подробно на ней останавливаться.

Наконец, существует модель типологизации функционирования и определения витальности малых языков, предложенная Дж. Эдвардсом [Edwards 1992]. Данная модель является наиболее дробной из существующих и включает 33 параметра, учитывающих как «внутренние» характеристики конкретной языковой общности (например, численность и концентрация носителей языка, отношение к языку его носителей и др.), так и «внешние» характеристики среды, в которой существует эта общность (например, отношение большинства населения к меньшинству, состояние образования на территории группы и др.). Достоинства и недостатки этой модели обсуждаются в [Grenoble, Whaley 1998; Казакевич 2020], однако совершенно очевидно, что для цели индексации большого количества языков применение этой модели проблематично ввиду трудоемкости.

3. Практическое применение шкал к конкретным языковым ситуациям: предлагаемый подход

Попытка применения существующих шкал витальности к локальным вариантам конкретных языков позволила выявить общую проблему: присвоение одного «ярлыка» языку не всегда адекватно отражает его состояние в целом, поскольку разные локальные варианты языка могут иметь различный уровень витальности (ср. обсуждение подобной проблемы в [Kazakevich, Kibrik 2007; Krauss 2007; Казакевич 2020]). В существующих шкалах каждому языку присваивается только один ярлык, однако непонятно, на каком основании делается выбор. Теоретически можно было бы представить несколько вариантов: можно указывать наиболее высокий (как в Атласе ЮНЕСКО или в каталоге ELCat, см. [Hammarström et al. 2018: 366–367]) или, напротив, наиболее низкий уровень сохранности из существующих для данного языка, можно вычислять среднее значение по всем локальным вариантам (и тогда возникает вопрос, каким образом это сделать) или стоит действовать как-то иначе.

На данный момент нами принято следующее рабочее решение: вместо одного указывать все уровни витальности, полученные для разных локальных вариантов языка, так что результирующей характеристикой витальности языка в целом становится набор этих уровней. За локальную единицу, которой присваивается уровень витальности, берется один населенный пункт (например, поселок) в случае малого языка или административный район, в случае «крупного» (например, республиканского) языка. При этом в самой терминологии мы во многом опираемся на шкалу ELCat, добавив к ней уровень исчезнувшего языка. Используемый нами инвентарь значений витальности выглядит следующим образом: стабильный, уязвимый, начало языкового сдвига, под угрозой исчезновения, под существенной угрозой исчезновения, на пороге исчезновения, исчезнувший.

Применяя данный подход к нескольким миноритарным языкам, мы вычисляли уровень витальности по методике ELCat (см. раздел 2.4). Эта методика привлекла нас своей многофакторностью (учитывается не только межпоколенческая передача, но и сферы использования языка и соотношение числа говорящих и численности этнической группы) и прозрачностью подсчетов. Однако многие формулировки значений параметров ELCat оказались недостаточно конкретными, и для подсчетов мы сделали следующие допущения.

- 1) Параметр «межпоколенческая передача языка». Мы предлагаем краткую характеристику значений с упором на наличие передачи языка: 0 — сохраняется, 1 — сохраняется частично, 2 — сохраняется в отдельных семьях, 3 — прервана (дети не говорят), 4 — прервана (молодежь не говорит), 5 — прервана (среднее поколение не говорит). Подробнее об этом см. раздел 4.
- 2) Параметр «динамика соотношения численности говорящих и величины этнической группы». Поскольку разработчики шкалы не приводят конкретных числовых значений, соответствующих формулировкам «небольшой процент сообщества», «около половины членов сообщества» и т. п., мы исходим из следующего распределения значений этого параметра по процентам (см. табл. 6).

Таблица 6

Распределение значений параметра «динамика соотношения численности говорящих и величины этнической группы» по процентам

5	4	3	2	1	0
1–19 %	20–39 %	40–59 %	60–79 %	80–95 %	96–100 %

- 3) Параметр «сферы использования». Мы исходим из того, что в случае языков России значение 0 по этому параметру можно приписать только русскому языку, а для миноритарных языков отсчет начинается с 1.

Ниже представлено детальное описание наших подсчетов для собственно бежтинского диалекта бежтинского языка, северноселькупского, эвенкийского и хакасского языков.

3.1. Бежтинский язык

Бежтинский язык — один из бесписьменных языков Республики Дагестан, представленный также в Грузии и Азербайджане. Он относится к цезской группе нахско-дагестанской языковой семьи и имеет три диалекта: собственно бежтинский, тлядальский и хашархотинский. Бежтинцы живут компактно как в горной местности, так и в переселенческих селах на равнине, т. е. в селе или поселке живут представители одного диалекта (например, в с. Хашархота живут только носители хашархотинского диалекта). Однако в некоторых поселках способ проживания смешанный: в одном поселке могут проживать носители не только разных диалектов бежтинского языка, но и носители других языков. В городах проживают представители разных народов Дагестана и народов многих других регионов страны.

Определить уровень витальности бежтинского языка является непростой задачей. Прежде всего, это связано с тем, что языковая ситуация различается в местах компактного проживания и со смешанным типом проживания [Comrie 2008; Nichols 1992; 2015; Dobrushina 2013; Dobrushina et al. 2019; Тисова 2020]. Язык в горной местности менее подвержен влиянию извне, что связано в первую очередь с труднодоступностью, географической изоляцией, а также с традиционной эндогамией. Для горного населения характерно многоязычие.

Язык в городской среде, напротив, менее консервативен, в том числе в связи с большим количеством межэтнических браков. Для городского населения характерен билингвизм: жители городов владеют родным и русским языками. Все чаще для молодежи русский язык становится единственным.

Для определения витальности мы рассмотрим локальные варианты собственно бежтинского диалекта бежтинского языка, а именно горные населенные пункты Бежта, Балакури,

Жамод, Исоо, переселенческие села Качалай, Рыбалко, Вперёд, а также город Махачкалу. Для этих населенных пунктов были представлены экспертные данные 2010–2021 гг. по численности населения, численности бежтинцев, количеству говорящих на собственно бежтинском диалекте, отношению числа говорящих к величине этнической группы, а также данные о передаче языка в семье.

В результате подсчетов были выявлены три группы населенных пунктов с разными уровнями витальности: «уязвимый» для первой группы, «начало языкового сдвига» для второй и «под угрозой исчезновения» для третьей группы. В первую группу входят населенные пункты Бежта, Жамод, Исоо, Балакури, Качалай; во вторую группу — Рыбалко и Вперёд; в третью — г. Махачкала. Значения параметров по всем населенным пунктам представлены в табл. 7 и 8, визуализация уровней витальности на карте — на рис. 1.

Таблица 7

Собственно бежтинский диалект бежтинского языка: уровни витальности (подсчеты)

Поселок	Население	Численность бежтинцев	Количество говорящих	Отношение числа говорящих к величине этнической группы	Передача языка внутри семьи	Сферы использования	Уровень витальности
Бежта	3500	3500	3500 (2) ¹²	100 % (0)	Сохраняется (0)	Семейно-бытовая сфера: основной язык всех членов сообщества; неофициальные и официальные сферы: устное неформальное общение; официальные сферы: формальное общение — русский. (2)	Уязвимый (4; 16 %)
Балакури	539	539	539 (3)	100 % (0)	Сохраняется (0)	Семейно-бытовая сфера: основной язык всех членов сообщества; неофициальные и официальные сферы: устное неформальное общение; официальные сферы: формальное общение — русский. (2)	Уязвимый (5; 20 %)
Исоо	476	476	476 (3)	100 % (0)	Сохраняется (0)	Семейно-бытовая сфера: основной язык всех членов сообщества; неофициальные и официальные сферы: устное неформальное общение; официальные сферы: формальное общение — русский. (2)	Уязвимый (5; 20 %)

¹² Здесь и далее в скобках указывается значение соответствующего параметра по шкале ELCat.

Поселок	Население	Численность бежтинцев	Количество говорящих	Отношение числа говорящих к величине этнической группы	Передача языка внутри семьи	Сферы использования	Уровень витальности
Жамод	229	229	229 (3)	100 % (0)	Сохраняется (0)	Семейно-бытовая сфера: основной язык всех членов сообщества; неофициальные и официальные сферы: устное неформальное общение; официальные сферы: формальное общение — русский. (2)	Уязвимый (5; 20 %)
Качалай	984	984	984 (3)	100 % (0)	Сохраняется (0)	Семейно-бытовая сфера: основной язык всех членов сообщества; неофициальные и официальные сферы: устное неформальное общение; официальные сферы: формальное общение — русский. (2)	Уязвимый (5; 20 %)
Рыбалко	1787	231	231 (3)	100 % (0)	Сохраняется (0)	Семейно-бытовая сфера: основной язык для многих членов сообщества (3)	Начало языкового сдвига (6; 24 %)
Вперёд	1554	250	250 (3)	100 % (0)	Сохраняется (0)	Семейно-бытовая сфера: основной язык для многих членов сообщества (3)	Начало языкового сдвига (6; 24 %)
Махачкала	604 266	800	500 (3)	62 % (2)	Сохраняется частично (2)	Язык используется в основном дома или в кругу семьи, и может быть не основным языком даже в этих сферах для многих членов сообщества (4)	Под угрозой исчезновения (11; 44 %)

Таблица 8

Сводное представление уровней витальности локальных вариантов собственно бежтинского диалекта бежтинского языка

Уровень витальности	Поселок	Значения по ELCat
Уязвимый	Бежта	4; 16 %
	Балакури	5; 20 %
	Исоо	5; 20 %
	Жамод	5; 20 %
	Качалай	5; 20 %
Начало языкового сдвига	Рыбалко	6; 24 %
	Вперёд	6; 24 %
Под угрозой исчезновения	Махачкала	11; 44 %

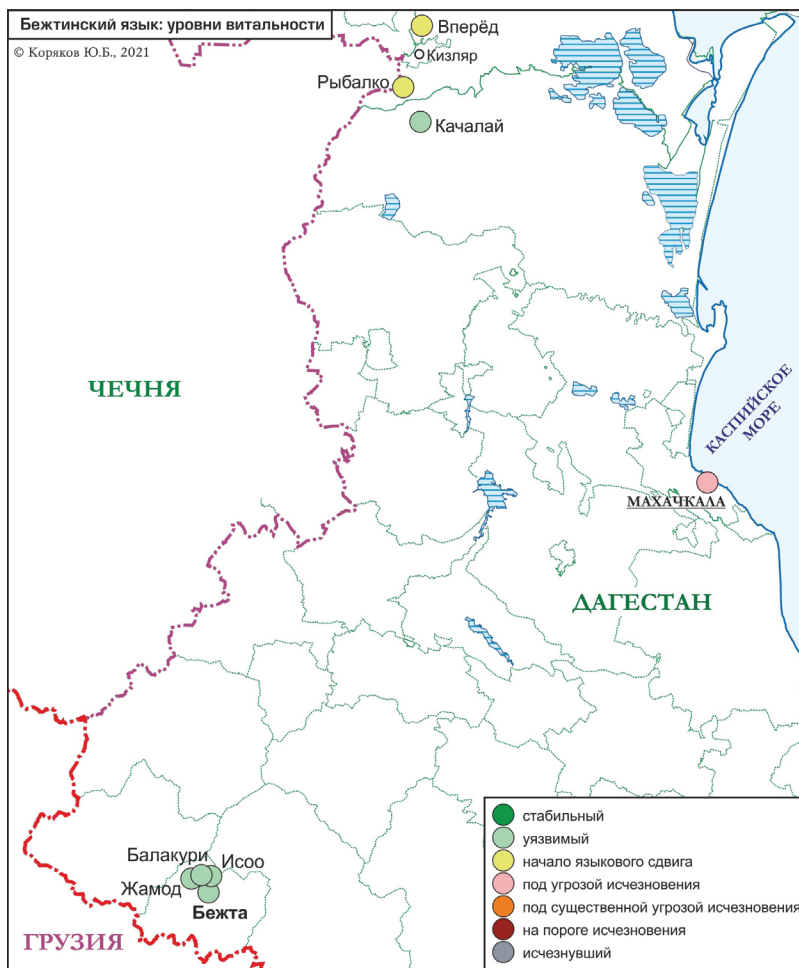

Рис. 1. Собственно бежтинский диалект бежтинского языка: уровни витальности (визуализация)

На примере с. Бежта, Рыбалко и г. Махачкала рассмотрим более детально систему подсчетов ELCat. В с. Бежта сохраняется межпоколенческая передача языка в семье: языком владеют представители всех поколений, включая детей, а соответствующий параметр принимает значение 0 (см. табл. 1). Абсолютное число носителей составляет около 3500 человек (значение параметра — 2). Все члены сообщества говорят на языке, и численность говорящих стабильна (значение параметра — 0). Бежтинский используется в неофициальных сферах наряду с другими языками и является основным языком в сфере семейно-бытового общения для многих членов сообщества. В официальных сферах используется преимущественно русский язык, однако особый случай представляет сфера религии: бежтинский язык используется в некоторых обрядах и песнопениях, но в целом используются арабский и аварский языки. Параметр «сферы использования» принимает значение 2. Таким образом, сумма значений четырех параметров равна 4 (или 16 %) и соответствует статусу «уязвимый» по шкале витальности ELCat.

В с. Рыбалко абсолютное число говорящих меньше (231 человек, значение параметра — 3), отсутствует также использование бежтинского языка при неформальном общении за пределами семейно-бытовой сферы (значение параметра — 3). Другие два параметра совпадают с ситуацией в с. Бежта. Таким образом, сумма значений четырех параметров равна 6 (или 24 %) и соответствует статусу «начало языкового сдвига» по шкале витальности ELCat.

В г. Махачкала межпоколенческая передача собственно бежтинского диалекта в семье частично сохраняется: дети владеют языком примерно в 62 % семей (значение параметра — 2). Абсолютное число носителей составляет 500 человек (значение параметра — 3). Большинство членов сообщества говорят на языке, но численность носителей постепенно сокращается (значение параметра — 2). Язык используется в основном в кругу семьи и может быть не основным языком даже в этих сферах для многих членов сообщества (значение параметра — 4). Таким образом, сумма значений четырех параметров равна 11 (или 44 %) и соответствует статусу «под угрозой исчезновения» по шкале витальности ELCat.

Разные уровни витальности собственно бежтинского диалекта бежтинского языка объясняются преимущественно различными сферами функционирования языка в сельской местности и в городе. Если в моноэтнической сельской местности (Бежта, Жамод, Исоо, Балакури, Качалай) язык используется неофициально во многих сферах (например, в сфере образования, где бежтинский язык используется в дошкольном и начальном обучении, или в сфере медицинского обслуживания), то в полиэтнических селах (Рыбалко, Вперёд) использование языка по большей части ограничивается семейно-бытовой сферой. В полиэтническом городе (Махачкала) происходит вытеснение языка из большинства сфер функционирования и переход на официальный язык межнационального общения (иногда даже в семейно-бытовой сфере). Таким образом, собственно бежтинский диалект бежтинского языка характеризуется набором из трех уровней витальности: уязвимый, начало языкового сдвига и под угрозой исчезновения.

3.2. Северноселькупский язык

Северноселькупский язык (до недавнего времени северное — тазовско-туруханское — наречие селькупского языка) относится к самодийской ветви уральской языковой семьи и распространен на территории пяти населенных пунктов Красноселькупского района (Красноселькуп, Толька, Ратта, Киккиакки и Сидоровск) и трех населенных пунктов Пуровского района (Толька¹³, Быстринка, г. Тарко-Сале) Ямало-Ненецкого автономного округа, а также трех населенных пунктов Туруханского района Красноярского края

¹³ Далее — Толька Пур, в отличие от Тольки Красноселькупского района.

(Фарково, Туруханск, Келлог); несколько носителей языка живут сейчас в г. Тюмень. Северные селькупы составляют большинство только в небольших поселках. Язык представлен пятью диалектами: это среднетазовский (Красноселькуп, Сидоровск), верхнетазовский (Ратта, Толька, Киккиакки), верхнетолькинский (Толька Пур, Быстринка, Тарко-Сале), туруханский (Фарково, Туруханск) и елогуйский (Келлог). Диалекты имеют разную степень сохранности или разный уровень витальности. По данным ВПН-2010, величина северноселькупской этнической группы составляла 2346 человек, а количество говорящих на северноселькупских диалектах — 838 человек. Наши оценки, основанные на данных социолингвистического обследования северноселькупских поселков, проводившегося в 2011–2015 гг., дают более скромную цифру: примерно 600 человек, причем сюда входят носители языка всех уровней — от полностью владеющих языком (не более 250 человек) до пассивных носителей, только понимающих селькупскую речь или способных сказать на языке только несколько бытовых фраз.

При подсчетах уровня витальности северноселькупских диалектов в разных локальных группах (населенных пунктах) по системе ELCat мы опирались на наши полевые данные 2011–2015 гг. (экспедиции проводились в рамках документационных проектов ЛАЛС НИВЦ МГУ, рук. О. А. Казакевич), данные местных администраций о величине этнической группы и данные социолингвистических обследований относительно владения языком и сфер его использования.

Подсчет дает трехступенчатую картину витальности в группах: от «под угрозой исчезновения» до «на пороге исчезновения» (см. табл. 9 и 10 и рис. 2).

Таблица 9

Северноселькупский язык: уровни витальности (подсчеты)

Поселок	Население	Численность селькупов	Количество говорящих	Отношение числа говорящих к величине этнической группы	Передача языка внутри семьи	Сферы использования	Уровень витальности
Красноселькуп	4353	663	80 (4)	12 % (5)	Прервана (8)	Семейно-бытовая сфера: тайный язык у отдельных представителей старшего поколения; традиционные промыслы: наряду с русским; образование: факкультатив в школе; СМИ: телевидение, районная газета; культура: названия музейных экспонатов; культурно-массовые мероприятия. (3)	Под существенной угрозой исчезновения (20; 80 %)
Сидоровск	10	9	4 (5)	44 % (3)	Прервана (8)	Семейно-бытовая сфера: в одной семье наряду с русским. (4)	Под существенной угрозой исчезновения (20; 80 %)

Поселок	Население	Численность селькулов	Количество говорящих	Отношение числа говорящих к величине этнической группы	Передача языка внутри семьи	Сферы использования	Уровень витальности
Толька	1923	541	260 (3)	48 % (3)	Сохраняется в отдельных семьях (4)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским; образование: предмет в школе; культура: названия музейных экспонатов; культурно-массовые мероприятия. (3)	Под угрозой исчезновения (13; 52 %)
Киккиакки	30	30	20 (4)	67 % (2)	Сохраняется в одной семье (4)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским. (4)	Под угрозой исчезновения (14; 56 %)
Ратта	259	166	100 (3)	60 % (2)	Сохраняется в отдельных семьях (4)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским; образование: предмет в школе; культура: культурно-массовые мероприятия. (3)	Под угрозой исчезновения (12; 48 %)
Тарко-Сале	21500	266	30 (4)	11 % (5)	Прервана (6)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; образование: предмет в школе-интернате; культура: культурно-массовые мероприятия. (3)	Под существенной угрозой исчезновения (18; 72 %)
Толька Пур	102	96	60 (4)	63 % (2)	Сохраняется в отдельных семьях (4)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским. (4)	Под угрозой исчезновения (14; 56 %)

Поселок	Население	Численность селькупов	Количество говорящих	Отношение числа говорящих к величине этнической группы	Передача языка внутри семьи	Сферы использования	Уровень vitalityности
Быстринка	66	62	50 (4)	81 % (1)	Сохраняется в отдельных семьях (4)	Семейно-бытовая сфера: в большинстве семей наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским. (3)	Под угрозой исчезновения (12; 48 %)
Туруханск	4313	72	20 (4)	28 % (4)	Прервана (8)	Семейно-бытовая сфера: тайный язык у отдельных представителей старшего поколения (5)	На пороге исчезновения (21; 84 %)
Фарково	289	228	40 (4)	18 % (5)	Прервана (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским; образование: предмет в школе. (3)	Под существенной угрозой исчезновения (20; 80 %)
Келлог	329	5	1 (5)	20 % (4)	Прервана (10)	Язык используется последней носительницей в работе с приезжими лингвистами. (5)	На пороге исчезновения (24; 96 %)

Таблица 10

Сводное представление уровней vitalityности локальных вариантов северноселькупского языка

Уровень vitalityности	Поселок	Значения по ELCat
На пороге исчезновения	Келлог	24; 96 %
	Туруханск	21; 84 %
Под существенной угрозой исчезновения	Красноселькуп	20; 80 %
	Сидоровск	20; 80 %
	Фарково	20; 80 %
	Тарко-Сале	18; 72 %
Под угрозой исчезновения	Киккиакки	14; 56 %
	Толька КС	13; 52 %
	Толька Пур	14; 56 %
	Рагта	12; 48 %
	Быстринка	12; 48 %

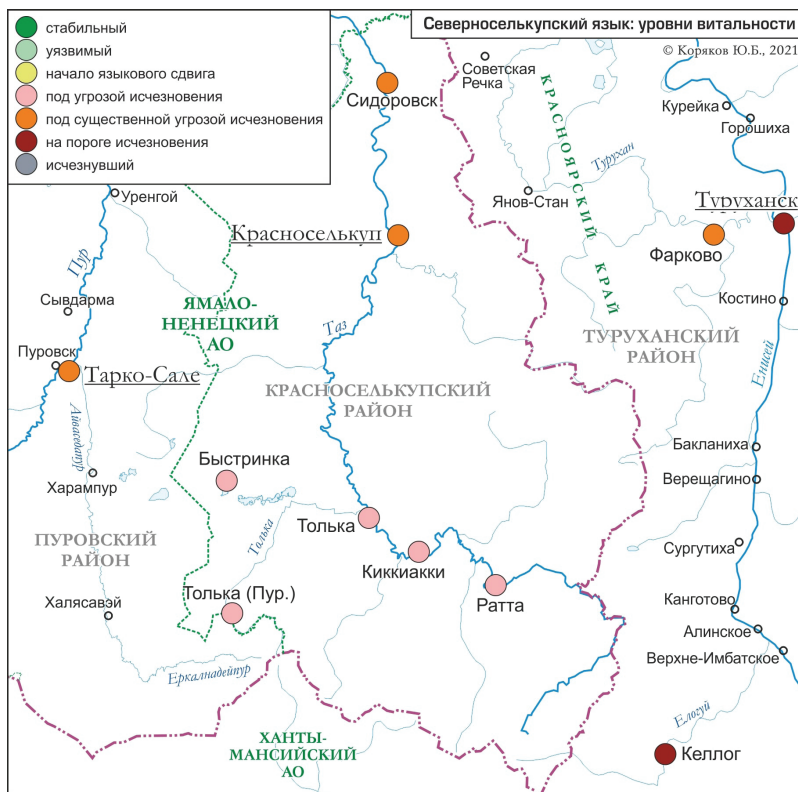

Рис. 2. Северноселькупский язык: уровни витальности (визуализация)

Наиболее сохранны верхнетолькинский и верхнетазовский диалекты. Фактория Быстринка и села Толька Пуровская, Ратта и Толька получают максимальный уровень витальности «под угрозой исчезновения». В отдельных семьях там сохраняется передача селькупского языка детям. И в семейно-бытовой сфере, и в традиционном производстве (оленеводство, охота, рыболовство) селькупский функционирует наряду с русским языком, причем русский нередко доминирует. Процент владеющих селькупским среди селькупского населения в Быстринке выше, чем в других населенных пунктах, поскольку это почти моноэтнический поселок, причем большинство семей живут не в самом поселке, а на своих рыбопромысловых участках по берегам озер и речек и приезжают в поселок, только чтобы сдать рыбу и купить продукты. На рыболовецких стойбищах далеко не везде есть телефонная связь, не говоря уже об интернете, но даже в такой глубинке не все дети усваивают селькупский до школы. Абсолютное количество носителей селькупского выше всего в Тольке. Толька — это довольно большой поселок (около 2000 чел.), где селькупы составляют всего 28 % населения, однако несколько семей поселка до сих пор держат оленей и большую часть года проводят на своих охотничьих угодьях. Дети, которые до школы живут на стойбищах, усваивают и селькупский, и русский. В Ратте и Тольке Пуровской тоже есть семьи, живущие на стойбищах, и именно в этих семьях еще держится передача этнического языка детям. В Тольке и в Ратте селькупский преподается в школе и иногда используется в культмассовых мероприятиях, однако новых носителей языка школа не создает. Почти опустевший поселок Киккиакки также дает уровень «под угрозой исчезновения». Зимой там живет 1–2 семьи, а летом приезжает еще несколько семей из Тольки; в одной из этих семей на момент обследования (2012 г.) сохранялась передача языка детям,

причем не от родителей, а от бабушки. В группе селькупов г. Тарко-Сале язык находится «под существенной угрозой». Тарко-Сале — райцентр Пуровского района, где селькупы составляют чуть больше одного процента. Почти все они — выходцы из Тольки Пуровской или Быстринки. Старшее и отчасти среднее поколение владеет селькупским, но детям язык не передается. В школе-интернате Тарко-Сале получают образование селькупские дети из Тольки Пуровской и Быстринки; там преподается селькупский язык, но новых носителей это не создает.

Передача детям среднетазовского и туруханского диалектов прервана повсеместно не менее четырех десятилетий тому назад. Среднетазовский диалект в Красноселькупе и Сидоровске и туруханский в Фаркове находятся «под существенной угрозой исчезновения». Младшим носителям языка за 40. При этом в Красноселькупе, райцентре Красноселькупского района, язык, почти ушедший из семейно-бытовой сферы, ограниченно используется в школе, в газете и на телевидении, не говоря уже о культурных мероприятиях, а в Фаркове преподается в школе. В группе селькупов Туруханска, райцентра Туруханского района, туруханский диалект, на котором говорит горстка пожилых людей, стоит «на пороге исчезновения».

Наконец, у елогуйского диалекта (Келлог), также получившего при подсчете уровень витальности «на пороге исчезновения», осталась последняя носительница, для которой уже много лет единственной коммуникативной ситуацией является работа с приезжающими лингвистами.

В целом более высокий уровень витальности демонстрируют локальные группы северных селькупов небольших поселков, удаленных от районных центров. Влияет и длительность контактов с языком большей функциональной мощности — русским. Так, на Турухане интенсивные контакты с русскими начались существенно раньше, чем на Тазе: до 1944 г. Средний и Верхний Таз (Сидоровск, Красноселькуп, Толька, Киккиакки, Ратта) были глубокой труднодоступной периферией Туруханского района. Даже после передачи этой территории Ямало-Ненецкому автономному округу и создания Красноселькупского района с центром в Красноселькупе, русскоязычного населения там было относительно немного. Массовый приток русскоязычного населения на Таз начался только в 1970–1980-е гг. Происходившие задолго до того контакты северноселькупского языка с языками сопоставимой функциональной мощности (эвенкийским в Ратте, восточнохантыйским в Тольке Пуровской, кетским в Ратте и Фаркове) не вели к ослаблению позиций селькупского языка. Напротив, носители этих языков были ассимилированы селькупцами и перешли на селькупский язык. Единственная группа, где в результате контактов селькупы были отчасти ассимилированы кетами, — это елогуйские селькупы Келлога. Нельзя не отметить, что сегодня среди знатоков селькупского языка и фольклора много потомков смешанных селькупско-эвенкийских, селькупско-кетских и селькупско-хантыйских семей. Не последнюю роль в сохранении внутрисемейной передачи этнического языка играет традиционная хозяйственная деятельность, прежде всего оленеводство, требующее постоянного нахождения семьи или отдельных ее членов вдали от поселка. Оленеводство отчасти сохраняется в бассейне Таза, но исчезло на Турухане более 40 лет назад. При исчезновении оленеводства охота и рыбная ловля, распространенные повсеместно, но имеющие сезонный характер, не обеспечивают сохранности языка. Впрочем, сегодня язык не всегда передается детям и в оленных семьях. Во всех трех райцентрах (Красноселькупе, Тарко-Сале и Туруханске) уровень витальности языка, как правило, ниже, чем в поселках соответствующих районов¹⁴, хотя именно в райцентрах зачастую сосредоточено функционирование языка в нетрадиционных сферах.

¹⁴ В Красноселькупском районе исключение составляет Сидоровск, где уровень витальности такой же, как в райцентре. См. об этом ниже.

3.3. Эвенкийский язык

Эвенкийский язык относится к тунгусо-маньчжурским языкам. Он распространен на огромной территории от притоков Оби и Иртыша на западе до острова Сахалин на востоке и от Таймыра на севере до границы с Китаем на юге. Впрочем, по-эвенкийски говорят и за пределами России в Китае и Монголии. На территории России язык представлен большим количеством локальных вариантов (диалектов, говоров), которые объединяются в три наречия — северное, южное и восточное [Василевич 1948].

По ВПН-2010 в России насчитывалось 37 843 эвенка, из которых только 4310 человек заявили о владении своим этническим языком. Из более сотни населенных пунктов с эвенкийским населением для подсчета уровня витальности был выбран 21, куда вошли два наиболее благополучных, по мнению экспертов, поселка Иенгра и Усть-Нюкжа и 19 поселков из числа тех, где в последние полтора десятилетия проводились социолингвистические обследования в рамках документационных проектов ЛАЛС НИВЦ МГУ и ЛИСМЯ ИЯз РАН (рук. О. А. Казакевич). Подсчеты базируются на данных ВПН-2010 и нашей экспертной оценке объема и сфер использования языка¹⁵ (см. табл. 11 и 12 и рис. 3).

Таблица 11

Эвенкийский язык: уровни витальности (подсчеты)

Поселок	Население	Численность эвенков	Количество говорящих	Отношение числа говорящих к величине этнической группы	Передача языка внутри семьи	Сферы использования	Уровень витальности
Иенгра	1104	816	612 (3)	75 % (2)	Сохраняется частично (2)	Семейно-бытовая сфера: во многих семьях наряду с русским; традиционные промыслы: оленеводство наряду с русским; образование: предмет в школе; культура: культурно-массовые мероприятия (3)	Начало языкового сдвига (10; 40 %)
Усть-Нюкжа	599	350	303 (3)	86 % (2)	Сохраняется частично (2)	Семейно-бытовая сфера: во многих семьях наряду с русским; традиционные промыслы: оленеводство наряду с русским; образование: предмет в школе; культура: культурно-массовые мероприятия. (3)	Начало языкового сдвига (10; 40 %)

¹⁵ В двух случаях, когда возникли существенные противоречия между данными переписи и данными наших обследований, мы откорректировали данные переписи в сторону наших данных (Советская Речка и Тетей).

Поселок	Население	Численность эвенков	Количество говорящих	Отношение числа говорящих к величине этнической группы	Передача языка внутри семьи	Сферы использования	Уровень витальности
Суринда	493	479	288 (3)	60 % (3)	Прервана (6)	Семейно-бытовая сфера: во многих семьях наряду с русским; традиционные промыслы: оленеводство наряду с русским; образование: предмет в школе; культура: культурно-массовые мероприятия (3)	Под угрозой исчезновения (15; 60%)
Тура	5535	925	222 (3)	24 % (4)	Прервана (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским; образование: факультатив в школе; курсы для детей и взрослых; СМИ: районная газета; культура: культмассовые мероприятия. (3)	Под существенной угрозой (18; 72%)
Чиринда	211	160	78 (4)	48 % (3)	Прервана (6)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским и/или якутским; традиционные промыслы: наряду с русским и/или якутским; образование: предмет в школе; культура: культмассовые мероприятия. (3)	Под существенной угрозой (16; 64%)
Тутончаны	263	123	98 (4)	79 % (2)	Прервана (6)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским; образование: предмет в школе; культура: культмассовые мероприятия. (3)	Под угрозой исчезновения (15; 60%)

Поселок	Население	Численность эвенков	Количество говорящих	Отношение числа говорящих к величине этнической группы	Передача языка внутри семьи	Сферы использования	Уровень витальности
Советская Речка	143	89	60 (4)	67% (2)	Сохраняется в отдельных семьях (4)	Семейно-бытовая сфера: в большинстве семей наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским; образование: предмет в школе; культура: культмассовые мероприятия. (3)	Под угрозой исчезновения (13; 52%)
Тетя	37	34	10 (4)	29% (4)	Прервана (дети не говорят) (6)	Семейно-бытовая сфера: в большинстве семей наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским (3)	Под существенной угрозой исчезновения (17; 68%)
Полигус	302	216	96 (4)	44% (3)	Прервана (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским; образование: предмет в школе; культура: культмассовые мероприятия. (3)	Под существенной угрозой исчезновения (18; 72%)
Тугур	384	252	59 (4)	23% (4)	Прервана (6)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; традиционные промыслы: оленеводство наряду с русским; образование: предмет в школе; культура: культмассовые мероприятия. (3)	Под существенной угрозой исчезновения (17; 68%)
Ербогачен	1913	251	27 (4)	10% (5)	Прервана (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; традиционные промыслы: оленеводство наряду с русским; образование: предмет в школе; культура: культмассовые мероприятия. (3)	Под существенной угрозой исчезновения (20; 80%)

Поселок	Население	Численность эвенков	Количество говорящих	Отношение числа говорящих к величине этнической группы	Передача языка внутри семьи	Сферы использования	Уровень vitalityности
Стрелка-Чуна	191	95	21 (4)	22 % (4)	Прервана (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским; образование: предмет в школе sporadически. (4)	Под существенной угрозой исчезновения (20; 80 %)
Алгазея	62	62	10 (4)	16 % (5)	Прервана (есть, по крайней мере, один молодой человек, который говорит по-эвенкийски), остальным носителям за 50 (6)	Семейно-бытовая сфера: тайный язык у отдельных представителей старшего поколения; традиционные промыслы: оленеводство наряду с русским; культурно-массовые мероприятия. (4)	Под существенной угрозой исчезновения (19; 76 %)
Хан-тайское Озеро	354	148	10 (4)	6 % (5)	Прервана (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским; образование: предмет в школе; культура: культмассовые мероприятия (3)	Под существенной угрозой исчезновения (20; 80 %)
Муторай	96	55	28 (4)	50 % (3)	Прервана (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским; образование: предмет в школе sporadически; культмассовые мероприятия. (4)	Под существенной угрозой исчезновения (19; 76 %)

Поселок	Население	Численность эвенков	Количество говорящих	Отношение числа говорящих к величине этнической группы	Передача языка внутри семьи	Сферы использования	Уровень витальности
Юкта	105	69	12 (4)	17% (5)	Прервана (10)	Семейно-бытовая сфера: тайный язык у отдельных представителей старшего поколения; традиционные промыслы: наряду с русским sporadически; образование: предмет в школе; культура: культурно-массовые мероприятия. (4)	На пороге исчезновения (23; 92%)
Вершина-Тутуры	184	149	10 (5)	6% (5)	Прервана (10)	Семейно-бытовая сфера: тайный язык у отдельных представителей старшего поколения; традиционные промыслы: наряду с русским sporadически; образование: факультатив в школе; культура: культурно-массовые мероприятия. (4)	На пороге исчезновения (24; 96%)
Виакту	184	44	9 (5)	20% (4)	Прервана (10)	Семейно-бытовая сфера: тайный язык у отдельных представителей старшего поколения; работа с приезжими лингвистами. (5)	На пороге исчезновения (24; 96%)
Токма	75	22	5 (5)	22% (4)	Прервана (10)	Семейно-бытовая сфера: тайный язык у отдельных представителей старшего поколения; работа с приезжими лингвистами. (5)	На пороге исчезновения (24; 96%)

Поселок	Население	Численность эвенков	Количество говорящих	Отношение числа говорящих к величине этнической группы	Передача языка внутри семьи	Сферы использования	Уровень vitalityности
Сым	179	14	5 (5)	36 % (4)	Прервана (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским (4)	На пороге исчезновения (21; 84 %)
Перевоз	873	56	0 (5)	0 % (5)	Прервана (10)	Язык не используется, некоторые эвенки помнят только отдельные слова. (5)	Исчезнувший (25; 100 %)

Таблица 12

Сводное представление уровней vitalityности 21 локального варианта эвенкийского языка

Уровень vitalityности	Поселок	Значения по ELCat
Исчезнувший	Перевоз	25; 100 %
	Токма	24; 96 %
На пороге исчезновения	Виахту	24; 96 %
	Вершина-Тутуры	24; 96 %
	Юкта	23; 92 %
	Сым	21; 84 %
	Хантайское озеро	20; 80 %
Под существенной угрозой исчезновения	Стрелка-Чуны	20; 80 %
	Ербогачен	20; 80 %
	Муторай	19; 76 %
	Алгазья	19; 76 %
	Полигус	18; 72 %
	Тура	18; 72 %
	Тугур	17; 68 %
	Тетя	17; 68 %
	Чиринда	16; 64 %
	Под угрозой исчезновения	Тутончаны
Суринда		15; 60 %
Советская речка		13; 52 %
Начало языкового сдвига	Усть-Нюкжа	10; 40 %
	Иенгра	10; 40 %

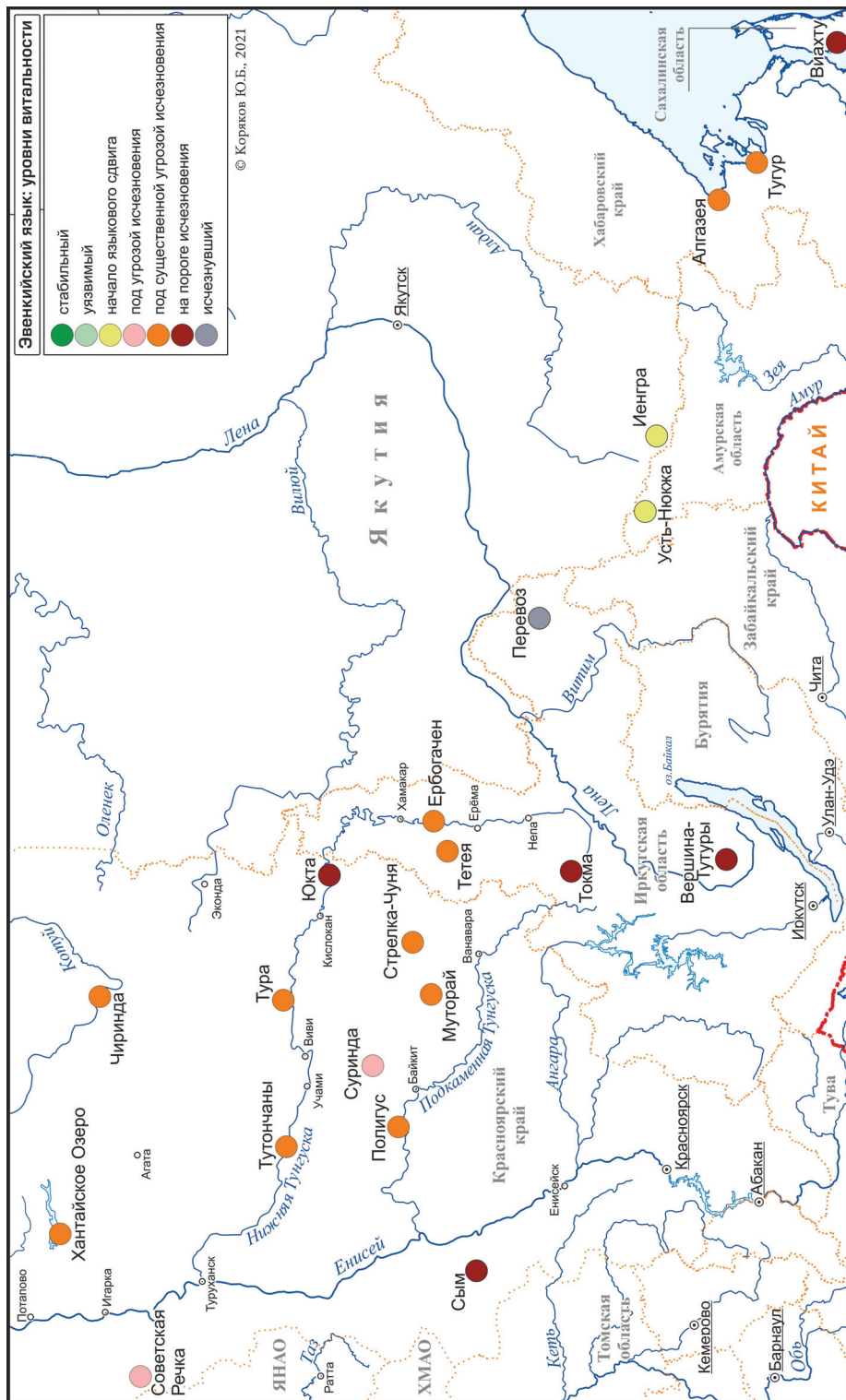

Рис. 3. Эвенкийский язык: уровни витальности (визуализация)

Эвенкийская выборка дает разброс поселков (локальных групп) по пяти уровням витальности от «начала языкового сдвига» до «исчезнувший».

«Начало языкового сдвига»: Иенгра, Усть-Нюкжа (восточное наречие). Довольно большие поселки с преимущественно эвенкийским населением; язык продолжает служить средством общения представителей старшего и отчасти среднего поколения наряду с русским, во многих семьях эвенкийский все еще передается детям, однако детей, не говорящих по-эвенкийски, из года в год становится больше. Язык преподается в детском саду и школе.

«Под угрозой исчезновения»: Советская Речка (северное наречие), Суринда (южное наречие). Если в Советской Речке в отдельных семьях язык еще может передаваться детям, то в Суринде передача языка прервана не менее 15–20 лет назад. Носителей языка в Суринде раза в три больше, чем в Совречке¹⁶. В обоих поселках сохраняется оленеводство, но ни традиционные занятия, ни преподавание языка в школе не спасают от перехода на русский язык, который доминирует во всех сферах, в том числе семейно-бытовой.

«Под существенной угрозой исчезновения»: Хантайское Озеро, Чиринда, Тутончаны, Тура, Ербогачен, Тетя¹⁷ (северное наречие), Полигус (южное наречие), Тугур, Алгазя (восточное наречие). Язык спорадически используется как средство общения в старшем и среднем поколениях наряду с русским, но русский доминирует во всех сферах. Передача языка детям прервана от 10–15 (Тетя) до 30–40 лет назад (Ербогачен). В Хантайском Озере, Чиринде, Тутончанах и Ербогачене язык преподается в школе как предмет или как факультатив, в Туре есть курсы эвенкийского для детей и взрослых и выходит эвенкийская страница в районной газете.

«На пороге исчезновения»: Сым (южное наречие), Юкта (северное наречие), Токма, Вершина-Тутуры, Виахту (восточное наречие). Эвенкийский практически не используется как средство коммуникации, иногда служит тайным языком для знающих. Владеют языком единицы, все старше 50 лет.

«Исчезнувший»: Перевоз (судя по остаткам эвенкийской лексики у жителей поселка с эвенкийской самоидентификацией, восточное наречие). В результате интенсивных контактов с якутами в начале XX в. возникло эвенкийско-якутское двуязычие, не менее 60 лет назад прекратилась передача эвенкийского языка от родителей детям, а к концу XX в. завершился переход группы на якутский язык. Старшие вспоминают лишь отдельные эвенкийские слова. Сейчас в группе начался новый процесс смены языка — переход с якутского на русский.

Широкий разброс уровней витальности в 21 локальной группе эвенков связан с рядом факторов, среди которых время начала контактов с языком большей функциональной мощности и их интенсивность, сохранение оленеводства, наличие вынужденных переселений в истории группы, доля эвенкийского населения в поселке, языковая лояльность членов группы. Обе группы эвенков с уровнем языковой витальности «начало языкового сдвига» живут в поселках средних размеров (Иенгра и Усть-Нюкжа) и составляют в них большинство населения (74 % и 58 %). Обе группы сохраняют оленеводство, и в обеих группах сохраняется внутрисемейная передача языка, хотя и не во всех семьях. При этом эвенкийский в поселках функционирует не только в традиционных, но и в нетрадиционных сферах, однако без специального полевого исследования трудно сказать, насколько это влияет на сохранность межпоколенческой передачи языка и его повседневное использование. В истории эвенкийских локальных групп нашей выборки языков, контакты с которыми привели к языковому сдвигу, было три: якутский, долганский и, конечно, русский. Примером группы, полностью утратившей эвенкийский и перешедшей на якутский,

¹⁶ В ВПН-2010 количество владеющих эвенкийским языком в поселке явно занижено. Мы пользуемся данными наших обследований.

¹⁷ В ВПН-2010 завышено количество эвенкийских жителей поселка. Мы пользуемся данными наших обследований.

являются эвенки Перевоза. Раннее начало интенсивных контактов с русским языком, утрата оленеводства и переселение из тайги в поселок с преимущественно русскоязычным населением привело к языковому сдвигу в последней стадии с уровнем витальности «на пороге исчезновения» у эвенков Токмы, Виахту, Вершины-Тутуры. Для каменных эвенков, переселенных в Хантайское Озеро, триггером, запустившим процесс языкового сдвига, стали интенсивные контакты с долганями, которые еще на Камне привели к переходу части группы на долганский язык. Затем последовало переселение всех жителей фактории в Хантайское Озеро, где сейчас мы находим не только каменных, но и хантайских эвенков, а также эвенков, переселившихся сюда из закрывшихся факторий (Агаты, Большого Порога, Виви) уже в процессе нового языкового сдвига — перехода с долганского или с эвенкийского на русский.

Наличие в группе факторов, способных положительно влиять на сохранность языка, далеко не всегда эту сохранность гарантируют. Пример тому — группа эвенков Суринды, составляющих большинство населения поселка и сохраняющих оленеводство, но уже лет 20 не передающих этнический язык детям («под угрозой исчезновения»). Такой же уровень витальности оказался в Советской Речке, которая почти в три раза меньше Суринды, но, подобно Суринде, сохраняет оленеводство, хотя и в гораздо меньших масштабах, а при этом и тоненькую струйку передачи языка в семье. Возможно, работает языковая лояльность группы, когда-то перешедшей на левый берег Енисея и оставшейся там среди селкупов и ненцев, сохраняя свое этническое самосознание и свой язык.

3.4. Хакасский язык

В качестве примера республиканского языка можно привести хакасский. Хакасский язык относится к тюркским языкам, у него выделяются четыре основных диалекта: кызыльский, качинский, сагайский и шорский. Всего на хакасском языке говорит около 40 тыс. человек, подавляющее большинство из них проживает в Хакасии. Язык имеет официальный статус в Республике Хакасия, для него разработана литературная норма. До 2018 г. он преподавался как обязательный предмет во всех школах Хакасии; в настоящее время количество школ с преподаванием хакасского языка уменьшилось. Несмотря на официальный статус, сохранность хакасского языка в республике невысока, и реальное употребление языка за редким исключением сводится к семейно-бытовой сфере. Витальность хакасского языка различается по районам и населенным пунктам, разные диалекты показывают разный уровень витальности.

Проблема применения шкал к языкам с большим количеством носителей (как хакасский) во многом состоит в том, что провести широкомасштабное социолингвистическое обследование и оценить реальный уровень витальности в каждом населенном пункте большого ареала является непосильной задачей. Поэтому для хакасского языка мы использовали данные ВПН-2010. Однако тут следует учитывать, что, руководствуясь данными переписи, приходится опираться на субъективное мнение представителей этнической общности о владении этническим языком, достаточно часто не совпадающее с оценкой лингвистов, а кроме того, анализировать и исключать методические погрешности, возникающие в процессе сбора информации о населении. С другой стороны, в переписи не отражены сферы использования языка, и тут все равно приходится подключать данные экспертов.

Работа с ВПН-2010 по республике Хакасия обнаруживает некоторые проблемы, вероятно, связанные с тем, что переписчики в разных районах получили разные инструкции. Так, в Таштыпском районе, где проживает большое количество хакасов и сохранность хакасского языка достаточно высокая по сравнению с другими районами, по многим поселкам графа владения языком оказывается пустой, при этом в графе «Родной язык» данные присутствуют. Такое возможно в переписи по двум основным причинам. Это может

быть ситуация, когда представители этнической группы называют своим родным языком язык своей этнической группы, которым они при этом не владеют, о чем далее сообщают переписчику, и данные в графу «Владение языками» не вносятся. Но возможно и то, что во время переписи, в случае если родным языком называется этнический язык, далее о его владении переписчики просто не спрашивают, считая, что владение по умолчанию следует из признания языка родным. Таким образом, данные по владению этническим языком также не вносятся в графу «Владение языками». По всей вероятности (это также подтверждается экспертными оценками), во время переписи по Таштыпскому району Хакасии имела место вторая ситуация. Поэтому при определении общего количества владеющих языком по Таштыпскому району пришлось учитывать данные из графы переписи «Родной язык».

Для языков с большим количеством носителей затруднительно просчитать каждый населенный пункт, поэтому нами было принято решение за локальную единицу брать целый административный район. Плотность этнического населения может сильно различаться по районам. Соответственно, сохранность языка в той или иной локальной группе в случае хакасского зависит от компактности проживания и удельной плотности носителей в районе.

В табл. 13 представлены данные ВПН-2010 по республике Хакасия, касающиеся численности хакасской этнической группы и количества носителей хакасского языка в восьми районах и четырех наиболее крупных городах, включая столицу — г. Абакан (данные в таблице отсортированы по величине этнической группы в районе или городе). Данные о передаче языка внутри семьи и о сферах использования языка предоставлены экспертами. В табл. 14 дается сводное представление уровней витальности локальных вариантов по районам.

Таблица 13

Хакасский язык: уровни витальности (подсчеты)

Районы и города	Население	Численность хакасов	Количество говорящих	Отношение числа говорящих к величине этнической группы	Передача языка внутри семьи	Сферы использования	Уровень витальности
Аскизский район	40 795	20 584	17 008 (1)	82,6 % (2)	Сохраняется в отдельных семьях (4)	Семейно-бытовая сфера: в половине семей наряду с русским. Культура: культурно-массовые мероприятия. Образование: предмет изучения в школе (3)	Начало языкового сдвига (10; 40 %)
г. Абакан	160 441	18 488	11 271 (1)	61 % (3)	Сохраняется в отдельных семьях (4)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским. Культура: культурно-массовые мероприятия. Образование: предмет изучения в школе (4)	Под угрозой исчезновения (12; 48 %)
Таштыпский район	16 565	7 313	5 843 (2)	79,9 % (2)	Сохраняется в отдельных семьях (4)	Семейно-бытовая сфера: в половине семей наряду с русским. Культура: культурно-массовые мероприятия. Образование: предмет изучения в школе (3)	Под угрозой исчезновения (11; 44 %)

Районы и города	Население	Численность хакасов	Количество говорящих	Отношение числа говорящих к величине этнической группы	Передача языка внутри семьи	Сферы использования	Уровень витальности
Бейский район	20 057	3 620	3 037 (2)	83,9 % (2)	Сохраняется в отдельных семьях (4)	Семейно-бытовая сфера: в половине семей наряду с русским. Образование: предмет изучения в школе. Культура: культурно-массовые мероприятия. (3)	Под угрозой исчезновения (11; 44 %)
Ширинский район	28 779	3 189	1 591 (2)	49,9 % (3)	Прервана (дети не говорят) (6)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским. Образование: предмет изучения в школе. Культура: культурно-массовые мероприятия. (4)	Под угрозой исчезновения (15; 60 %)
Усть-Абаканский район	39 350	2 586	1 177 (2)	45,5 % (4)	Прервана (молодежь не говорит) (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским. Образование: предмет изучения в школе. Культура: культурно-массовые мероприятия. (4)	Под существенной угрозой исчезновения (18; 72 %)
Алтайский район	25 568	2 493	1 668 (2)	66,9 % (3)	Прервана (дети не говорят) (6)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским. Образование: предмет изучения в школе. Культура: культурно-массовые мероприятия. (4)	Под угрозой исчезновения (15; 60 %)
Орджоникидзевский район	12 840	1 339	424 (3)	31,7 % (4)	Прервана (молодежь не говорит) (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским. Образование: предмет изучения в школе. Культура: культурно-массовые мероприятия. (4)	Под существенной угрозой исчезновения (19; 76 %)

Районы и города	Население	Численность хакасов	Количество говорящих	Отношение числа говорящих к величине этнической группы	Передача языка внутри семьи	Сферы использования	Уровень витальности
г. Черногорск	73 796	1 128	533 (3)	47,3 % (4)	Прервана (молодежь не говорит) (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским. Образование: предмет изучения в школе. Культура: культурно-массовые мероприятия. (4)	Под существенной угрозой исчезновения (19; 76 %)
г. Сорск	12138	723	212 (3)	29,3 % (4)	Прервана (молодежь не говорит) (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским. Образование: предмет изучения в школе. Культура: культурно-массовые мероприятия. (4)	Под существенной угрозой исчезновения (19; 76 %)
г. Саяногорск	63 306	583	308 (3)	52,8 % (3)	Прервана (молодежь не говорит) (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским. Образование: предмет изучения в школе. Культура: культурно-массовые мероприятия. (4)	Под существенной угрозой исчезновения (18; 72 %)
Богградский район	14 954	481	107 (3)	22,2 % (4)	Прервана (молодежь не говорит) (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским. Образование: предмет изучения в школе. Культура: культурно-массовые мероприятия. (4)	Под существенной угрозой исчезновения (19; 76 %)
г. Абаза	16 841	330	141 (3)	42,7 % (4)	Прервана (молодежь не говорит) (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским. Образование: предмет изучения в школе. Культура: культурно-массовые мероприятия. (4)	Под существенной угрозой исчезновения (19; 76 %)

Рис. 4. Хакасский язык: уровни витальности (визуализация)

Таблица 14

Сводное представление уровней витальности локальных вариантов хакасского языка

Уровень витальности	Поселок	Значения по ELCat
Под существенной угрозой исчезновения	г. Абаза	19; 76 %
	Боградский район	19; 76 %
	г. Сорск	19; 76 %
	г. Черногорск	19; 76 %
	Орджоникидзевский район	19; 76 %
	Усть-Абаканский район	18; 72 %
	г. Саяногорск	18; 72 %
Под угрозой исчезновения	Алтайский район	15; 60 %
	Ширинский район	15; 60 %
	г. Абакан	12; 48 %
	Таштыпский район	11; 44 %
Начало языкового сдвига	Бейский район	11; 44 %
	Аскизский район	10; 40 %

Наибольшая сохранность хакасского языка отмечается в Аскизском, Таштыпском и Бейском районах. Именно в этих районах численность этнической группы наиболее высокая. Статус по шкале ELCat для хакасского языка по разным районам варьируется от «начало языкового сдвига» до «под существенной угрозой исчезновения» (см. рис. 4). При этом нужно понимать, что оценка витальности для конкретного района не означает, что во всех населенных пунктах этого района она будет такой же. Например, в каких-то конкретных населенных пунктах язык может быть полностью утрачен.

4. Обсуждение результатов

Опыт практического применения шкалы ELCat, представленный на примерах в разделе 3, выявил несколько общих проблемных мест. В параметре «межпоколенческая передача языка» авторы шкалы объединяют несколько факторов: доля носителей разных поколений (большинство взрослых / некоторые взрослые / многие из старшего поколения / несколько носителей старшего поколения) и наличие передачи языка детям. При этом комбинации этих факторов внутри значений каждого параметра не покрывают всех случаев, встретившихся в нашей практике. Так, не учитывается ситуация, когда небольшое количество взрослых говорит на языке, а передача языка детям при этом сохраняется (пусть и в небольшом количестве семей). Именно этот случай мы наблюдаем в некоторых районах, где распространен хакасский язык. В результате мы приняли решение изменить формулировки значений этого параметра (см. раздел 3), оставив только один фактор — передача языка.

В параметре «количество носителей» интервал от 10 до 99 представляется недостаточно детализированным: одинаковое значение по этому параметру получают языки с 10 и 99 носителями, хотя это явно неравноценные ситуации. Представляется разумным разделить этот интервал хотя бы на два: от 10 до 29 и от 30 до 99. При малом количестве носителей различие в несколько десятков человек может изменить перспективу функционирования языка, и это следует учитывать при измерении витальности.

Искажать результат подсчета витальности в определенных случаях может параметр «динамика соотношения количества носителей и численности этнической группы»: если этническая группа очень малочисленна, то даже небольшое абсолютное количество носителей дает высокий процент владения языком в группе (ср. ситуацию с северноселькупским языком в Келлоге и с эвенкийским в Сыме).

Трудности возникли и с параметром «сферы использования»: значения этого параметра в целом описаны довольно размыто, а между уровнями «благополучный» и «уязвимый» различия и вовсе отсутствуют (см. также обсуждение в разделе 3). На практике в наших подсчетах мы использовали более конкретное описание сфер (семейно-бытовая, традиционное производство, образование, СМИ, культура, религия).

При этом важно понимать, что один и тот же уровень витальности может быть приписан локальным вариантам языка, находящимся в разном положении, и эта разница не будет явно отражена в том ярлыке, который им приписан. Уровень витальности может быть связан с различающимися значениями некоторых параметров. Иными словами, ситуации локальных вариантов языка, попавших на один уровень шкалы, могут не совпадать в деталях. Увидеть эту разницу позволяет эксплицитное представление подсчетов значений параметров по шкале ELCat. Например, Красноселькуп и Сидоровск получают одинаковый уровень витальности, но Красноселькуп за счет довольно широкого использования там уже не передающегося детям селькупского языка в нетрадиционных сферах, а Сидоровск за счет высокого процента говорящих по-селькупски среди весьма скромного количества (10) живущих там селькупов, большинство из которых весьма преклонного возраста. Общей проблемой при применении любой шкалы к оценке витальности языка является полнота и достоверность исходных данных. Полевые данные можно считать самыми точными, при этом их сбор требует значительных ресурсов, особенно для языков с большим числом носителей. Экспертная оценка позволяет получить реалистичное представление о состоянии языка, но часто это качественные, а не количественные данные, к тому же не по каждому языку можно найти эксперта. Перепись населения содержит большой объем данных, которые показывают общую картину, однако не всегда верно отражают действительность (ср., например, ситуацию с хакасским языком, описанную в разделе 3.4, а также проблемы, обсуждаемые в [Беликов 2020]).

Часть данных переписи основывается на самооценке респондентов и, таким образом, субъективна. Так, при ответе на вопрос о национальной принадлежности многие носители бежтинского языка относят себя к аварцам, но родным языком считают бежтинский.

При построении единообразного описания большого количества языков приходится задействовать данные из разных источников: переписей и экспедиций разных лет, публикаций и оценок экспертов. Из-за «разношерстности» исходных материалов разработчикам энциклопедических ресурсов иногда бывает сложно корректно сопоставить различные языковые ситуации, а пользователи испытывают затруднения при их анализе.

Заключение

В статье мы рассмотрели разные подходы к понятию витальности и существующие модели измерения ее уровня. Была выбрана шкала ELCat как наиболее подходящая для наших целей, и ее использование было продемонстрировано на материале четырех миноритарных языков России: собственно бежтинского диалекта бежтинского языка, северноселькупского, эвенкийского и хакасского языков.

Как правило, уровень витальности присваивается языку в целом, однако поскольку в разных локальных группах языковые ситуации могут различаться, было решено присваивать уровень варианту языка, функционирующему в отдельной локальной группе (в отдельных населенных пунктах или административных районах в зависимости от общего

числа носителей языка). Итоговая характеристика витальности языка представляет собой набор значений. В процессе применения шкалы к конкретному материалу были выявлены проблемные точки. Для устранения некоторых из них нам удалось предложить собственное решение. Таким образом, в очередной раз было показано, насколько полезным оказывается тестирование модели на реальном материале.

Конечно, для усовершенствования шкал, претендующих на универсальность и точность оценки витальности, хотелось бы ввести в модель больше параметров, но подобная детализация вступает в противоречие с применимостью модели к значительному объему материала. Даже использование шкалы ELCat с ее четырьмя параметрами потребовало существенных затрат, так что сложно себе представить, каким образом можно оценить витальность большого количества языков (например, всех языков России), скажем, по модели Дж. Эдвардса с ее 33 параметрами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Агранат 2018 — Агранат Т. Б. Миноритарные языки европейской части РФ с точки зрения критериев витальности ЮНЕСКО. *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*, 2018, 801(9): 324–350. [Agranat T. B. Minority languages of the European part of Russia from the point of view of UNESCO factors of language vitality. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*, 2018, 801(9): 324–350.]
- Амелина, Акбаш 2016 — Амелина М. К., Акбаш Е. У. Мансийский язык. *Язык и общество. Энциклопедия*. Михальченко В. Ю. (отв. ред.). М.: Азбуковник, 2016, 265–273. [Amelina M. K., Akbash E. U. Mansi. *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya*. Mikhail'chenko V. Yu. (ed.). Moscow: Azbukovnik, 2016, 265–273.]
- Беликов 2020 — Беликов В. И. Многоязычный Дагестан: лингводемографический комментарий к Всероссийской переписи населения 2010. *Малые языки в большой лингвистике. Сб. трудов конференции 2020*. Семенова Кс. П. (ред.). М.: Буки Веди, 2020, 16–24. [Belikov V. I. Multilingual Dagestan: A linguo-demographic commentary to the Russian census of 2010. *Malye yazyki v bol'shoi lingvistike. Sbornik trudov konferentsii 2020*. Semionova X. P. (ed.). Moscow: Buki Vedi, 2020, 16–24.]
- Василевич 1948 — Василевич Г. М. *Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка*. Л.: Учпедгиз, 1948. [Vasilevich G. M. *Ocherki dialektov evenkiiskogo (tungusskogo) yazyka* [Sketches on the Evenki (Tungus) dialects]. Leningrad: Uchpedgiz, 1948.]
- Вахтин, Головки 2004 — Вахтин Н. Б., Головки Е. В. *Социоллингвистика и социология языка. Учебное пособие*. СПб.: Издательский центр «Гуманитарная академия», 2004. [Vakhtin N. B., Golovko E. V. *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka. Uchebnoe posobie* [Sociolinguistics and sociology of language. A textbook]. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya, 2004.]
- ВПН-2010 — Всероссийская перепись населения 2010. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. [The Russian census of 2010. Data on the final results of the Russian census of 2010] https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
- Казакевич 2020 — Казакевич О. А. Социоллингвистическая типология языков малочисленных народов. *Закономерности социокультурного развития языков в полиэтнических странах мира: Россия — Вьетнам*. Биткеева А. Н., Михальченко В. Ю., Нгуен Ван Хьеп (отв. ред.). М.: ИМЛИ РАН, 2020, 42–46. [Kazakevich O. A. Sociolinguistic typology of minority languages. *Zakonovernosti sotsiokul'turnogo razvitiya yazykov v polietnicheskikh stranakh mira: Rossiya — V'etnam*. Bitkeeva A. N., Mikhail'chenko V. Yu., Nguyen Van Hiep (eds.). Moscow: Gorky Institute of World Literature, 2020, 42–46.]
- Михальченко 2006 — Михальченко В. Ю. (ред.). *Словарь социоллингвистических терминов*. М.: ИЯЗ РАН, 2006. [Mikhail'chenko V. Yu. (ed.). *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* [A dictionary of sociolinguistic terminology]. Moscow: Institute of Linguistics, 2006.]
- Оде 2016 — Оде С. Тундрный юкагирский язык. *Язык и общество. Энциклопедия*. Михальченко В. Ю. (отв. ред.). М.: Азбуковник, 2016, 500–502. [Ode S. Tundra Yukaghir. *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya*. Mikhail'chenko V. Yu. (ed.). Moscow: Azbukovnik, 2016, 500–502.]
- Перехвальская 2016 — Перехвальская Е. В. Удэгейский язык. *Язык и общество. Энциклопедия*. Михальченко В. Ю. (отв. ред.). М.: Азбуковник, 2016, 506–513. [Perekhval'skaya E. V. Udihe. *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya*. Mikhail'chenko V. Yu. (ed.). Moscow: Azbukovnik, 2016, 506–513.]

- Поливанов и др. 2020 — Поливанов К. К., Казакевич О. А., Сердобольская Н. В., Халилова З. М., Будянская Е. М., Евстигнеева А. П., Мищенко К. О., Мордашова Д. Д., Покровская С. В., Ренковская Е. А. Информационный ресурс «Малые языки России»: задачи и специфика. *Малые языки в большой лингвистике. Сб. трудов конференции 2020*. Семенова Кс. П. (ред.). М.: Буки Веди, 2020, 186–192. [Polivanov K. K., Kazakevich O. A., Serdobol'skaya N. V., Khalilova Z. M., Budyanskaya E. M., Evstigneeva A. P., Mishchenkova K. O., Mordashova D. D., Pokrovskaya S. V., Renkovskaya E. A. The information resource “Minority languages of Russia”: Objectives and specific features. *Malye yazyki v bol'shoi lingvistike. Sbornik trudov konferentsii 2020*. Semionova X. P. (ed.). Moscow: Buki Vedi, 2020, 186–192.]
- Ризаханова 2006 — Ризаханова М. Ш. *Гинухцы. XIX — начало XX в. Историко-этнографическое исследование*. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. [Rizakhanova M. Sh. *Ginukhtsy. XIX — nachalo XX v. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [The Hinukh. 19th and early 20th century: A study on history and ethnography]. Makhachkala: Institute of History, Archeology, and Ethnography, 2006.]
- Тисова 2020 — Тисова Д. С. Использование этнических языков в условиях доминирования лингва франка (на примере Махачкалы). *Социологические исследования*, 2020, 46(6): 114–121. [Tisova D. S. Ethnic language use under conditions of lingua franca domination: The case of Makhachkala. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020, 46(6): 114–121.]
- Allard, Landry 1986 — Allard R., Landry R. Subjective ethnolinguistic vitality viewed as a belief system. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 1986, 7: 1–12.
- Austin 2008 — Austin P. *One thousand languages: Living, endangered and lost*. Berkeley: Univ. of California Press, 2008.
- Bourhis et al. 1981 — Bourhis R. Y., Giles H., Rosenthal D. Notes on the construction of a “Subjective vitality questionnaire” for ethnolinguistic groups. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 1981, 2: 145–155.
- Bourhis et al. 2019 — Bourhis R. Y., Sachdev I., Ehala M., Giles H. Assessing 40 years of group vitality research and future directions. *Journal of Language and Social Psychology*, 2019, 38(4): 409–422.
- Brenzinger 2007 — Brenzinger M. Language endangerment throughout the world. *Language diversity endangered*. Brenzinger M. (ed.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2007, ix–xvii.
- Campbell 1994 — Campbell L. Language death. *The encyclopedia of language and linguistics*. Asher R. E. (ed.). Oxford: Pergamon Press, 1994, 1960–1968.
- Campbell 2017 — Campbell L. About the catalogue of the endangered languages. 2017. <http://endangered-languages.com/about/>.
- Comrie 2008 — Comrie B. Linguistic diversity in the Caucasus. *Annual Review of Anthropology*, 2008, 37(1): 131–143.
- Dobrushina 2013 — Dobrushina N. How to study multilingualism of the past: Investigating traditional contact situations in Daghestan. *Journal of Sociolinguistics*, 2013, 17(3): 376–393.
- Dobrushina et al. 2019 — Dobrushina N., Kozhukhar A., Moroz G. Gendered multilingualism in highland Daghestan: Story of a loss. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 2019, 40(2): 115–132.
- Dressler 1988 — Dressler W. U. Language death. *Language: The socio-cultural context*. Newmeyer F. J. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988, 184–192.
- Edwards 1992 — Edwards J. Sociopolitical aspects of language maintenance and loss. *Towards a typology of minority language situations. Maintenance and loss of minority languages*. Fase W., Jaspaert K., Kroon S. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1992, 37–54.
- Fishman 1991 — Fishman J. A. *Reversing language shift: Theory and practice of assistance to threatened languages*. Clevedon: Multilingual Matters, 1991.
- Fitzgerald 2017 — Fitzgerald C. M. Understanding language vitality and reclamation as resilience: A framework for language endangerment and “loss” (commentary on Mufwene). *Language*, 2017, 93(4): 280–298.
- Forker 2013 — Forker D. *A grammar of Hinuq*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013.
- Giles 1979 — Giles H. Ethnicity markers in speech. *Social markers in speech*. Scherer K. R., Giles H. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1979, 251–290.
- Giles et al. 1977 — Giles H., Bourhis R. Y., Taylor D. M. Towards a theory of language in ethnic group relations. *Language, ethnicity and intergroup relations*. Giles H. (ed.). London: Academic Press, 1977, 307–348.
- Giles, Johnson 1981 — Giles H., Johnson P. The role of language in ethnic group relations. *Intergroup behaviour*. Turner J. C., Giles H. (eds.). Oxford: Blackwell, 1981, 199–243.

- Grenoble, Whaley 1998 — Grenoble L., Whaley L. *Endangered languages: Language loss and community response*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998.
- Hammarström et al. 2018 — Hammarström H., Castermans T., Forkel R., Verbeek K., Westenberg M. A., Speckmann B. Simultaneous visualization of language endangerment and language description. *Language Documentation & Conservation*, 2018, 12: 359–392.
- Kazakevich, Kibrik 2007 — Kazakevich O., Kibrik A. E. Language endangerment in the CIS. *Language diversity endangered*. Brenzinger M. (ed.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2007, 233–262.
- Krauss 1992 — Krauss M. The world's languages in crisis. *Language*, 1992, 68(1): 4–10.
- Krauss 2007 — Krauss M. Classification and terminology for degrees of language endangerment. *Language diversity endangered*. Brenzinger M. (ed.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2007, 1–8.
- Lee, Van Way 2018 — Lee N. H., Van Way J. R. The language endangerment index. *Cataloguing the world's endangered languages*. Campbell L., Belew A. (eds.). London: Routledge, 2018, 66–78.
- Lewis, Simons 2010 — Lewis M. P., Simons G. Assessing endangerment: Expanding Fishman's GIDS. *Revue Roumaine de Linguistique / Romanian Review of Linguistics*, 2010, 2(55): 103–120.
- McConnell 1996 — McConnell G. D. A model of language development and vitality. *Indian Journal of Applied Linguistics*, 1996, 22(1): 33–47.
- Moseley 2010 — Moseley C. (ed.). *Atlas of the world's languages in danger*. 3rd edn. Paris: UNESCO Publ., 2010.
- Nichols 1992 — Nichols J. *Linguistic diversity in space and time*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1992.
- Nichols 2015 — Nichols J. Types of spread zones: Open and closed, horizontal and vertical. *Language structure and environment. Social, cultural, and natural factors*. De Busser R., LaPolla R. J. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2015, 261–286.
- Norris 2010 — Norris M. J. Canada and Greenland. *Atlas of the world's languages in danger*. Moseley C. (ed.). Paris: UNESCO Publ., 2010.
- Polivanov et al. 2020 — Polivanov K., Kazakevich O., Serdobolskaya N., Khalilova Z., Budyanskaya E., Evstigneeva A., Mishchenkova K., Mordashova D., Pokrovskaya S., Renkovskaya E. The website “Minority languages of Russia”: Visualizing language data. *Proc. of the Linguistic Forum 2020: Language and Artificial Intelligence (Moscow, 2020)*. Solovyev V., Loukachevitch N., Lyashevskaya O. (eds.). E-publication, 2020. <http://ceur-ws.org/Vol-2852/paper10.pdf>.
- Roche 2017 — Roche G. Linguistic vitality, endangerment and resilience. *Language Documentation and Conservation*, 2017, 11: 190–223.
- Sasse 1992 — Sasse H.-J. Theory of language death. *Language death: Factual and theoretical explorations with special reference to East Africa*. Brenzinger M. (ed.). Berlin: Mouton De Gruyter, 1992.
- Smith et al. 2017 — Smith B. K., Ehala M., Giles H. Vitality theory. *Oxford research encyclopedia of communication*. Nussbaum J. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2017.
- Tajfel 1978 — Tajfel H. The psychological structure of intergroup relations. *Differentiation between social groups: Studies in the social psychology of intergroup relations*. Tajfel H. (ed.). London: Academic Press, 1978, 27–100.
- UNESCO 2003 — UNESCO Ad Hoc Expert Group on Endangered Languages. *Language vitality and endangerment*. UNESCO, 2003. <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000183699?posInSet=5&queryId=N-EXPLORE-55a6f322-253c-4a66-9110-febd547a3546>.
- UNESCO 2011 — UNESCO's Culture Sector. *UNESCO's Language Vitality and Endangerment Methodological Guideline: Review of Application and Feedback since 2003*. Background Paper for expert meeting “Towards UNESCO Guidelines on Language Policies: A Tool for Language Assessment and Planning” (30 May — 1 June 2011). 2011.

Многозначность предбудущего в романских языках в типологическом контексте

© 2022

Дмитрий Владимирович Сичинава

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия; mitrius@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается типологически устойчивая полисемия предбудущего времени, проявляющаяся в романских языках. Наличие такой типологической полисемии выявлено в цикле работ Я. А. Пеньковой; мы на романском материале выделяем еще несколько характерных контекстов, например «контекст незнания». По отдельности некоторые из обсуждаемых значений уже рассматривались романистами, но предмет сопоставления и анализа в типологическом контексте еще не были. Исследование проведено на корпусном материале и на материале анкетирования.

Ключевые слова: будущее время, время, европейский ареал, ирреальность, перфект, полисемия, предбудущее, предшествование, романские языки, таксис, эпистемическая модальность

Благодарности: Статья написана при поддержке проекта № 17-34-01061 РФФИ «Славянское второе будущее в типологической перспективе». Автор благодарен анонимным рецензентам за ценные замечания и дополнения.

Для цитирования: Сичинава Д. В. Многозначность предбудущего в романских языках в типологическом контексте. *Вопросы языкознания*, 2022, 4: 48–65.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.4.48-65

Polysemy of Future Anterior in Romance in a typological context

Dmitri V. Sitchinava

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

mitrius@gmail.com

Abstract: The paper deals with the polysemy of Future Anterior tense in Romance. The cross-linguistic polysemy of this form, described in Yana A. Penkova's papers, is here expanded by some additional uses, such as the "ignorative" contexts. In the literature on the Romance verbal system, multiple semantic uses of Future Anterior have been discerned but never previously compared and analyzed in a typological context. The research is informed by corpus material and questionnaires.

Keywords: anteriority, epistemic modality, European area, future, future anterior, irreality, perfect, polysemy, Romance, taxis, tense

Acknowledgements: The author's work was supported by the Russian Foundation for Basic Research project No. 17-34-01061 "Slavic Future Anterior in a typological perspective". The author owes his thanks to anonymous reviewers who suggested valuable remarks and additions.

For citation: Sitchinava D. V. Polysemy of Future Anterior in Romance in a typological context. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 4: 48–65.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.4.48-65

1. Введение

Предбудущим (лат. *antefuturum*, англ. *future anterior*, франц. *passé antérieur*) или вторым будущим¹ (лат. *futurum secundum*; другой латинский термин, *futurum exactum*, буквально 'завершенное будущее', переводить не принято) называется видо-временная форма, основным значением которой является предшествование по отношению к точке отсчета в плане будущего. Иными словами, она соединяет граммему категории абсолютного времени, отсчитываемого от действительного центра, а именно будущего, и граммему категории относительного времени, или таксиса, а именно предшествования. Подобным образом предбудущее — прежде всего английское — описано в работах, использующих понятийный аппарат абсолютного и относительного времен [Reichenbach 1947; Comrie 1985]. В качестве формы таксиса предбудущему находится место и на страницах типологического описания этой категории [Храковский (ред.) 2009].

В большинстве языков Европы эта форма представляет собой, синхронно или, по крайней мере, на остаточном уровне, «футуральный перфект», то есть перенесенную формально в план футурума аналитическую форму «вспомогательный глагол + нефинитная форма основного (лексического) глагола». В таких системах вспомогательный глагол аналитической конструкции стоит в будущем времени: ср. англ. *I will have done*, древнерусск. *буду ходиль*, — и эта конструкция соотносится с менее маркированной (и, соответственно, более частотной) конструкцией, в которой выступает презенс вспомогательного глагола: *I have done*, *есмь ходиль*. Последняя имеет значение либо перфекта, то есть «ослабленного результиativa» — формы, передающей релевантность некоторого события для момента речи (ср. [McCoard 1978; Маслов 1984; Плунгян 2016] и другие работы), — либо развившегося из него простого прошедшего. Последний сценарий отражен, например, в большинстве языков средневропейского ареала, при том что на севере и юге Европы перфект сохраняется, ср. [Abraham 1999; Thieroff 2000; Сичинава 2008] и др. Морфологический перфект, однако, признается в контексте абсолютно-относительной временной формы лишь показателем таксиса (ср. [Anderson 1982] о семантической карте перфекта), хотя, разумеется, он налицо и в контекстах собственно «перфекта-в-будущем». При этом в некоторых языках предбудущее является синтетической формой, сложная морфологическая структура которой вскрывается лишь на уровне этимологической реконструкции. Ср. в этом отношении латинскую форму *volu-er-o* (о ее месте на фоне грамматикализации аналитических европейских форм см. [Пенькова 2018]).

С типологической точки зрения симметричным соответствием предбудущего во временном плане прошлого является плюсквамперфект, иногда именуемый предпрошедшим («антепретеритом») и т. п.; вспомогательный глагол соответствующей аналитической формы стоит в одном из прошедших времен (хотя опять-таки бывают и синтетические формы, например в том же латинском языке). Дефолтным грамматическим значением получившейся формы является предшествование в плане прошедшего, а также и перфект в плане прошедшего там, где подобная форма имеется в системе и формально лежит в основе плюсквамперфекта; об этой полисемии см., например, [Salkie 1989] и [Squartini 1999]. Относительно плюсквамперфекта уже весьма давно, со времен работы [Dahl 1985] (ср. также [Plungian, van der Auwera 2006; Сичинава 2013; Поповић 2012] и другие работы), известно, что с типологической точки зрения эта форма в большинстве языков мира некомпозициональна или, по крайней мере, имеет те или иные некомпозициональные значения, определяемые не столько фактом предшествования некоторой точке отсчета во временном плане прошлого, сколько целым рядом прагматических, модальных и дискурсивных факторов:

¹ Как типологический термин «второе будущее» не очень удобен: собственно, в частноязыковом описании так может быть произвольно названа любая футуральная форма в языке, где таковых больше одной.

неактуальная ситуация, аннулированный результат, прекращенная ситуация, отступление от основной линии повествования и т. п.

Несмотря на то, что в общих типологических очерках глагольных систем Европы некомпозициональные употребления предбудущего не упоминаются, схожие свойства этого времени тоже хорошо известны специалистам по конкретным группам языков — в частности, в романских языках, о которых пойдет речь в нашей статье. Это тем более предсказуемо, что другие формы с сочетанием противоположных граммем «будущее + прошедшее», например «будущее в прошедшем», как хорошо известно, развивают ирреальные значения — от английских *would*-форм и французского *conditionnel*, который также имеет интерпретацию «будущее в прошедшем», до форм ряда языков Африки и Океании, сочетающих футурум с показателем ретроспективного сдвига (об этих примерах и этом понятии см. [Плунгян 2001]). Сочетание двух противоположных перспектив на временной оси, тем более с задействованием временного плана будущего (как известно, в силу своей семантики футурум демонстрирует в языках мира свойства не времени, а ирреального наклонения), могло дать весьма интересные результаты. И все же аналогичные свойства предбудущего в типологической перспективе не изучались до недавней серии работ Я. А. Пеньковой (в частности, [2014; 2016; 2017а; 2018]), посвященных в основном славянским формам на широком типологическом фоне (последняя — языкам Европы в целом). При этом фронтальное изучение грамматик языков мира вне европейского ареала показывает, что аналогичные европейским употреблениям форм, описываемых как предбудущее или перфект в будущем, представлены и во многих других семьях, — этому сюжету будет посвящена особая статья.

В работах Я. А. Пеньковой было показано, в частности, что формы предбудущего устойчиво развивают ряд дополнительных значений: условия (например, в славянских языках), оценки вероятности (в романских и балтийских языках), немедленного или предиктивного будущего (в древнегреческом и старофранцузском). Для них характерны определенные пути грамматикализации. Так, значение простого (немаркированного) будущего времени, которое имеет эти формы, например, в польском, словенском или кайкавских говорах хорватского, развилось, вероятнее всего, через вторичное значение «следование в будущем», инвертирующее таксисную компоненту композиционального значения. Полностью представить себе и очертить эту картину и пространство возможностей некомпозициональных значений предбудущего можно только путем специального анкетирования информантов по расширенной переводной анкете (см. раздел 4 настоящей статьи), а возможно, и после построения семантической карты (подступы к которой уже сделаны в [Пенькова 2018]).

2. Романские формы предбудущего: общее

В настоящей работе в фокусе внимания находятся формы романских языков, в грамматиках именуемые «предбудущими» (например, франц. *futur antérieur*²) и описываемые обычно как таксисные формы, которые передают предшествование во временном плане будущего, хотя и ирреальные их употребления нередко также описываются.

² Этот термин во французском языке подвергается метафоризации в лингвистическом дискурсе, так же как и *plus-que-parfait* (о последнем см. [Сичинава 2013: 314—346]). Так, словосочетание *futur antérieur* использует в своей философии Жак Лакан, который так обозначает индивидуальную историю каждой человеческой личности: точкой отсчета для нее выступает не настоящее, а будущее, поскольку человеческое «я» находится в непрерывном процессе становления [Лакан 1966: 300]. Ниже увидим, что значение, при котором футуральная точка отсчета переосмыслена как постоянно происходящая, вневременная ситуация, действительно есть во французском языке. О метафоризации немецкого термина *футурум цвай* см. также [Пенькова 2017б].

Романские формы представляют собой с морфологической точки зрения аналог перфекта, где вспомогательный глагол стоит в будущем времени. Исходное латинское синтетическое предбудущее было утрачено, причем в вымершем в XIX веке далматинском языке, где оно сохранялось материально, у него было уже чисто футуральное значение (см. подробнее [Пенькова 2018]), возможное, впрочем, еще в классической латыни. Употребления новых аналитических форм предбудущего в романских языках, не связанные с предшествованием во временном плане будущего, отмечены уже в средневековый период — например, в старофранцузском. Это немедленное и/или предиктивное будущее (предсказание некоторой ситуации)³ (1), а также экспрессивный или адмиративный (маркирующий неожиданность ситуации для говорящего) перфект (2).

- (1) *Or dira Loëys... que nous vous avrons mort, murdri et estranlé.* (Aïol.) [Gamillscheg 1957: 420]
 ‘И вот скажет Людовик... что мы вас **умертвим, убьем и задушим**’.
- (2) *He, fils de treue com m'avras hui penie!* (Garin le Lorrain) [Yvon 1922]
 ‘Эх, собачий сын (букв. «сын свиньи»), как ты меня сегодня **замучил!**’

Модальные (гипотетические) употребления романских форм предбудущего и будущего в целом хорошо известны и включаются в грамматики этих языков.

Работы о французском предбудущем (см. прежде всего статью [Novakova 2000] и указанные в ней грамматики) выделяют в качестве особых значений предбудущего темпоральное, связываемое с последовательностью двух событий во временном плане будущего, а также значение гипотезы по отношению к временному плану прошлого. И. Новакова выделяет три класса модальных употреблений: связанные с «догадкой», «возмущением» и «подведением итогов». В грамматике [Weinrich 1982] указывается, что предбудущее (Vor-Futur) по сравнению с обычным будущим сильнее передает значение неуверенности (Ungewissheit), а также используется в юридическом языке для описания возможной ситуации, в связи с которой закон устанавливает те или иные санкции.

Ряд авторов предполагает те или иные синхронные связи между темпоральными и нетемпоральными употреблениями французского futur antérieur. В специально посвященной предбудущему статье [Novakova 2000], опирающейся на теорию А. Кюльоли, как инвариантное значение для темпоральных и модальных употреблений французского предбудущего описывается аспектуальное значение завершенности. В использующей методологию формальной семантики работе [Viguier 2012: 486] предложен взгляд на употребление предбудущего в значении «суждений и комментариев» (Beurteilungen und Kommentaren) как на темпоральное, а именно передающее косвенный речевой акт. В монографии [Schrott 1997: 390 ff.], посвященной передаче временной референции к будущему в современном французском, эпистемические употребления, связанные с референцией к прошлому и сочетающиеся с соответствующими обстоятельствами времени, рассматриваются как «функциональный сдвиг». Автор использует понятийный аппарат, восходящий к работам Х. Рейхенбаха о временной референции.

В итальянской грамматике [Seriani 2006: §§ 386–390] выделяются, помимо собственно темпорального, юссивное (императивное), смягчающее, ретроспективное и предположительное значения итальянского будущего. Автор отмечает, что итальянское предбудущее (в отличие от латинского) обязательно в контекстах последовательности времен и означает, прежде всего, действие, «спроецированное в будущее и гипотетически представленное как предшествующее другому событию в будущем», а также гипотезу.

Авторы справочной грамматики итальянского языка М. Мейден и Ч. Робустелли [Maiden, Robustelli 2000: 288–289] также описывают «значение догадки» у итальянского будущего

³ Больше число разнообразных примеров приводится в работе [Пенькова 2018]. Приносим благодарность А. В. Лаврентьеву за помощь в переводе примеров.

(‘должно быть, сейчас восемь’): простое будущее отсылает к временному плану настоящего, предбудущее — к плану прошлого. Авторы отмечают нечасто описываемую в английских грамматиках параллель такому употреблению в английском языке (*He'll have gone home by now* ‘Он, вероятно, сейчас уже ушел домой’).

В «Большой справочной грамматике итальянского языка», в написанном Л. Ванелли разделе о дейксисе [GGIC, III: 317–319], предбудущее и плюсквамперфект отнесены к «анафорически-дейктическим» временам: указано, что они не могут употребляться в независимом предложении без указания на точку отсчета. В разделе о глагольных конструкциях П. М. Бертинетто [GGIC, II: 124–125] отмечает, что нетемпоральные употребления для предбудущего менее характерны, чем для простого будущего, и носят ретроспективный или эпистемический характер (причем не всегда эти два класса употреблений легко разграничить). Кроме того, эта конструкция характерна для высказываний общего характера, юридических текстов и рецептов. Формулировки и примеры практически дословно тождественны приведенным в более ранней монографии Бертинетто об итальянском глаголе [Bertinnetto 1986: 507–508].

Академическая «Новая грамматика испанского языка» [NG 2009: 1793] отмечает, что эпистемические значения предбудущего в испанском параллельны аналогичным значениям простого будущего, при том что значение «догадки» у предбудущего статистически преобладает над темпоральным (ср. также [Bosque, Demonte (dir.) 1999: 2458–2459]). Кроме того, как указывает «Новая грамматика», при референции к прошлому в одной части испаноговорящих стран форма предбудущего соответствует перфекту (плюс модальный компонент), а в другой части — простому прошедшему.

Грамматика [Vera Morales 2012] проводит более тонкие различия между модальными значениями испанского предбудущего: «неуверенность по отношению к неисчерпанному прошедшему временному интервалу» (‘кто бы это мог быть?’), «предположение по отношению к прошедшему» (‘мы, наверное, перепутали’), «виртуализация положения дел» (‘допустим, он много страдал, но речь не о том’). В более ранней грамматике [Alonso 1974: 143] разграничены употребления «удивления» и «вероятности».

В грамматике каталанского языка [Badia i Margarit 1994: 654] идет речь об основном значении (перфектно-относительном времени), а также об обозначении сомнительных, предположительных или возможных событий в прошлом. Автор, однако, квалифицирует такую конструкцию как испанизм (*castellanizant*) и советует избегать ее в литературном каталанском.

Академическая грамматика румынского языка [Mănea et al. 2005: 445–446] указывает только на темпоральное употребление предбудущего, а также на завершенность и удаленность от точки отсчета.

В наиболее полной сардинской грамматике [Puddu 2018: 261] указаны модальные употребления лишь простого будущего, а предбудущее описано как часть конструкций, указывающих на последовательность времен.

Модальным употреблениям будущего в романских языках посвящены многие статьи в сборнике [Barranzini (ed.) 2017]. Так, сравнение модальных употреблений будущего во французском, итальянском и румынском представлено в статье [Rossari et al. 2017]: для первых двух языков — не только и не столько предбудущего, сколько простого будущего, для третьего — презумптива, одна из форм которого близка балканскому (например, болгарскому) предбудущему, также имеющему презумптивные функции. В целом в подобных работах предбудущее редко играет самостоятельную роль; большинство примеров содержит обычное будущее, в то время как «на полях» может быть указано на ряд особых функций предбудущего — к примеру, «выражение умозаключения по отношению к прошедшему» [Azzopardi 2017: 87, 95–96]. В XX — начале XXI в. модальное использование предбудущего получает во французском языке новое развитие; так, в работе [Шишова 2014] отмечено, что оно преобладает в языке французской прессы (аналогичные статистические наблюдения — в испанских грамматиках, см. выше). На использование предбудущего в ряде модальных функций отчасти влияет также смешение со схоже

морфологически устроенным кондиционалом (М. Имофф, устное сообщение; для испанского языка такое сближение отмечено в [NG 2009]).

Данные трех современных романских языков далее привлекаются нами (раздел 3) по материалам снабженных морфологической разметкой параллельных двуязычных корпусов НКРЯ (ruscogroga.ru): французско-русского, итальянско-русского и испанско-русского (объем, соответственно, 6,2, 4,9 и 3,8 млн словоупотреблений). Используются как оригинальные, так и переведенные с русского романские тексты; в этих случаях русский текст демонстрирует либо переводное соответствие, либо стимул перевода для соответствующего семантического контекста. Указанные параллельные корпуса состоят в основном из художественных текстов (в том числе включающих прямую речь), хотя в последнее время в их состав введены также и публицистические, и деловые сочинения.

Исследование указанных конструкций сразу следует сопроводить оговоркой о редкости данного явления в языках в целом, далеко не только романских. Эти формы, как и формы уже упоминавшегося плюсквамперфекта (об этих последних и их конкуренции с претеритом см., в частности, [Apothélos, Combettes 2011; 2016]), могут выступать в синонимических рядах с другими (простым перфектом, футурумом и прочими временами), поэтому для исследования допустимости предбудущего в тех или иных контекстах мы дополняем обращение к корпусу анкетированием носителей языка (см. раздел 4), которым, помимо спонтанного перевода, даются также задания с эксплицитным вопросом на допустимость в том или ином контексте. Специально проблема конкуренции предбудущего с другими формами в настоящей статье не исследуется. Обращение к анкетированию позволяет четче выявить различие между разными типами модального употребления данной формы, а также классифицировать романские языки с точки зрения продуктивности предбудущего в различных контекстах.

3. Семантика французской, испанской и итальянской форм предбудущего в романско-русских параллельных корпусах

3.1. Французский язык

Большинство французских форм в параллельном корпусе НКРЯ — таксисные формы, выбор которых диктуется согласованием времен (обычно в зависимых темпоральных предложениях с союзом *quand* ‘когда’).

- (3) *Alors ce sera merveilleux quand tu m'auras apprivoisé!* [Antoine de Saint-Exupéry. *Le petit prince* (1942)]
И как чудесно будет, когда ты меня приручишь! [Антуан де Сент-Экзюпери. *Маленький принц* (Нора Галь, 1959)]

Тем не менее имеются примеры, непосредственно продолжающие полисемию старофранцузской формы, например значение предиктивного будущего (часто с временным наречием):

- (4) *Но скоро подрастут молодые... волчата, как называл их Сталин... Скоро они подрастут...* [Светлана Алексиевич. *Время секунд хэнд* (ч. 1) (2013)]
Mais bientôt, les jeunes auront grandi. Les petits loups, comme disait Staline. Ils seront bientôt grands... [Svetlana Alexievitch. *La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement* (p. 1) (Sophie Benech, 2013)]

Предиктивное будущее диахронически объясняется, по нашей гипотезе, тем, что предсказывается некоторая **результативная** ситуация в будущем (*ils seront grands*), являющаяся результатом предшествующего события.

Экспрессивное прошедшее (актуальное с оттенком значения перфекта) с негативной коннотацией, известное, как мы видели, в старофранцузском, сохраняется и в современном языке («значение итога», «la valeur de bilan», по [Novakova 2000] и [Rossari et al. 2017]):

- (5) *Et pourtant, je sais aujourd'hui que ce faux départ **aura donné** un ton particulier à ma vie et qu'il en est le fond sensible.* [Patrick Modiano. Quartier perdu (1985)]
*И, однако, я знаю теперь, что этот фальстарт **наложил** отпечаток на всю мою жизнь и многое в ней определяет.* [Патрик Модиано. Утраченный мир (Ю. Яхнина, 1989)]

Интересно, что этот контекст в сопоставительных таблицах из посвященной модальным употреблением будущего времени статьи [Rossari et al. 2017] — единственный, иллюстрируемый французским или итальянским предбудущим (а не простым будущим); данное значение специфично именно для этой формы.

Таким образом, будущее время выступает носителем компонентов 'субъективность' и 'оценка'. Точка отсчета сдвигается в будущее; как представляется, оценочное содержание таких употреблений объясняется тем, что результативная (негативная или иная) ситуация представлена как тянущаяся неограниченно долго в будущее, как имеющая долгосрочные (и разрушительные) последствия; иными словами, предбудущее передает идею 'надолго' (с неодобрительным оттенком).

Значение гипотезы (оценки) также связано с ирреальными коннотациями будущего:

- (6) *Мне кажется, что для меня, человека сильных и твердых убеждений, **труднее всего** написать так, как писал Шекспир: он изображает людей и жизнь, не выказывая, как он сам думает о вопросах, которые решаются его действующими лицами в таком смысле, как угодно кому из них.* [Н. Г. Чернышевский, предисловие к «Что делать?» (1863)]
*Il me semble que pour moi, qui ai des convictions tranchées et bien arrêtées, le plus difficile **aura été** d'écrire comme Shakespeare qui représente la vie et les hommes, sans montrer ce que lui-même pense des questions résolues par ses personnages, dans le sens qui leur convient à chacun.* [перевод в составе работы М. М. Бахтина: Mikhail Bakhtine. La poétique de Dostoïevski (Isabelle Kolitcheff, 1970)]

Особый класс ситуаций связан с предшествованием по отношению к ситуации, выраженной не будущим временем, а конструкциями со значением долженствования или пожелания (имеющими референцию к будущему).

- (7) *Les délégués sont invités à apporter à la réunion tous les documents qui leur **auront été** distribués, le nombre d'exemplaires disponibles sur les lieux de la réunion étant limité.* [Organisation des Nations Unies pour l'alimentation et l'agriculture [ABBYY LingvoPRO] (2008)]
Они должны брать с собой на заседания эти документы [букв. «которые им (до этого) будут выданы»], поскольку на заседаниях будет [в оригинале конструкция с абсолютным причастием, не маркированная по времени] предоставляться лишь ограниченное число экземпляров документации. [Международные стандарты на пищевые продукты Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (2008)]
- (8) *Сказал: пускай, как **выспнется**, зайдет.* [Сергей Довлатов. Заповедник (1983)]
*Il veut que vous passiez le voir quand vous **aurez fini de dormir.*** [Sergueï Dovlatov. Le Domaine Pouchkine (Christine Zeytounian-Belouis, 2004)]

Отсюда один шаг до контекстов предшествования некой хабитуальной ситуации (как известно, футурум и хабитуалис в языках мира часто связаны единым средством выражения, ср. [Dahl 1985; Bybee et al. 1994]):

- (9) *Chaque année, 3 à 5 bourses sont accordées aux étudiants francophones les plus méritants, c'est-à-dire à ceux qui auront validé leur année mais qui auront également présenté un projet de recherches.* [www.ifsfb.com. Le site de l'Institut Français à Saint-Petersbourg (2002–2006)]

Каждый год в среднем от трех до пяти стипендий выделяются наиболее достойным студентам франкоязычного отделения, то есть тем, кто успешно сдал экзамены, а также защитил свой исследовательский проект.

Таким образом, предбудущее в соответствующих контекстах передается по-русски прошедшим временем (имеющим фактически таксисную интерпретацию).

3.2. Испанский язык

Испанское предбудущее, в отличие от французского, сравнительно редко выступает в контексте предшествования в будущем (или перфектной ситуации в будущем; отметим, что в испанском, в отличие от французского, семантическое противопоставление перфекта и простого прошедшего сохраняется). Семантической производной этого значения является резкий императив, предписывающей достижение некоторой ситуации к определенному моменту в будущем:

- (10) — *¡Чтоб утром завтра до развода объяснительные были в надзирательской!* [А. И. Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)]
¡Mañana por la mañana, antes de diana, las declaraciones habrán sido entregadas! [Alexandr Solschenizyn. Un día en la vida de Ivan Denisovich (Enrique Fernandez Vernet, 1970)]

Сюда же примыкает предиктивное будущее, характерное и для французского языка, но, по-видимому, нечастое в испанском:

- (11) *Если через два часа обогревалки себе не сделаем — пропадем тут все на хрен.* [А. И. Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)]
Si en dos horas no organizamos una nave de calefacción, habrá sonado la última hora para nosotros. [Alexandr Solschenizyn. Un día en la vida de Ivan Denisovich (Enrique Fernandez Vernet, 1970); в переводе заметно смягчено, букв. «пробьет наш последний час»]

Для испанской формы наиболее характерно значение эпистемической оценки; она переводится на русский как *наверное, вероятно, должно быть* или иным способом, ср.:

- (12) *«Esto es un proceso. Cristina debe ser la presidenta sudamericana que más se reunió con Putin, se habrá reunido unas seis o siete veces», evaluó Kleimans al hablar con Télam.* [Según experto, «Argentina podría entrar a los BRICS»] [www.ambito.com] (2014.05.28)
«Это длительный процесс, неслучайно президент Аргентины Кристина Киришер из латиноамериканских лидеров больше всех встречалась с Владимиром Путиным. Насколько я припоминаю, за последнее время они встречались раз шесть или семь», — заявил в интервью агентству Télam Эрнандо Клейманс. [Аргентина может войти в БРИКС (<http://inosmi.ru/world/20140530/220684060.html>), 30.05.2014]

В этом примере очень важно, что испанское время передано по-русски развернутой вводной конструкцией, демонстрирующей ее семантику непосредственно. С типологической точки зрения передача приблизительной оценки будущим временем нередко (ср. русское *эта комната побольше твоей будет*). Говорящий, избегая делать прямые заявления о прошлом, метафорически переносит точку отсчета в гипотетическое по своей природе

будущее и уже из него характеризует локализованные в прошлом события. В частности, он может вовсе отказаться от выдвижения гипотезы и заявить о незнании ситуации в целом либо тех или иных деталей ситуации (эти контексты можно условно назвать «**игноративом**»):

- (13) *Не знаю, что он там обо мне говорил Харону.* [А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Второе нашествие марсиан (1966)]
*No sé qué le **habrá dicho** a Charon de mí.* [Arkady Strugatsky, Boris Strugatsky. La segunda invasión marciana (Antonio Bonnana, 1976)]

Отсутствие информации о реальности того или иного события (14) или о его подробностях (15) естественным образом передается также вопросительным или восклицательным предложением (в (15) расхождение в выборе знака между оригиналом и переводом):

- (14) *Толкуют люди — **мог ли убежать** молдаван? Ну, если днем еще убеж — другое дело, а если схоронился и ждет, чтобы с вышек охрану сняли, не дожидется.* [А. И. Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)]
*Los hombres reflexionan. ¿Si se **habrá escapado** el moldavo? Si se largó durante el día, sería distinto; pero si estaba escondido y esperaba a que los vigilantes bajaran de las torres, podía esperar estabado.* [Alexandr Solschenizyn. Un día en la vida de Ivan Denisovich (Enrique Fernandez Vernet, 1970)]
- (15) *¡Ау, mi mamita! ¡Ау, qué le **habrá pasado!** ¡Ау Dios mío!* [Camilo José Cela. La Colmena (1951)]
 Ой, мамуля моя! Ой, что же это с ней **случилось?** Ой, Господи! [Камило Хосе Села. Улей (Е. Лысенко, 1970)]

Неоднократно встречаются в корпусе примыкающие сюда же контексты вежливого обращения к читателю ‘как, должно быть, вы заметили...’; отметим, что цитируемый русский перевод четырех авторов в этом отношении ошибочен:

- (16) *Los lectores de “Fin de Semana”, suplemento literario de este periódico, **habrán advertido** la aparición de un ingenio nuevo, original, de vigorosa personalidad.* [Gabriel García Márquez. Vivir para contarla (2002)]
*Читатели литературного приложения “Фин де семана” **замечают** появление нового оригинального и талантливого писателя, яркой личности.* [Габриэль Гарсиа Маркес. Жить, чтобы рассказывать о жизни (С. Марков, Е. Маркова, А. Малоземова, В. Федотова, 2012)]

Разумеется, данный класс примеров может быть проинтерпретирован как эвиденциальный инферентив (умозаключение на основе прямо не наблюдаемых признаков), вот более близкий к этому типу пример:

- (17) — *¿Te **habrán besado?** — Por Dios, mamá, ¿por quién me tomas?* [Camilo José Cela. La Colmena (1951)]
 — *Тебя кто-то **целовал?** — Ради Бога, мама! За кого ты меня принимаешь?* [Камило Хосе Села. Улей (Е. Лысенко, 1970)]

3.3. Итальянский язык

Итальянское предбудущее, как и испанское, в значении собственно предшествования в будущем встречается относительно редко — после союзов *appena* ‘как только’, *quando* ‘когда’ (18), — в основном же оно употребляется в гипотетических, инферентивных,

оценочных значениях (в данном случае характерных и для простого футурума; выбор предбудущего связан с временным планом прошлого), см. (19).

- (18) *Как только **скоплю** триста рублей, брошу всё и поеду в Крым.* [А. П. Чехов. Три года (1895)]
*Appena **avrò messo** da parte trecento rubli, pianto tutto e vado in Crimea.* [Anton Cechov. Tre anni (Fausto Malcovati)]
- (19) *Lo trovò un mattino che erano già tutti scesi, a Boston, lo trovò in una scatola di cartone. **Avrà avuto** dieci giorni, non di più. Neanche piangeva, se ne stava silenzioso, con gli occhi aperti, in quello scatolone.* [Alessandro Baricco. Novecento (1994)]
*Он нашел его однажды утром, когда все уже сошли на берег в Бостоне, обнаружил в картонной коробке. Ребенку **было** дней десять, не больше. Он даже не плакал, лежал молча с открытыми глазами в этой коробке.* [Алессандро Барикко. Легенда о пианисте (Наталья Колесова, 2005)]

Помимо инферентивных, отмечен случай иронического пересказа воображаемой речи (дубитатив) или, возможно, гипотетическое употребление:

- (20) *Никанор Иванович до своего сна совершенно не знал произведений поэта Пушкина, но самого его знал прекрасно и ежедневно по несколько раз произносил фразы вроде: «А за квартиру Пушкин платить будет?» или «Лампочку на лестнице, стало быть, Пушкин **вывинтил?**», «Нефть, стало быть, Пушкин покупать будет?»* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 1) (1929–1940)]
*Prima di questo sogno, Nikanor Ivanovich non conosceva minimamente le opere del poeta Puskin, ma conosceva benissimo l'uomo e ogni giorno pronunciava più volte frasi come: «E l'affitto, lo paga Puskin?» oppure «La lampadina della scala, l'**avrà svitata** Puskin!», «La nafta, è Puskin che la compera?»* [Mikhail Bulgakov. Il Maestro e Margherita (p. 1) (Vera Dridso, 1967)]

Как и в случае с испанским языком, отмечен «контекст читателя» (21), а также контексты незнания / вопроса («игноратива», (22)–(23))⁴.

- (21) *Come il lettore **avrà immaginato**, nella biblioteca del monastero non trovai traccia del manoscritto di Adso.* [Umberto Eco. Il nome della rosa (1980)]
*Как читатель, вероятно, уже **понял**, никаких следов рукописи отца Адсона в монастырской библиотеке не обнаружилось.* [Умберто Эко. Имя розы (Е. Костюкович, 1989)]
- (22) *«E quale di questi sistemi **avrà usato** Venanzio?»* [Umberto Eco. Il nome della rosa (1980)]
*«А какую систему **употребил** Венанций, мы не знаем...»* [Умберто Эко. Имя розы (Е. Костюкович, 1989)]
- (23) *Откуда он его **выкопал**, черт его знает!* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 1) (1929–1940)]
*Dove l'**avrà pescato**, il diavolo lo sa!* [Mikhail Bulgakov. Il Maestro e Margherita (p. 1) (Vera Dridso, 1967)]

В итальянских текстах, в отличие от испанских и французских, встретились «возрастные» контексты с приблизительной оценкой возраста персонажа (как и в случае (19), употребление предбудущего, а не простого будущего, связано с согласованием времен и выбором временного плана прошлого):

- (24) *Ma una sera, ch'era seduto al fuoco, si aprì di colpo la porta e comparve un giovane, con un fucile. **Avrà avuto** diciassette anni.* [Dino Buzzati. L'assalto al Grande Convoglio (1942)]

⁴ На эти контексты в «Имени розы» наше внимание обратила Я. А. Пенькова.

Но как-то вечером, когда он сидел у очага, дверь резко отворилась, и на пороге с ружьем в руках появился юноша. С виду лет семнадцати. [Дино Буццати. Нападение на большой конвой (Р. Хлодовский)]

Нижеприведенный контекст иллюстрирует грамматикализацию значения «неутешительного итога», локализованного в плане прошлого (но его последствия отнесены в план будущего, что, вероятно, дополнительно мотивирует выбор предбудущего):

(25) *Непосильная работа нанесла нам непоправимые раны, и вся наша жизнь в старости будет жизнью боли, бесконечной и разнообразной физической и душевной боли.* [Варлам Шаламов. Колымские рассказы (1954–1962)]

Il lavoro superiore alle nostre forze ci avrà cagionato mutilazioni irrimediabili e tutta la nostra vecchiaia sarà una vita di dolore — un dolore fisico e spirituale infinito e vario. [Varlam Shalamov. I racconti della Kolyma (Marco Binni)]

4. Изучение форм романского предбудущего с помощью типологической анкеты

4.1. Методика исследования

Анкета (составленная совместно Я. А. Пеньковой и мной) состоит из 32 предложений; четверть из них опирается на известную анкету для исследования перфекта в языках Европы, составленную Э. Далем [Dahl (ed.) 2000]. Все «далевские» контексты связаны так или иначе с транспозицией перфекта (результативного либо инклюзивного) в план будущего. К ним добавлены 24 контекста, восходящие к выявленным в литературе и нами самостоятельно по материалам корпусных исследований (в том числе описанного выше в настоящей статье) переносным значениям предбудущего, особенно модальным с референцией к прошлому. Чаще всего это несколько измененные реальные примеры из корпусов и существующих работ. Ввиду редкости и вариативности данной формы анкета предусматривает не только свободный выбор информанта, но также прямой вопрос: допустима ли данная форма в тех или иных контекстах, а также является ли она предпочтительным выбором. Анкета позволяет выявить контекстную синонимию предбудущего с различными конструкциями в разных языках, что принципиально важно учитывать при исследовании подобных грамматически необязательных форм. Конечно, в этой мере есть и риск: интроспекция информанта может быть «сбита» формой, предлагаемой ему на протяжении всей анкеты, и недостаточная представленность исследуемой формы в корпусе может найти отражение в гиперкорректном ее употреблении в анкете.

Результаты анкеты визуализированы при помощи графа NeighborNet (программа SplitsTree), демонстрирующего близость между рядами бинарных данных [Huson, Bryant 2006]. В таблицах обработки результата анкетирования используется тройная градация: 1 (вариант с предбудущим приведен первым или единственным) — 0,5 (вариант приведен, но не как первый или при определенных условиях — стилистических, контекстуальных или прагматических) — 0 (вариант не приведен). Программа SplitsTree использует только бинарную информацию, так что для практических целей значение 0,5 может быть заменено на ноль (таким образом получается граф первых немаркированных реакций) или на единицу (таким образом получается граф всех вхождений, где изучаемая языковая единица, в данном случае предбудущее, в принципе возможна). Однако при вычислении среднего значения для предложений имеется возможность использовать тройную, более тонкую, градацию.

Схожий подход применительно к плюсквамперфекту используется в работе [Сичинава 2019]; правда, с плюсквамперфектом материал многоязычных параллельных корпусов гораздо богаче, так что анкетирование выступает лишь в качестве равноправного метода, дополняющего корпусное исследование, в то время как предбудущее, очень скудно представленное во многих текстах и демонстрирующее обширную синонимию с другими лексическими и грамматическими средствами, широко «раскрывает свой потенциал» лишь в анкете с прямым стимулом исследователя.

4.2. Распределение романского предбудущего на фоне европейского

В процессе исследования было собрано 50 анкет носителей двадцати двух языков и диалектов, в том числе 20 анкет для следующих романских идиомов: французского, испанского европейского и испанского Нового Света (Колумбия, Аргентина), итальянского, сардинского, венецкого диалекта, галисийского, каталанского, европейского и бразильского португальского, румынского⁵. В настоящее время, как очевидно из этих цифр, собрано небольшое количество анкет (для некоторых идиомов по четыре анкеты, а для некоторых только по одной), что квалифицирует полученные результаты как предварительные. Тем не менее ряд нетривиальных контекстов выделяется уже на текущем материале.

Граф NeighborNet (с. 60) для анкет романских языков, где предбудущее выбрано хотя бы одним из ответов, выглядит следующим образом (языки маркированы кодами ISO с некоторыми дополнениями, для языков с несколькими анкетами указаны номера анкет; среди рядов, отображенных на схеме, — «виртуальные» 0 % и 100 % форм в анкете, внесенные в массив данных для того, чтобы представлять близость языков к этим полюсам).

Романские языки (и идиолекты участвовавших в исследовании носителей) распадается на несколько групп по признаку продуктивности предбудущего: идиомы с максимально разнообразными модальными употреблениями (итальянский⁶, венецкий диалект, часть идиолектов французских респондентов, аргентинский испанский, румынский) и идиомы с ограниченными модальными употреблениями при большей устойчивости таксисных (иберо-романские, кроме аргентинского испанского, сардинский, другая часть французских идиолектов).

Эта картина вписывается в более широкую картину распределения форм предбудущего в Европе: выделяются языки, тяготеющие к широкому кругу употребления этих форм, и более ограниченные, для которых константой является базовый таксисный контекст («когда ты вернешься, я уже продам дом») и два-три модальных. К «итальянскому» полюсу прижимаются, например, многие балтийские идиолекты, а к «иберо-романскому» — балканские языки. Подобное распределение, вероятно, не случайно переключается с различным статусом перфекта в европейских языках. Некоторые иберо-романские языки (например, португальский и галисийский) имеют семантически «слабый» перфект, развивающий периферийные значения вроде экспериенциального и в большинстве контекстов предпочтительно заменимый на немаркированное простое прошедшее [Плунгян 2016; Сичинава 2016]

⁵ Приносим огромную благодарность А. Е. Звонарёвой, Е. М. Белавиной и А. С. Белоусовой за помощь в распространении анкеты среди носителей романских языков.

⁶ Отметим, что все три итальянские анкеты (носителей литературной нормы из разных городов) демонстрируют значительную близость в выборе употреблений. Анкеты носителей многих других языков, как романских (французский, испанский, румынский), так и нероманских (литовский, греческий, болгарский), демонстрируют значительный разброс, показывая широкую вариативность употребления исследуемой формы между идиолектами; по-видимому, это связано и с региональными различиями, и с разными поколениями, однако мы не располагали достаточным числом анкет для одного языка для проверки подобных гипотез.

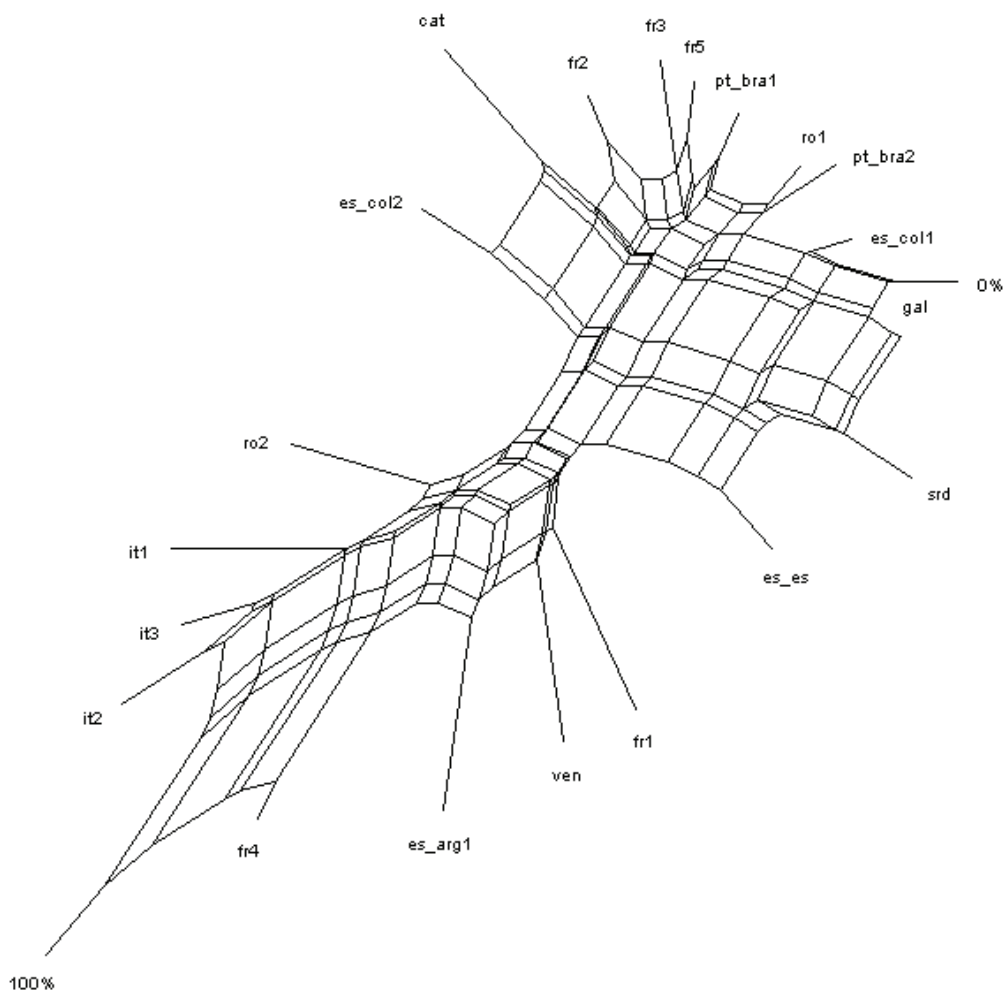

Рис. 1. Граф NeighborNet встречаемости предбудущего в анкетах носителей романских языков

(существенные нестандартные семантические нюансы, такие как «сегодняшня» интерпретация, свойственны и испанскому перфекту). Балканские языки в этом отношении устроены аналогично. Однако в целом в европейских языках картина демонстрирует и нетривиальные детали, не сводящиеся прямолинейно к функционированию перфекта (или плюсквамперфекта) в обсуждаемых языках. Например, литовский — тоже язык со «слабым» перфектом и даже плюсквамперфектом, но идиоматизация предбудущего в нем, как видно из предназначенных для особой публикации наших предварительных результатов, достаточно сильна.

На основании результатов анкетирования ведется работа также по выявлению более и менее характерных для языков Европы в целом и в отдельных группах или ареалах контекстов употребления предбудущего (с учетом «весов» выбора этой формы, см. выше). По предварительным данным, наиболее продуктивным с большим отрывом является результатив в будущем в сложном предложении с временным придаточным («Когда ты вернешься, я уже продам свой дом»). Высокий рейтинг имеют «гипотезы / инферентивы», связанные с первым лицом («Я, кажется, выпил эту жидкость») или разбиравшиеся выше «контексты читателя» («Как читатель уже понял...»). Последние спорадически, особенно

в текстах XIX в., представлены даже в скупом на дополнительные значения абсолютно-относительных времен английском языке: *as you will have guessed...* ‘как вы, наверное, догадались...’; эта параллель проводится и в грамматике [Maiden, Robustelli 2000]. Подробнее материалы этого исследования и статистические данные будут изложены в особой работе.

4.3. Характерное и нехарактерное в романском предбудущем

Подсчет употребительности предбудущего в конкретных контекстах анкеты по языковым группам выявил ряд семантических оттенков, характерных именно для романских языков (среднее значение по группе заметно выше среднего по всем анкетам). Это следующие типы контекстов (примеры приводятся в иллюстративных целях и не представляют собой полного списка ни контекстов, ни предложений из анкет, где встретилась исследуемая форма):

— Презумптив

- (26) *Вас удивляет, что в подъезде нет света? Экономия, как вы, [конечно,] подумали.*
 ИТАЛЬЯНСКИЙ: *La stupisce che nel sottopassaggio manchi la luce? Questioni economiche, avrete sicuramente pensato.* [В первом предложении вежливое «Вы», во втором обращение к нескольким людям «вы»].
 ВЕНЕТСКИЙ ДИАЛЕКТ: *Te domandito par cosa che no ghe ze luce in tel corridoio? Pa sparagnar, cofà che te garè pensà ti ti sol.*
 ИСПАНСКИЙ (КОЛУМБИЯ): *¿Te preguntas por qué no hay luz en el callejón? Solo por economía, como ya habrás pensado.*
 ФРАНЦУЗСКИЙ: *Cela vous étonne qu'il n'y ait pas de lumière dans l'entrée? On fait des économies, comme vous l'aurez compris.* [Комментарий носителя: «Futur antérieur обязателен». Впрочем, два других французских информанта такой формы вообще не дают.]
 РУМЫНСКИЙ: *Vă miră că n-avem lumină în scară? Economisim, cum vă veți fi dat seama.*

Отметим, что в португальских и галисийских анкетах (языки со «слабым» перфектом) здесь эта форма отсутствует.

— Временные придаточные с указанием на последовательность времен

- (27) *Заходите к нам, когда отдохнете как следует.* (ср. пример (8) выше)
 ФРАНЦУЗСКИЙ: *Passez nous voir quand vous vous serez reposés comme il faut.*
 ИСПАНСКИЙ (АРГЕНТИНА): *Ven a vernos cuando habrás descansado.*
 ПОРТУГАЛЬСКИЙ (БРАЗИЛИЯ): *Venha nos visitar quando já tiver descansado*⁷.
 РУМЫНСКИЙ: *Vino să ne vezi după ce te vei mai fi odihnit.* [Комментарий информанта: «Звучит претенциозно, употребляется только в письменном тексте».]

Кроме того, для романских языков характерны два типа употреблений, особо выделенные нами выше именно на романском материале (пусть даже сами по себе маргинальные, в других группах они представлены еще гораздо слабее, если вообще имеются):

⁷ В португальском языке имеется особая форма футурума конъюнктива и, соответственно, предбудущего конъюнктива (*tiver descansado*). В придаточных такого типа автоматически требуется конъюнктив.

— **Императив, предписывающий исполнить действие к сроку** (ср. пример (10) выше)

(28) *Чтобы завтра к утру ты написал эту статью!*

ВЕНЕТСКИЙ ДИАЛЕКТ: *Prima de doman matina o gavarò scritto sto articolo.* [В переводе ошибочная замена второго лица первым.]

КАТАЛАНСКИЙ: *Demà a l' hora de dinar hauràs escrit aquest article!*

— **Контексты отсутствия у говорящего информации о некотором положении дел** (условно названные «игноративом», см. выше примеры (13)–(15), (22)–(23))

(29) [А. на вечеринке с новым парнем. В. говорит С.:]

Где это она его нашла? (ср. пример (23))

ИТАЛЬЯНСКИЙ: *Dove l'avrà trovato?*

ИСПАНСКИЙ (ИСПАНИЯ): *Me pregunto dónde lo habrá conocido.*

САРДИНСКИЙ: *A inca l'at a aere buscau mi so pedinde.*

(30) *Понятия не имею, куда он ходил*⁸.

ИТАЛЬЯНСКИЙ: *Dove sarà andato, non lo so.*

ГАЛИСИЙСКИЙ: *Non teño nin idea de onde terá vido.*

Наконец, самый редкий выбор предбудущего во всей анкете: встретившийся у единственного информанта (одного из пяти французских) известный со старофранцузского периода «**подытоживающий**» **негативный контекст**:

(31) *Как эти люди меня замучили! Они испортили мою жизнь* (ср. пример (25)).

ФРАНЦУЗСКИЙ: *Comme ces gens m'ont fatigué! Ils m'auront gâché la vie.*

Менее характерно для романского предбудущего использование в контексте инферентива / гипотезы для неконтролируемой ситуации с участием первого лица (эндофорические контексты: «я, наверное, простудился», «я, кажется, влюбилась»), свойственное балканским и особенно балтийским языкам. Тем не менее и такие контексты в исследованном материале представлены:

(32) *Пойду прилягу. Простудился, должно быть.*

ИТАЛЬЯНСКИЙ: *Vado a stendermi*⁹. *Mi sarò raffreddato.*

ИСПАНСКИЙ (АРГЕНТИНА): *Quiero ir a la cama. Me habré resfriado.*

РУМЫНСКИЙ: *Mă duc să mă culc. Voi fi răcit.*

(33) *Знаешь, бабушка, я, [наверное.] влюбилась. Только ты никому-никому не говори*¹⁰.

ВЕНЕТСКИЙ ДИАЛЕКТ: *Véito, nona, mi me garò anca inamorà, ma ti no sta dirgheo a nesusi.*

ИСПАНСКИЙ (КОЛУМБИЯ): *Verás, abuela, me habré enamorado. Pero no le digas a nadie.*

Отметим, что в примере (32) во всех итальянских (литературных) анкетах есть предбудущее, а в примере (33) нет. Ситуация «простуды» от «влюбленности» ограничена четко, последняя воспринимается как более глубокая и менее гипотетическая (аналогичную

⁸ Один из французских информантов отметил, что в этом предложении предбудущее невозможно, так как находится в подчиненном предложении.

⁹ Более естественный итальянский перевод: *Vado a letto.*

¹⁰ Этот пример взят из корпуса нероманского языка — а именно, латышского, где выступает предбудущее: *Zini, vecomāt, es laikam arī būsū iemilējusies. Tikai tu nevienam, nevienam nesaki* (Z. Ērgle).

оценку дает и ряд французских информантов), при том что в целом поведение этих контекстов в исследованных языках (включая не только романские) имеет схожий характер с точки зрения выбора формы предбудущего.

5. Заключение

В ходе нашего исследования, помимо базового значения результативности в будущем / предшествования в будущем, на романском материале описываются следующие типы грамматикализации предбудущего: эвиденциальная / эпистемическая оценка вероятности события; контексты вопроса и незнания говорящего; резкий императив (ср. русск. *Встал и вышел!*); условие; предшествование относительно не будущей, а хабитуальной ситуации; референция к прошлому со значением экспрессивно (обычно неодобрительно) передаваемого итога (характерная для французского, по-видимому, на протяжении всей его истории, а также со следами в итальянском). Выделен также ряд специфических контекстов-клише (конструкций), требующих предбудущего в изученных языках («контекст читателя», «контекст оценки возраста», «незнание»). Некоторые из этих классов употреблений уже хорошо известны романистам на материале отдельных языков, однако межъязыковому обобщению, в том числе в типологическом контексте, не подвергались. В частности, для каталанского, сардинского, румынского в наиболее полных и авторитетных грамматиках они не упоминаются вовсе.

Мы предлагаем те или иные объяснительные трактовки наблюдаемых случаев некомпозиционального переосмысления предбудущего в романских языках. Эти трактовки в дальнейшем могут служить материалом для построения семантической карты предбудущего на базе языков Европы и остального мира.

Сочетание корпусного материала и анкетирования дает объемную взаимодополняющую картину употребления предбудущего в романских языках. С одной стороны, литературные тексты, используемые в параллельных корпусах, дают ряд устаревших или книжных употреблений предбудущего, не используемых ныне носителями. С другой стороны, анкетирование дает возможность выбора из нескольких ответов (там, где автор перевода должен выбрать какую-то одну форму — а формы предбудущего «проигрывают» конкурентам по маркированности), учета оценки информантов, включения в рассмотрение малых языков, не имеющих достаточно представительных корпусов (в том числе параллельных).

Наше исследование показывает, что для романских языков характерен ряд специфических употреблений предбудущего, некоторые из которых весьма редки (императив предшествования или «подведение итогов») и описаны в грамматиках не всех языков, где они отмечены. Ряд употреблений предбудущего, известных во всей Европе, в романских языках более частотен, например контекст отсутствия информации или временные придаточные следствия. В целом же по употребительности этой формы в целом и по выбору конкретного «профиля» ее употребления романские языки заметным образом неоднородны (как и идиолекты носителей ряда романских языков).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Маслов 1984 — Маслов Ю. С. *Очерки по аспектологии*. Л.: ЛГУ, 1984. [Maslov Yu. S. *Ocherki po aspektologii* [Essays in aspectology]. Leningrad: Leningrad State Univ., 1984.]
- Пенькова 2014 — Пенькова Я. А. К вопросу о семантике так называемого будущего сложного II в древнерусском языке (на материале «Жития Андрея Юродивого»). *Русский язык в научном освещении*, 2014, 1: 150–184. [Penkova Ya. A. On the semantics of the so-called “Compound Future II” in Old Russian (On the material of the Life of St. Andrew the Fool). *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2014, 1: 150–184.]

- Пенькова 2016 — Пенькова Я. А. Семантика славянского второго будущего и некоторые типологические параллели. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2016, 10: 475–488. [Penkova Ya. A. Semantics of Slavic Second Future and some typological parallels. *Proc. of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2016, 10: 475–488.]
- Пенькова 2017а — Пенькова Я. А. К истории славянского второго будущего: пути семантической эволюции. [Penkova Ya. A. Towards the history of Slavic Second Future: Paths of semantic evolution.] *Die Welt der Slaven*, 2017, 2: 247–275.
- Пенькова 2017б — Пенькова Я. А. Второе будущее: грамматический термин как метафора. *Международная конференция «Маргиналии-2017: границы культуры и текста»: Тезисы докладов*. Кравецкий А. Г., Михеев М. Ю. (ред.). М.: [б. и.], 2017, 73. [Penkova Ya. A. Second Future: Grammatical term as a metaphor. *International Conf. "Marginalii-2017: Granitsy kul'tury i teksta"*: Book of abstracts. Kravetskiĭ A. G., Mikheev M. Yu. (eds.). Moscow, 2017, 73.]
- Пенькова 2018 — Пенькова Я. А. От ретроспективности к проспективности: грамматикализация предбудущего в языках Европы. *Вопросы языкознания*, 2018, 2: 53–70. [Penkova Ya. A. From retrospective to prospective: Grammaticalization of future anterior in the languages of Europe. *Voprosy Jazykoznanija*, 2018, 2: 53–70.]
- Плунгян 2001 — Плунгян В. А. Антирезультатив: до и после результата. *Исследования по теории грамматики*. Вып. 1: *Глагольные категории*. Плунгян В. А. (ред.). М.: Русские словари, 2001, 50–88. [Plungian V. A. Antiresultative: Before and after the result. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 1: *Glagol'nye kategorii*. Plungian V. A. (ed.). Moscow: Russkie Slovarei, 2001, 50–88.]
- Плунгян 2016 — Плунгян В. А. К типологии перфекта в языках мира: Предисловие. [Plungian V. A. Towards a typology of perfect in the world's languages: An introduction.] *Acta linguistica Petropolitana*, 2016, 2: 7–36.
- Поповић 2012 — Поповић Љ. Функције плусквамперфекта у савременом српском језику. *Јужнословенски филолог*, 2012, LXVIII: 113–145. [Popović Lj. Functions of pluperfect in modern Serbian. *Južnoslovenski filolog*, 2012, LXVIII: 113–145.]
- Сичинава 2008 — Сичинава Д. В. Связь между формой и семантикой перфекта: одна неизученная закономерность. *Динамические модели: слово, предложение, текст. Сб. статей в честь Е. В. Падучевой*. М.: Языки славянских культур, 2008, 711–749. [Sitchinava D. V. Perfect's form–semantics correlation: One unstudied regularity. *Dinamicheskie modeli: slovo, predlozhenie, tekst. Sbornik statei v chest' E. V. Paduchevoi*. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008, 711–749.]
- Сичинава 2013 — Сичинава Д. В. *Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект*. М.: АСТ-ПРЕСС, 2013. [Sitchinava D. V. *Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskii plyuskvamperfekt* [Typology of pluperfect. Slavic pluperfect]. Moscow: AST-PRESS, 2013.]
- Сичинава 2016 — Сичинава Д. В. Европейский перфект сквозь призму параллельного корпуса. [Sitchinava D. V. European perfect through the lens of parallel corpora.] *Acta linguistica Petropolitana*, 2016, 2: 85–114.
- Сичинава 2019 — Сичинава Д. В. Славянский плюсквамперфект: пространства возможностей. *Вопросы языкознания*, 2019, 1: 30–57. [Sitchinava D. V. Slavic pluperfect: Loci of variation. *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 1: 30–57.]
- Храковский (ред.) 2009 — Храковский В. С. (ред.). *Типология таксисных конструкций*. М.: Знак, 2009. [Xrakovskij V. S. (ed.). *Tipologiya taksisnykh konstruksii* [Typology of taxis constructions]. Moscow: Znak, 2009.]
- Шишова 2014 — Шишова А. Д. *Дискурсивный анализ функционирования глагольных форм в современном французском языке*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2014. [Shishova A. D. *Diskursivnyi analiz funkcionirovaniya glagol'nykh form v sovremennom frantsuzskom yazyke* [Discursive analysis of functioning of verb forms in modern French]. Candidate diss., Moscow State Univ., 2014.]
- Abraham 1999 — Abraham W. Preterite decay as a European areal phenomenon. *Folia Linguistica*, 1999, 1: 1–18.
- Alonso 1974 — Alonso M. *Gramática del español contemporáneo*. Madrid: Guadarrama, 1974.
- Anderson 1982 — Anderson L. The 'perfect' as a universal and as a language-specific category. *Tense-aspect: Between semantics and pragmatics*. Hopper P. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 1982, 227–264.
- Apothéloz, Combettes 2011 — Apothéloz D., Combettes B. Saillance et aspect verbal: le cas du plus-que-parfait. *Saillance et aspect verbal*. Inkova O. (éd.). Bezançon: Presses universitaires de Franche-Comté, 2011, 225–246.
- Apothéloz, Combettes 2016 — Apothéloz D., Combettes B. La variation plus-que-parfait ~ passé simple dans les analepses narratives. *Variation, invariant et plasticité langagière*. Gaudy-Campbell I., Keromnes Y. (eds.). Bezançon: Presses universitaires de Franche-Comté, 2016, 53–66.

- Azzopardi 2017 — Azzopardi S. Le futur est-il un marqueur modal ? Analyse du fonctionnement du futur dans le sens « conjectural » en français et en espagnol. *Le futur dans les langues romanes*. Barranzini L. (ed.). Berne: Lang, 2017, 79–104.
- Badia i Margarit 1994 — Badia i Margarit A. *Gramàtica de la llengua catalana*. Barcelona: Enciclopèdia Catalana, 1994.
- Barranzini (ed.) 2017 — Barranzini L. (ed.). *Le futur dans les langues romanes*. Berne: Lang, 2017.
- Bertinetto 1986 — Bertinetto P. M. *Tempo, aspetto e azione nel verbo italiano. Il sistema dell'indicativo*. Firenze: Academia della Crusca, 1986.
- Bosque, Demonte (dir.) 1999 — Bosque I., Demonte V. (dir.). *Gramática descriptiva de la lengua española*. Vol. 2. Madrid: Espasa, 1999.
- Bybee et al. 1994 — Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994.
- Comrie 1985 — Comrie B. *Tense*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985.
- Dahl 1985 — Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Dahl (ed.) 2000 — Dahl Ö. (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin: Mouton De Gruyter, 2000.
- Gamillscheg 1957 — Gamillscheg E. *Historische französische Syntax*. Tübingen: Max Niemeyer, 1957.
- GGIC — Renzi L., Salvi G., Cardinaletti A. (a cura di). *Grande grammatica italiana di consultazione*. Bologna: il Mulino, 1988–1995.
- Huson, Bryant 2006 — Huson D. H., Bryant D. Application of phylogenetic networks in evolutionary studies. *Molecular Biology and Evolution*, 2006, 2: 254–267.
- Lacan 1966 — Lacan J. *Écrits*. Paris: Seuil, 1966.
- Maiden, Robustelli 2000 — Maiden M., Robustelli C. *A reference grammar of Modern Italian*. London: Routledge, 2000.
- Manea et al. 2005 — Manea D., Dindelegan G., Zafiu R. Verbul. *Gramatica limbii române*. Guțu Romalo V. (ed.). București: Editura Academiei Române, 2005.
- McCoard 1978 — McCoard R. W. *The English perfect: Tense-choice and pragmatic inferences*. Amsterdam: North Holland, 1978.
- NG 2009 — *Nueva gramática de la lengua española. Morfología. Sintaxis I*. Real Academia Española, Asociación de Academias de la lengua española. Madrid: Espasa, 2009.
- Novakova 2000 — Novakova I. Le futur antérieur français : temps, aspect, modalités. *Zeitschrift für französische Sprache und Literatur*, 2000, 2: 113–135.
- Plungian, van der Auwera 2006 — Plungian V. A., van der Auwera J. Towards a typology of discontinuous past marking. *Sprachtypologie und Universalienforschung — Language Typology and Universals*, 2006, 4: 317–349.
- Puddu 2018 — Puddu M. *Grammàtica de la limba sarda*. 2 edn. Cagliari: Condaghes, 2018.
- Reichenbach 1947 — Reichenbach H. *Elements of symbolic logic*. New York: Macmillan, 1947.
- Rossari et al. 2017 — Rossari C., Ricci C., Siminicuc E. Les valeurs rhétoriques du futur en français, italien et roumain. *Le futur dans les langues romanes*. Barranzini L. (ed.). Berne: Lang, 2017, 49–77.
- Salkie 1989 — Salkie R. Perfect and pluperfect: What is the relationship? *Journal of Linguistics*, 1989, 1: 1–34.
- Schrott 1997 — Schrott A. *Futurität im Französischen der Gegenwart*. Tübingen: Narr, 1997.
- Seriani 1986 — Seriani L. *Grammatica italiana: Italiano comune e lingua letteraria*. Torino: UTET, 1986.
- Squartini 1999 — Squartini M. On the semantics of pluperfect: Evidences from Germanic and Romance. *Linguistic Typology*, 1999, 3: 51–89.
- Thieroff 2000 — Thieroff R. On the areal distribution of the tense-aspect categories in Europe. *Tense and aspect in the languages of Europe*. Dahl Ö. (ed.). Berlin: Mouton De Gruyter, 2000, 265–308.
- Vera Morales 2012 — Vera Morales J. *Spanische Grammatik*. 6. Aufg. München; Wien: Oldenbourg, 2012.
- Viguier 2012 — Viguier M.-H. *Tempussemantik: Das französische Tempussystem. Eine integrale Analyse*. Berlin: De Gruyter, 2012.
- Weinrich 1982 — Weinrich H. *Textgrammatik der französischen Sprache*. Stuttgart: Klett, 1982.
- Yvon 1922 — Yvon H. Sur l'emploi du futur antérieur (futurum exactum) au lieu du passé composé (passé indéfini). *Romania*, 1922, 191: 424–431.

Глаголы прятания: типология систем

© 2022

Татьяна Исидоровна Резникова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; tanja.reznikova@gmail.com

Аннотация: В статье в типологической перспективе исследуются принципы лексикализации семантической зоны ‘прятать’. Прототипически прятание предполагает, что субъект помещает объект в некоторое место, где его не сможет найти контрагент. Однако глаголы, выражающие эту семантику (т. е. ядерные глаголы поля), типологически регулярно охватывают и ситуации, которые отклоняются от прототипа по тем или иным параметрам, в частности характеризуются нестандартным объектом (абстрактная сущность вместо конкретного предмета, ср. ‘прятать свои мысли’) или нестандартной целью действия (сохранить объект, а не скрыть его от контрагента, ср. ‘прятать продукты в холодильник’). На материале 28 языков мы, во-первых, сопоставляем семантику ядерных глаголов прятания: различия между ними ложатся в основу классификации лексических систем в исследуемой зоне. Во-вторых, мы обращаемся к периферийным глаголам поля: ими часто оказываются лексемы из смежных семантических зон — ‘накрыть’, ‘убрать’, ‘хранить’ и др., причем эта тенденция прослеживается как в синхронной, так и в диахронической перспективе. Употребление этих глаголов для ситуаций прятания значимо в теоретическом отношении: подобные явления показывают, что традиционные понятия семантического поля, а также метонимического перехода нуждаются в уточнении.

Ключевые слова: лексика, лексическая типология, метонимия, полисемия, семантика, таксономия

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 20-012-00240.

Для цитирования: Резникова Т. И. Глаголы прятания: типология систем. *Вопросы языкознания*, 2022, 4: 66–94.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.4.66-94

Verbs of hiding: A typology of systems

Tatiana I. Reznikova

HSE University, Moscow, Russia; tanja.reznikova@gmail.com

Abstract: The article examines the lexicalization of the semantic domain of hiding from a typological perspective. Prototypically, hiding assumes that the subject puts the object out of sight of some other person. This event may however be colexified with situations that deviate from the prototype in one way or another, e.g., by having a non-canonical object (an abstract entity instead of a concrete thing, cf. ‘to hide one’s thoughts’) or a non-canonical purpose (protecting the object from external impact instead of concealing it from someone’s view, cf. ‘to hide the face from the sun’). Based on the data of 28 languages, we first compare the core verbs of hiding. The cross-linguistic variation in their meanings constitutes a basis for a typological classification of lexical systems in the hiding domain. Second, we turn to peripheral verbs of the field and show that they frequently come from adjacent semantic zones, e.g., those of covering, removing or keeping in a certain place. This pattern can be traced both in a synchronic and a diachronic perspective. The use of these verbs with reference to hiding events calls into question the traditional notions of semantic field and metonymic shift.

Keywords: lexical typology, lexicon, metonymy, polysemy, semantics, taxonomy

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 20-012-00240.

For citation: Reznikova T. I. Verbs of hiding: A typology of systems. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 4: 66–94.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.4.66-94

1. Введение. О понятии семантического поля в свете лексической типологии

Лексическая типология, бурно развивающаяся в последние десятилетия, заставляет по-новому взглянуть на целый ряд теоретических понятий, которыми традиционно оперируют семантика и лексикография. К таким понятиям относится, в частности, сам базовый термин «значение». Действительно, те значения, которые выделяются у лексем в толковых словарях или в исследованиях по семантическим сдвигам, в типологической перспективе часто оказываются совсем не элементарными: в этом ракурсе их можно рассматривать скорее как объединения нескольких более дробных значений.

Например, в трактовке Малого академического словаря [МАС] *острый* в исходном употреблении — это ‘имеющий хорошо колющий конец или хорошо режущий край’. Хотя это определение и состоит из двух частей (‘колющий’ или ‘режущий’), толковые словари русского языка обычно не представляют эти смыслы как отдельные значения. Совмещает колющие и режущие инструменты и толкование К. Годдарда и А. Вежибской для английского *sharp* [Goddard, Wierzbicka 2007]: здесь на первый план выходит способность острых предметов причинить боль человеку — а это свойство является общим для объектов разной формы. Между тем данные других языков свидетельствуют о том, что острый кончик (как у иглы или копья) и острое лезвие (как у ножа или пилы) могут лексически противопоставляться. Так, во французском для иглы используется прилагательное *aigu*, а для ножа — *tranchant*. Аналогичное противопоставление характерно, например, для коми и кла-дан (< манде) (подробнее см. [Kuuseva et al. 2022]). Более того, диахронический и диалектный материал русского языка также указывает на возможность такого противопоставления. Так, в текстах XVIII в. в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ] встречается неметафорическое употребление прилагательного *колкий* применительно к остроконечным природным объектам (трава, иголки растений, концы камней), см. также толкование этой лексемы в [СлРЯ XI–XVII, вып. 7: 242]. В свою очередь, для острых режущих инструментов в некоторых диалектах существует специальное прилагательное *бриткий* / *бриткой* (см. [СРНГ, вып. 3: 181]).

Таким образом, если иметь в виду задачу составления многоязычного словаря, одно исходное значение русского *острый* или английского *sharp* на самом деле представляет собой объединение двух разных значений (ср., однако, о трудности интерпретации подобных случаев в рамках лексикографической практики одного языка в [Кортъевская-Тамм 2008; Анна Зализняк 2013]). Любопытно при этом, что компьютерный анализ сочетаемости позволяет выявить эти «дробные» значения и на материале одноязычного корпуса (см. [Рыжова 2020]).

Другим традиционным понятием, обретающим новое содержание в свете лексической типологии, является понятие «семантического поля». В классическом понимании, восходящем к идеям структурализма и прежде всего к концепции Й. Трира [Trier 1931], семантические поля — это замкнутые множества связанных по смыслу лексем. Эти множества не пересекаются и не оставляют «пустых промежутков», так что каждое слово языка должно принадлежать к одному определенному полю. Правда, в более поздних работах идея жесткости границ между полями неоднократно подвергалась критике (ср., например, [Geckler 1971; Rundblad, Kronenfeld 2003]), однако именно типологический подход позволяет увидеть, насколько регулярно межполевые границы оказываются проницаемы.

Дело в том, что при сопоставлении лексики разных языков часто выясняется, что одна и та же ситуация в разных языках требует описания посредством единиц, относящихся к различным семантическим полям. Так, падение ключей на землю в русском задается глаголом движения *padatъ*, а в шугнанском — лексемой *dédow* ‘ударить’, которая относится уже не к полю движения, а к глаголам контакта. При этом для падения в шугнанском тоже есть специализированная лексема — *wéxtow* ‘падать’, однако она предпочтительна в других контекстах — в частности, если в ситуации профилирована исходная точка падения, например ‘ключи выпали из кармана’ (см. подробнее [Рахилина, Некушоева 2020]). Таким образом, получается, что граница между ситуациями падения и удара в русском и шугнанском проходит в разных точках: в русском к падению относится перемещение сверху с указанием начальной точки и перемещение вниз с акцентом на конечной точке, к удару же — контактное воздействие (ср. *ударить кого-л.*). В шугнанском же падение — это только движение сверху, а удар — это и воздействие (‘ударить кого-л.’), и перемещение вниз с профилированием конечной точки.

Подобное различие в стратегиях лексикализации вполне объяснимо с точки зрения внутренней структуры самой ситуации падения. Действительно, падение состоит из нескольких фаз, одна из которых — это вертикальное движение, а другая — контакт двигающегося сверху траектора с поверхностью. Соответственно, при лексикализации одни языки, как русский, «высвечивают» фазу движения, а другие, как шугнанский, — фазу контакта. Иными словами, падение с профилированием конечной точки оказывается как бы промежуточной зоной между падением и ударом — этот статус и обуславливает то пересечение семантических полей, которое мы наблюдаем в типологической перспективе.

Существенно, что типологический материал изобилует случаями такого рода, хотя семантическая мотивация для наложения полей друг на друга может быть и несколько иной. Если в примере с падением мы говорили о разных фазах ситуации (и этот механизм — профилирование определенной фазы — нередко становится причиной типологической вариативности, ср. о лексикализации несемантических поз, в частности ‘положить ногу на ногу’, в [Резникова, Рыжова 2020], о глаголах зоны ‘толкать’ в [Шерстюк, Резникова 2021]), то ситуации, подразумевающие физическое свойство, в принципе делиться на фазы не должны. Однако и свойства могут быть, так сказать, многоаспектными, допуская сразу несколько интерпретаций для одного и того же фрагмента внеязыковой действительности. Кроме того, свойство может быть результатом действия и тем самым тоже подразумевать некоторую предшествующую фазу.

Так, в отличие от атрибутивного сочетания ‘высокое дерево’, задающего простой зрительный образ, ситуация ‘тугой узел’ предполагает наряду с визуальной составляющей (узел, в котором веревки тесно прижаты друг к другу), еще и другие параметры: с одной стороны, тугой узел является следствием сильного затягивания, с другой — его трудно развязать. При лексикализации такой многоаспектной ситуации язык нередко ограничивается указанием на одно из потенциальных проявлений описываемого свойства, и тем самым в типологической перспективе задействованными оказываются лексемы из разных семантических зон. В случае ‘тугого узла’, например, для французского в фокус попадает зрительный образ (ср. *un nœud serré* букв. ‘сжатый узел’), для русского — результативная составляющая (ср. *тугой узел* и *туго натянуть / затянуть*), для немецкого — трудность развязывания (ср. *ein fester Knoten* букв. ‘крепкий узел’). Пересекаясь в этой точке семантического пространства, в остальном физические признаки *serré*, *тугой* и *fest* покрывают совершенно разные его участки, ср. *serré* о плотно облегающей одежде, *тугой* — о натянутых струнах, *fest* — о прочных материалах.

Рассмотренные примеры ясно свидетельствуют о том, что пространство смыслов не состоит из отдельных, четко разграниченных семантических полей. Скорее, мы имеем дело с континуумом, в котором одна зона плавно перетекает в другую. Однако какие поля оказываются в этом континууме смежными и какие «промежуточные» ситуации обеспечивают смежность — эти вопросы для лексики в целом еще только предстоит решить. Тем

не менее на данном этапе уже отчасти понятно, какие свойства семантической зоны способствуют ее пересечением с соседними. Во-первых, это членимость ситуации на фазы, одна из которых соотносится с другим полем (ср. ‘удар о поверхность’ для зоны падения). Во-вторых, это несводимость ситуации к конкретному зрительному образу, допустимость ее различных интерпретаций. Примером ситуации последнего типа послужила для нас признаковая зона, однако в глагольной лексике такого рода случаи тоже встречаются.

Речь идет о ситуациях, которые, с одной стороны, предполагают физическое действие (в отличие, скажем, от ментальных или эмоциональных глаголов), а с другой — не задают точный характер этого действия (в отличие от лексем типа ‘бежать’ или ‘целовать’). Такова, например, ситуация ‘искать’: осуществлять поиск можно и ползая под диваном, и роясь в сумке, и ходя по улицам и т. д. Лингвистическим отражением этого разнообразия становится вариативность в способах лексикализации поиска, которая прослеживается во внутренней форме соответствующих глаголов — сюда попадают глаголы движения (‘ходить’), преследования (‘охотиться’, ‘идти по следу’), перцептивные предикаты (‘смотреть’, ‘нюхать’, ‘щупать’) и др., подробнее см. [Рыжова и др. (ред.) 2018].

Таким образом, те глагольные семантические зоны, которые занимают как бы промежуточное положение между обозначением конкретных и абстрактных ситуаций, оказываются благодатной почвой для исследования смежности семантических полей. В подобных зонах возникает выбор между выражением конкретного действия, осуществляемого субъектом, и лексикализацией более общей ситуации, в рамках которой это действие выполняется. Эта альтернатива неизбежно проявляется в типологической неоднородности семантического поля, несовпадении его границ в разных языках и привлечении единиц из других лексических зон. Типологическому анализу одного из таких «промежуточных» полей и посвящена данная статья.

Речь пойдет о семантической зоне ‘прятать’. Прототипически эта ситуация подразумевает, что субъект каким-то образом делает объект невидимым, незаметным для другого лица — контрагента. В свете сказанного выше ключевой для нас становится неопределенность способа действия («каким-то образом»). Действительно, субъект может перенести объект в некоторое секретное хранилище, но может и оставить его в исходном месте, накрыв сверху другим объектом, заслонив чем-либо или сделав незаметным как-то иначе. В основной части статьи мы обсудим, как эта неопределенность способа отражается на лексикализации поля с типологической точки зрения.

Материал для исследования был собран в рамках проекта, в котором приняли участие студенты и сотрудники Школы лингвистики НИУ ВШЭ¹, а также представители ряда других университетов и академических институтов Москвы и Санкт-Петербурга. В общей сложности в выборку вошли данные 28 языков, прежде всего индоевропейских (русского, чешского, польского, литовского, английского, немецкого, шведского, норвежского, французского, итальянского, испанского, армянского, шугнанского, персидского, осетинского, хинди, севернорусского диалекта цыганского), но также и представителей ряда других семей и изолятов — арабского, тигринья, финского, турецкого, казахского, адыгейского, корейского, японского, китайского, кхмерского и баскского. Хотя эту выборку трудно назвать репрезентативной, мы надеемся, что на ее материале нам удастся получить представление

¹ Автор выражает глубокую признательность всем участникам проекта и экспертам по языкам, без которых это исследование было бы невозможным, прежде всего: А. А. Аксеновой, П. М. Аркадьеву, Е. Е. Арманд, И. Г. Багировой, М. С. Булах, П. А. Бычковой, Е. Ю. Волошиной, А. Э. Воробьевой, В. А. Геворкян, С. М. Гюласарян, Л. Р. Джиоевой, С. Ю. Дмитренко, Р. М. Казакову, А. К. Казкеновой, К. А. Кожанову, К. О. Конче, Д. С. Матяш, А. Мустайоки, Л. О. Наний, М. Падилья, А. С. Паниной, В. А. Плунгяну, В. А. Пригоркиной, Г. П. Розовской, Д. А. Рыжовой, В. К. Смилга, Е. В. Такташевой, А. В. Трепаленко, Н. Тюзюн, Л. В. Хохловой. Особенно мне хотелось бы поблагодарить Е. В. Рахилину за всестороннюю поддержку и обсуждение отдельных аспектов исследования на разных этапах его осуществления. Я также признательна анонимным рецензентам за ценные комментарии к первой версии статьи.

о типологическом устройстве рассматриваемого поля — ведь, как неоднократно отмечалось в исследованиях различных семантических полей (см. [Рахилина, Прокофьева 2004; 2005; Majid et al. 2007; Majid, Dunn 2015]), лексические системы близкородственных языков регулярно обнаруживают существенные различия. Более того, языки одной семьи или даже группы могут отражать весь спектр противопоставлений, который наблюдается в широкой типологической перспективе (см. [Кашкин 2013; Kortjevskaja-Tamm 2022]).

Сбор языковых данных осуществлялся в соответствии с методикой, разработанной в рамках фреймового подхода к лексической типологии (см. [Рахилина, Резникова 2013]) и широко применяемой в исследованиях Московской лексико-типологической группы (MLexT), а именно: на первом этапе при помощи пилотных корпусных данных были определены фреймы — ситуации, в которых употребляются глаголы зоны ‘прятать’, и на их основе была составлена анкета. Далее при помощи анкеты проводился опрос носителей языков, вошедших в выборку. Кроме того, изучались словарные и корпусные источники, доступные для анализируемых идиомов. Для нескольких языков выборки полученные данные стали предметом отдельных исследований (см. [Рахилина и др. 2021] о шугнанском, [Багиорова, Рыжова 2022] об адыгейском (в этом номере), [Аксенова и др., в печати] о шведском и норвежском).

Дальнейшее изложение будет построено следующим образом. В разделе 2 мы обсудим общее устройство поля ‘прятать’. Разделы 3–4 будут посвящены стратегиям его лексикализации в типологической перспективе — мы сначала подробнее остановимся на семантических особенностях ядерного глагола поля (раздел 3), а затем рассмотрим периферийные участки, где прятание сходится с другими семантическими зонами (раздел 4). В заключении мы подведем основные итоги исследования.

2. Структура семантической зоны ‘прятать’

Чтобы выявить внутреннее устройство поля, необходимо прежде всего понять, какие экстралингвистические ситуации (фреймы) в него попадают, а какие — остаются за его пределами. Иными словами, нам нужно определить, каковы внешние границы рассматриваемой зоны. Правда, это как будто бы противоречит тому, что мы обсуждали в предыдущем разделе. Выше мы неоднократно убеждались, что универсальных границ между полями не существует и что языки членят семантическое пространство по-разному: ситуацию, которую один язык трактует еще как прятание (ср. ‘прятать шпагу в ножны’), другой язык может уже не относить к этой зоне. Вместе с тем нам нужно обеспечить сопоставимость типологических данных, а для этого необходимо выбрать фрагмент семантического пространства, который будет рассматриваться для каждого языка выборки — независимо от того, глаголами какого семантического поля выражаются в этом языке выбранные значения. Речь идет, таким образом, об условных границах, которые мы, вообще говоря, можем установить где угодно — главное, чтобы это было сделано единообразно для всех изучаемых языков.

При определении такой условной внешней границы естественно ориентироваться на языки, которые понимают прятание максимально широко, т. е. включать в анализ все ситуации, которые хотя бы один язык выборки считает связанными с прототипическим прятанием (ср. [Кюсева и др. 2013]). В качестве прототипа² мы рассматриваем ситуацию, при которой субъект перемещает объект в такое место, где его не найдет / не увидит контрагент

² Подчеркнем, что понятие «прототип» здесь отсылает к идее центрального представителя категории (ср. трактовку этого понятия в [Rosch 1973]), не подразумевая при этом его первичности в диахронической перспективе. Напротив, как мы покажем, семантика прототипического прятания может развиваться из значений, которые существенно отклоняются от прототипа.

(тот, от кого прячут), ср. ‘спрятать драгоценности под кровать’. Нежелательность обнаружения объекта может быть вызвана разными факторами, которые так или иначе подразумевают угрозу для субъекта: например, субъект — как в случае с драгоценностями — боится лишиться объекта (поскольку его посессором станет контрагент) или же опасается последствий его обнаружения (ср. ‘спрятать дневник от родителей’). Итак, определяющими для прототипа являются следующие параметры:

- способ: перемещение в другое место;
- объект: конкретный неодушевленный;
- цель: чтобы не нашли / не увидели.

Колексифицироваться с прототипом, образующим ядро поля (о термине «колексификация» см. [François 2008]), может целый ряд периферийных ситуаций, которые отличаются от ядерной по одному или нескольким параметрам. Важно, однако, иметь в виду, что эти параметры не являются независимыми друг от друга: выбор значения для одного из них нередко задает всю ситуацию в целом (ср. обратный подход в [Lehrer 1974]). Периферийные фреймы могут отклоняться от прототипа в следующем:

- Способ: как мы уже обсуждали, объект можно спрятать не только перенеся его куда-л., но и накрыв или заслонив чем-л. (‘прятать книгу под одеялом’, ‘прятать цветы за спиной’).
- Объект: помимо неодушевленного конкретного речь может идти, во-первых, про одушевленный объект (‘прятать у себя беглого каторжника’). По сравнению с ядерной ситуацией субъект в этом случае, как правило, боится не того, что объект перейдет к другому посессору (как в ситуации с драгоценностями) или что ему самому каким-то образом навредит обнаружение объекта (как с дневником), — прежде всего субъект пытается избежать того, чтобы вред был нанесен объекту. Во-вторых, объект может быть абстрактным, как, например, информация или эмоции, — пряча их, субъект, в отличие от прототипического случая, естественно, не перемещает их куда-либо, а держит в секрете, т. е. не рассказывает о них и не выражает каким-либо иным способом.
- Цель: прятать можно не только для того, чтобы не увидел контрагент, но и чтобы сберечь объект, защитить его от внешнего воздействия, предотвратить пропажу (ср. ‘спрятать теплую одежду до будущей зимы’, ‘спрятать еду в холодильник’, ‘спрятать ключи в сумку’). Казалось бы, этот класс ситуаций существенно отличается от прототипа: здесь впервые исчезает идея контрагента и, соответственно, представление о том, что объект должен стать незаметным. Тем не менее колексификация с ядерным прятанием не случайна: объединяет их представление о том, что субъект может лишиться объекта — только в одном случае это должно произойти из-за другого лица, а в другом — потому что объект потеряется или испортится.

Кроме перечисленных периферийных ситуаций, характеризующихся неканоническими способом действия, объектом или целью, языки могут считать «разновидностью» прятания и некоторые более специфические фреймы. Во-первых, это целая группа ситуаций, предполагающих в качестве объекта части тела. В отличие от других неодушевленных конкретных объектов, части тела прячут не потому, что они могут перейти к другому посессору. Прежде всего их защищают от неблагоприятных погодных условий (например, от холода — ‘спрятать руки в карманы / уши под шапку’ — или от яркого света — ‘спрятать глаза от солнца / лицо под шляпой’), но иногда цель может быть и более стандартная, ср. ‘прятать грязные руки за спиной’ — в этом случае субъект, как и в прототипической ситуации, не хочет, чтобы контрагент увидел объект, поскольку это обнаружение может быть чревато для субъекта нежелательными последствиями. Особый класс ситуаций с частями тела касается проявления эмоций: лицо и его части можно прятать, чтобы не показать свое состояние, ср. ‘прятать глаза (чтобы никто не увидел слез)’, ‘спрятал лицо (чтобы

собеседник не заметил смущения)'. Примаыкают к этому классу и контексты, описывающие определенные конфигурации лица, которые отражают ту или иную эмоцию, ср. 'прятать улыбку / румянец'. В подобных случаях мы имеем дело с двоякой ситуацией: с одной стороны, объектом здесь выступает лексема с конкретным значением, с другой — метонимически — субъект прячет абстрактную сущность — эмоцию. Как мы покажем позднее, этот двоякий статус может проявляться и в лексическом кодировании таких контекстов.

Во-вторых, к более специфическим ситуациям мы отнесли случаи неагентивного прятания, когда в позиции субъекта выступает неодушевленное имя. Оно называет преграду, которая заслоняет (и тем самым как бы прячет) объект от наблюдателя (о наблюдателе см. [Ю. Апресян 1986]), ср. 'густая растительность скрывает пешеходов', 'горная гряда скрывает горизонт'. От ядерного прятания этот фрейм наследует представление о том, что объект становится невидимым для контрагента, роль которого здесь выполняет наблюдатель.

Итак, в структуре семантической зоны 'прятать' выделяется четко выраженный прототип, а также ряд периферийных ситуаций, отличающихся от ядерной способом, целью действия или типом объекта. Отдельными фрагментами поля можно считать также ситуации с частями тела в качестве объекта и с неодушевленным субъектом. В следующем разделе мы обсудим, как эти ситуации распределяются между лексическими единицами в языках нашей выборки.

3. Типы лексических систем в зоне прятания

Наличие одного ядерного фрейма определяет типологическую специфику зоны 'прятать'. Основным параметром ее межъязыкового варьирования является сфера покрытия центрального глагола, т. е. глагола, которым выражается ядерный фрейм. Иными словами, языки различаются тем, какие из периферийных ситуаций может охватывать основная лексема поля. На основании этого параметра в нашей выборке можно выделить три стратегии лексикализации поля: доминантную, квазидоминантную и дистрибутивную. Остановимся сначала на первых двух, которые характеризуются центральным глаголом широкой семантики (раздел 3.1), а затем подробнее рассмотрим системы третьего типа, в которых глагол оказывается «чувствителен» к отклонению от прототипа по тому или иному параметру (раздел 3.2).

3.1. Доминантные и квазидоминантные системы

Доминантная стратегия предполагает, что центральная лексема может описывать все периферийные фреймы поля. Такой широкой сферой покрытия характеризуются арабский *'ahafā*, цыганский (севернорусский диалект) *garavés te* и осетинский *æmbæxсын*, ср.:

(1) СЕВЕРНОРУССКИЙ ДИАЛЕКТ ЦЫГАНСКОГО

a. *Jóv gara-d'á jakh-á tel e š'lap-a.*
 3M.DIR.SG прятать-PST.3SG глаз-DIR.PL под DEF шляпа-DIR

'Он спрятал глаза под шляпой' (способ: покрыть, объект: часть тела).

b. *Pandžedeš-engir-e s-gara-d'a dre kisyk o dirižor-o.*
 50-GEN.PL-DIR.PL PVB-прятать-PST.3SG в карман.DIR DEF дирижер-DIR.SG

'Дирижер спрятал полтинники в карман' [КЦЯ]³ (цель: чтобы сохранить).

³ Здесь и далее источник приводится для примеров, извлеченных из корпусов. Примеры без ссылок получены в ходе элицитации.

с. *s-garav-en-as* *peskir-i* *xol-y* *ko barval-e*
 PVB-прятать-3PL-IPF свой-DIR.SG.F злость-DIR.SG к богатый-DIR.PL
 ‘(они) прятали свою злость к богатым’ [КЦЯ] (объект: абстрактный).

d. *Vés* *garav-él* *fór-o*
 лес-DIR.SG прятать-3SG.PRS город-DIR.SG
 ‘Лес скрывает город’ (субъект: неодушевленный).

(2) ОСЕТИНСКИЙ

a. *Камера ба-мбæхст-а* *хъуымац-ы бын,*
 камера PVB-прятать.PST-TR.PST.3SG ткань-INE под
цæмæй сырд-тæ мæ фа-тæрс-ой.
 чтобы зверь-PL.NOM NEG PVB-бояться-SBJV.3PL
 ‘Он спрятал камеру под тканью, чтобы животные не пугались’ (способ: покрыть).

b. *Адаймаг йæ курткæ мидæг ба-мбæхст-а*
 человек POSS.3SG куртка внутрь PVB-прятать.PST-TR.PST.3SG
дидинæг цæмæй мæ ных-хуылыдз уа.
 цветок чтобы NEG PVB-мокрый быть.OPT.3SG
 ‘Человек спрятал цветок под курткой, чтобы он не промок’ (цель: чтобы сохранить).

с. *Ус æмбæхс-ы йæ лæг-ы æвзæрдзинæд-т-æ.*
 жена прятать.PRS-PRS.3SG POSS.3SG муж-GEN зло-PL-NOM
 ‘Жена скрывает проступки мужа’ (объект: абстрактный).

d. *С-куыд-т-а мæ йæ цæсгом*
 PVB-плакать.PST-TR.PST.3SG и POSS.3SG лицо
къух-т-æй ба-мбæхст-а.
 рука-PL-AVL PVB-прятать.PST-TR.PST.3SG
 ‘Она расплакалась и спрятала лицо руками’ (объект: часть тела).

e. *Хох æмбæхс-ы хъæу-ы.*
 гора прятать.PRS-PRS.3SG деревня-GEN
 ‘Гора скрывает деревню’ (субъект: неодушевленный).

При квазидоминантной стратегии не попадает в сферу покрытия центрального глагола какой-то из «особых» фреймов, т. е. неагентивное прятание или ситуации, связанные с защитой частей тела от внешнего воздействия. Так, в литовском глагол *slėpti* охватывает все контексты за исключением тех, где объектом выступают части тела⁴.

(3) ЛИТОВСКИЙ

a. *Darbinink-ai paslėp-ė dur-is po daž-ų sluoksn-iu.*
 рабочий-NOM.PL прятать.PFV-PST.3 дверь-ACC.PL под краска-GEN.PL слой-INS.SG
 ‘Рабочие спрятали дверь под слоем краски’ (способ: покрыть).

b. *J-is paslėp-ė uogien-ę iki žiem-os rūš-ųje.*
 3-NOM.SG.M прятать.PFV-PST.3 варенье-ACC.SG до зима-GEN.SG погреб-LOC.SG
 ‘Он спрятал варенье в погреб до зимы’ (цель: чтобы сохранить).

⁴ Обратим внимание, что в языках, допускающих центральный глагол прятания в контекстах типа ‘прятать глаза от солнца / лицо от ветра / ноги под одеяло’, речь может идти, по-видимому, только о частях тела самого субъекта, ср. русск. *Виола сидела поперек постели, (...) спрятав ноги под одеяло...* [Федор Кнорре. Орехов (1968)]. Если объектом защиты являются части тела другого человека, то центральный глагол поля оказывается неприменим, ср. *Со временем она перестроилась, не укладывала, а усаживала Маргариту в кресло, укрыв ноги пледом!* *спрятав ноги под плед [Людмила Улицкая. Чужие дети (1998)]. Это ограничение, как кажется, свидетельствует о тесной связи прятания с идеей possessивности.

- с. *Aš ne-moku slèp-ti savo jausm-ų.*
я.NOM NEG-уметь-PRS.1SG прятать.IPFV-INF REFL.POSS чувство-GEN.PL
‘Я не умею скрывать свои чувства’ (объект: абстрактный).
- д. *Medži-ai slèp-ė trobel-ę.*
дерево-NOM.PL прятать.IPFV-PST.3 избушка-ACC.SG
‘Деревья скрывали избушку’ (субъект: неодушевленный).
- е. *Saul-ė akin-o j-į, ir j-is*
солнце-NOM.SG слепить.IPFV-PST.3SG 3-ACC.SG.M и 3-NOM.SG.M
*deng-ė / *slèp-ė ak-is rank-omis.*
покрывать.IPFV-PST.3 / прятать.IPFV-PST.3 глаз-ACC.PL рука-INS.PL
‘Солнце слепило его, и он прикрывал глаза руками’ (объект: часть тела).

Итак, при доминантной и квазидоминантной стратегиях центральный глагол распространяется на все или почти все непрототипические ситуации прятания. В дистрибутивных системах основная лексема поля характеризуется более узкой семантикой.

3.2. Дистрибутивные системы

Дистрибутивной стратегией мы называем такую, при которой центральный глагол ограничен по одному или нескольким базовым параметрам прятания, т. е. не употребляется в ситуациях с неканоническими объектом (А), способом (В) и/или целью (С) действия. Рассмотрим эти подклассы последовательно.

А. В отношении **объекта** граница проходит, как правило, между конкретными и абстрактными сущностями, т. е. центральный глагол может применяться только к предметным именам, для абстрактных объектов — эмоций, информации — используется другая лексема. Такая система представлена, в частности, в русском, ср.: *прятать деньги*, но *скрывать / таить* ([?]*прятать*) *досаду*. Показательно, что при существительных, допускающих и предметное, и абстрактное прочтение, выбор глагола «диктует» ту или иную интерпретацию — в (4а) подразумевается, что прячут информацию о зарплате, а в (4б) — конкретные деньги.

(4) Русский

- а. *Бегают от приставов, скрывают зарплату и имущество.* [ruTenTen11]
- б. *{...} странно, по-моему, люди давно научились прятать зарплату, ценные вещи во внутренние карманы, к примеру, или подальше в сумочку.* [ruTenTen11]

Аналогичное противопоставление конкретных и абстрактных объектов прятания характерно и для других славянских языков в нашей выборке — чешского и польского, где при абстрактных объектах выступают глаголы с теми же корнями, что и в соответствующих контекстах в русском (чешск. *skrývát, tajít*; польск. *(u)kryć, taić*), а для конкретных используются глаголы другого происхождения, чем их русский коррелят *прятать* (чешск. *schovávat*, польск. *chować*). За пределами славянского ареала подобные системы тоже встречаются, ср. шведск. *gömma* (для конкретных) vs. *dölja / hemlighålla* (для абстрактных), см. также ниже о немецком, китайском, персидском и баскском, где оппозиция конкретных и абстрактных объектов «склеивается» с другими параметрами.

Обратим внимание на ряд особенностей систем, учитывающих тип скрываемого объекта. Первая из них касается объектов-лиц (ср. ‘прятать преступника’). В принципе люди — это конкретные объекты, так что можно было бы ожидать, что с именами лиц сочетается только глагол типа русского *прятать* или польского *chować*. Однако и в русском

и польском, и в немецком, о котором речь пойдет позже, встречаются контексты про человека не только с «конкретными», но и с «абстрактными» глаголами, т. е. лексемой, сочетающейся преимущественно с эмоциями и информацией⁵, ср.:

(5) РУССКИЙ

*Ко мне пришла знакомая, студентка педтехникума, и позвала к больному. Оказалось, она **скрывает** лейтенанта, раненного в плечо (...)* [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)].

(6) ПОЛЬСКИЙ

(...) bo tam właśnie Bożyczko ukrył Juttę de Apolda.
 потому.что там именно Божичко спрятать-PST.3SG Ютта-ACC де Апольда
 ‘... потому что именно там Божичко спрятал Ютту де Апольда’. [Andrzej Sapkowski. Lix Perpetua (2) (2006)]

По-видимому, эти данные свидетельствуют о том, что в случае объекта-человека в фокус может попадать не только конкретное место, куда был помещен объект (что характерно для *прятать* и его аналогов), но и — метонимически — сам факт того, что человек был спрятан (а «прятание» фактов кодируется как раз глаголом *скрывать* и его аналогами).

Вторая особенность касается частей тела и их конфигураций. Мы уже отмечали, что они могут интерпретироваться двояко — как конкретный видимый объект или как метонимическое указание на эмоцию, которую они выражают. В системах с противопоставлением глаголов для конкретных и абстрактных объектов такая двойственность может проявляться в допустимости обоих глаголов при некоторых именах этого класса, ср. сходные контексты для сочетаний *прятать / скрывать улыбку*:

(7) РУССКИЙ

- a. *Репнин отвернулся, **скрывая** улыбку* [К. С. Бадигин. Секрет государственной важности (1974)].
- b. *Герман, **пряча** улыбку, отвернулся, роясь в сумке* [Елена и Валерий Гордеевы. Не все мы умрем (2002)].

Части тела могут отражать не только эмоции, но и определенные физиологические состояния, ср. живот у беременных. В подобных контекстах также наблюдается вариативность глаголов: имеется в виду либо живот как конкретный объект, который *прячут*, либо — метонимически — факт беременности, который *скрывают*, ср. аналогичную вариативность в шведском между «конкретным» глаголом *gömma* и «абстрактным» *dölja*:

(8) ШВЕДСКИЙ

- a. *När jag vänta-de Arvid nu var jag så rädd för₁ att₂*
 когда я ждать-PST Арвид теперь быть:PST я так напуганный CONJ_{1,2}
berätta, jag försök-te dölja mage-n ganska länge
 рассказать я пытаться-PST прятать живот-DEF довольно долго
 ‘Когда я ждала Арвида, я так боялась рассказать об этом, что довольно долго пыталась скрыть живот’. [svTenTen14]
- b. *Skön-a och stretchig-a pike-klänning-ar är perfekt-a*
 красивый-PL и эластичный-PL пике-платье-PL быть:PRS идеальный-PL
att gömma mage-n
 CONJ прятать живот-DEF

⁵ Прятание человека может описываться и специализированными лексемами, ср. *kakumau* в японском, ср. также русский глагол *укрыть*, который реализует значение ‘прятать’ только в сочетании с наименованиями людей.

{i *samtidigt som tyget drar ihop sig i takt med att magen krymper efter graviditeten*}. 'Красивые и эластичные платья из пике идеальны для того, чтобы прятать живот {и в то же время ткань утягивается по мере того, как живот уменьшается после беременности}'. [svTenTen14]

До сих пор мы говорили об абстрактных объектах как о едином классе. Между тем мы видели, что эта зона может обслуживаться сразу несколькими глаголами, ср. русск. *скрывать*, а также *таить* и его дериваты *затаить* и *утаить*, эти же корни создают лексическую неоднородность «абстрактной» зоны в чешском и польском, шведский тоже привлекает более одной единицы — прежде всего *dölja* и *hemlighålla*. Наличие нескольких глаголов явно указывает на то, что язык может проводить дополнительные разграничения в этом фрагменте поля. И действительно, абстрактные объекты включают в себя по крайней мере два разных типа сущностей, которые мы уже называли, — это информация и эмоции. Заметим, что их прячут несколько по-разному: если скрывают информацию, то о ней не говорят, не сообщают каких-то фактов, в случае же эмоций умалчиванием ситуация не ограничивается. В самом деле, об эмоциях мы узнаем не только со слов экспериенсера, но и по его внешнему виду, так что, скрывая эмоции, человек не просто не говорит о них, но еще и не показывает их. Это различие на языковом уровне может проявляться в существовании глаголов, которые «специализируются» только на одном виде абстрактных объектов.

Так, один из двух «абстрактных» шведских глаголов — *hemlighålla* букв. 'держать тайным' — применим только к сокрытию информации (ср. *hemlighålla sitt ursprung* 'скрывать свое происхождение', *hemlighålla att man söker nytt jobb* 'скрывать, что ищешь новую работу'). Второй же глагол из этой пары — *dölja* — охватывает все контексты с абстрактным объектом, в том числе и ситуации, доступные для *hemlighålla*, ср. *dölja sitt ursprung* 'скрывать свое происхождение', а также эмоции *dölja sin irritation* 'скрывать свое раздражение'. В русском такой широкой семантикой характеризуется *скрывать* (ср. *скрывать факты / обиду / радость*), подробнее о сочетаемости этого глагола с наименованиями эмоций см. [В. Апресян 2010]). Между тем *таить* и его производные накладывают ограничения на тип объекта: *утаивать* распространяется прежде всего на информацию, а *таить* и *затаить* — на эмоции, причем далеко не любые⁶. *Затаить* можно длительные негативные переживания, направленные на другого человека, — *обиду, злобу, неприязнь, ненависть*. Ни краткие эмоциональные состояния (*раздражение, огорчение*), ни эмоции, не имеющие адресата (*страх, печаль*), «затаить» нельзя.

З а м е ч а н и е. Столь ограниченная сочетаемость *затаить* является следствием диахронических процессов: данные НКРЯ свидетельствуют о том, что еще в XIX в. контексты употребления этого глагола были гораздо разнообразнее. Он мог относиться к широкому кругу эмоций и их проявлений (например, к любви, страсти, удовольствию, улыбке, слезам, смущению), см. (9a–b), а также к информации (9c) и даже конкретным объектам (9d):

(9) Русский

- a. *Великий князь грозно посмотрел на Мамона; этот старался, сколько мог, затаить свое смущение, и встретил его очи с твердостью.* [И. И. Лажечников. Басурман (1838)]
- b. *Этого чувства не могу я затаить от самой себя, хотя бы вдали, на чужбине, я возродилась граждански, в новом кругу знакомых.* [А. А. Бестужев-Марлинский. Страшное гаданье (1831)]
- c. *Притом же простолюдин перед нами постарается затаить даже и то немного, что перед своим братом он бы и мог высказать.* [Н. А. Добролюбов. Черты для характеристики русского простонародья (1859)]
- d. *Он слез, меня с лошади снял и пошел в тростник: там он лодку свою затаил.* [Ф. М. Достоевский. Хозяйка (1847)]

⁶ Глагол *таить* выступает также при неагентивных субъектах — в этом случае он предполагает объекты других семантических классов, прежде всего различные обозначения опасностей (как, например, *опасность, угроза, подвох*) и тайн (*тайны, загадки, секреты*), ср. *Пересеченная местность таит опасности; Древние строения всегда тают какую-то загадку* (ruTenTen11).

В современном употреблении конкретные объекты описываются лексемой *прятать*, а абстрактные постепенно «переходят» от *затаить* к *скрыть*. Для значительного класса эмоций этот переход уже можно считать завершённым, для имен типа *обида* и *злоба* допустимыми пока еще являются оба глагола. Единственное сочетание, в котором *затаить* нельзя заменить на другой глагол прятания, — это устойчивое выражение *затаить дыхание*. Таким образом, на материале *затаить* можно наблюдать «застывание» лексемы в составе определенной конструкции. По-видимому, и *утаить* постепенно уступает свое место глаголу *скрыть* — по крайней мере, замена на *скрыть* возможна почти во всех контекстах употребления этой лексемы (исключения составляют случаи ее использования в составе идиомы *шла в мешке не утаишь*). О сходных тенденциях применительно к рефлексивным коррелятам рассматриваемых глаголов — *таиться, затаиться, утаиться* — см. [Рахилина, Плунгян 2020].

Оговоримся, что лексическое выделение определенных подклассов абстрактных объектов характерно не только для систем, подобных русской и шведской, т. е. таких, в которых основной глагол допускает преимущественно конкретные объекты, но и для систем других типов, где сфера покрытия центральной лексемы распространяется и на абстрактные ситуации и тем самым специализированные глаголы в своих подзонах «конкурируют» с центральным.

Так, в арабском наряду с доминантной лексемой *'aḥafā*, которая, как мы помним, употребляется для всех периферийных ситуаций прятания, в том числе и для сокрытия информации и эмоций, функционирует также несколько глаголов существенно более узкой семантики, в частности *katama*, описывающий только информацию, ср. *katama 'asrāran* ‘скрывать секреты’, *katama huwiyya* ‘скрывать личность (= информацию о себе)’. В корейском периферийный глагол *kum-ha-ta* (исходно — ‘запрещать’) тоже «вторгается» в тот фрагмент поля, где используются центральные лексемы (*kam-chwu-ta* и *swum-ki-ta*), но он из абстрактных объектов выбирает, напротив, эмоции. Правда, *kum-ha-ta* в интересующем нас значении оказывается отрицательно поляризованным — он выступает только в составе фиксированной конструкции *kumhal swu epsa* ‘не смочь скрыть’, ср.:

(10) Корейский

na-nun wus.um-ul / nwunmwul-ul / pwunno-lul kumhal
 1SG-TOP улыбка-ACC / слеза-ACC / гнев-ACC запереть.PTCP.FUT
swu eps-ta.
 способ не_иметься-DECL

‘Я не могу скрыть улыбки/слез/злости’.

Мы упомянули арабский *katama* и корейский *kum-ha-ta*, чтобы показать, что лексическое выделение того или иного подкласса абстрактных объектов характерно для систем самых разных типов. Отметив это, вернемся к рассматриваемым дистрибутивным языкам. Мы обсудили те из них, в которых ограничения центральной лексемы связаны с типом объекта. Для следующего класса дистрибутивных систем определяющим оказывается способ действия.

В. В языках, ориентированных на различия в **способе действия**, центральный глагол поля предполагает, что субъект прячет объект, перемещая его в другое место, тогда как иные способы прятания выражаются отдельными лексемами. Это противопоставление характерно для норвежского — здесь лексема *gjemte* предпочтительна в контекстах с перемещением в секретное место, а *skjule* используется для других действий, позволяющих сделать объект незаметным для контрагента (накрыть, заслонить и под.):

(11) Норвежский [noTenTen17, Bokmål]

a. *Jeg har gjem-t nøkkel-en i fornøyelsespark-en.*
 я AUX прятать-PTCP ключ-DEF в парк_развлечений-DEF

‘Я спрятал ключ в парке развлечений’.

b. *Den mistenkte vis-te fram eit våpen som han*
 DEF подозреваемый показать-PST вперед INDF оружие REL он
hadde skjul-t under jakka.
 AUX.PST прятать-PTCP под куртка

‘Подозреваемый показал оружие, которое он спрятал под курткой’.

Другие фреймы поля распределяются между двумя лексемами предсказуемым образом. Абстрактные объекты не перемещаются, так что за них «отвечает» *skjule*, ср. *skjule glede* ‘скрывать радость’, *skjule en hemmelighet* ‘скрывать тайну’. Не двигаются в процессе действия и некоторые части тела (например, глаза, которые прячут за солнечными очками, или уши, скрываемые от мороза), а также объекты при неагентивном прятании — во всех этих случаях тоже выступает *skjule*. Напротив, объекты, которые прячут для сохранности, обычно приходится перемещать, так что для них используется *gjemme*, ср. *gjemme mat i kjøleskapet* ‘прятать еду в холодильник’. Сходным образом устроена и турецкая система: для прятания с перемещением в специальное место — независимо от цели этого действия (чтобы объект не увидели или чтобы его сохранить) — обычно используется *saklamak*, для других способов прятания и для абстрактных объектов предпочтительным оказывается *gizlemek*.

Противопоставление по способу действия релевантно и для немецкого, но здесь оно встроено в более сложную систему оппозиций, учитывающую еще и тип объекта — параметр, который мы обсуждали выше. Центральный глагол поля — *verstecken* — предполагает, как правило, перемещение конкретного объекта (12a). Если объект прячет иным образом, то используются лексемы, специфицирующие это действие. Так, *verdecken* предполагает, что объект становится невидимым, поскольку его накрывают чем-либо или иным образом блокируют видимость, при этом речь может идти как об агентивной (12b), так и о неагентивной ситуации (12c). В случае *tarnen* (12d) имеется в виду изменение внешнего вида объекта, в результате которого он не отличается от окружающей среды (ср. русск. *замаскировать*). Наконец, основным глаголом для абстрактных объектов является *verbergen* (12e). Таким образом, базовое отличие немецкой системы от норвежской или турецкой состоит в лексическом различении прятания абстрактных существностей (‘скрыть волнение’) и ситуаций с неканоническим способом действия (‘спрятать объект, накрыв его’).

(12) Немецкий

- a. *Am Abend fuhr ich ins Theater und versteckte die Pistole in der herrenlos gewordenen Requisite.*
 ‘Вечером я поехал в театр и спрятал пистолет среди ставшего бесхозным реквизита’. [DWDS-Kernkorpus 21]
- b. *Dann ordnest du etwas Islandmoos vor dem Zaun an. Damit verdeckst du die Klebestellen <...>*
 ‘Затем расположи немного исландского мха перед забором. Так ты спрячешь (= закроешь) участки, где применялся клей’. [deTenTen18]
- c. *Ein hoher runder Vorhang verdeckt zu Beginn die Manege.*
 ‘Вначале арену скрывает высокий круглый занавес’. [deTenTen18]
- d. *Die auf dem Boden liegende Schlinge tarnte er mit Laub und Gras.*
 ‘Лежашую на земле петлю он замаскировал листьями и травой’. [deTenTen18]
- e. *Lukian bemühte sich, seine innere Unruhe zu verbergen.*
 ‘Лукиан старался скрыть свое внутреннее беспокойство’.
 [DWDS-Kernkorpus 21]

С. Наконец, последний параметр, организующий дистрибутивные системы, — это **цель** действия. Мы уже отмечали, что ситуации с неканонической целью дальше отстоят от прототипического прятания, чем примеры с нестандартным объектом или способом действия, поскольку предполагают несколько измененный состав участников: в этом случае в ситуации отсутствует контрагент. И действительно, в нашей выборке именно цель действия чаще других параметров служит основой для лексических противопоставлений. В таких системах центральный глагол поля употребляется только в контекстах, где объект скрывают от кого-либо, для остальных ситуаций используются другие лексемы. Подобное распределение характерно для французского и итальянского, где, соответственно, глаголы *cache* и *nascondere* не выходят за пределы фреймов с контрагентом и не могут описывать прятание продуктов в холодильнике (чтобы они не испортились) или документов в стол (чтобы не потерялись). Зато внутри «контрагентной» зоны лексемы *cache* и *nascondere* охватывают самые разные ситуации — в том числе и прятание абстрактных объектов (франц. *cache son crime / son plaisir* ‘скрыть свое преступление / удовольствие’, итал. *nascondere la verità / i suoi sentimenti* ‘скрывать правду / свои чувства’), и неканонический способ действия (франц. *cache les fenêtres des vieilles maisons derrière les toiles* ‘завесить окна старых домов полотнами’ букв. «спрятать окна старых домов за полотнами», итал. *nascondere il buco sotto un poster* ‘спрятать дыру за плакатом’).

Параллели этим романским глаголам обнаруживаются в генетически и ареально далеких языках: центральные глаголы прятания в английском (*hide*), армянском (*t'ak'c'nel*), хинди (*chirānā*), казахском (*жасыру*), адыгейском (*вeбэлэ-*), корейском (*kam-chwu-ta* и *swum-ki-ta*) тоже подразумевают наличие лица, от которого необходимо уберечь объект. Так, казахское словосочетание в (13) с глаголом *жасыру* предполагает, что субъект не хочет, чтобы продукты кто-то увидел (например, потому что опасается, что иначе их съедят). Если цель субъекта состоит лишь в том, чтобы продукты не испортились, то используется лексема *салу* ‘положить’. Об адыгейской системе см. подробнее [Багирова, Рыжова 2022].

(13) КАЗАХСКИЙ

азык₁-тулік₂-ті мұдатқыш-қа жасыр-у / сал-у
 продукты_{1,2}-ACC холодильник-ДАТ прятать-INF / положить-INF
 ‘спрятать продукты в холодильник’.

Примечательно, что и в русском, где в принципе центральный глагол поля охватывает действия с неканонической целью (*спрятать одежду в шкаф*), его стативный коррелят интерпретируется только как ситуация с контрагентом. В самом деле, конструкции *он прячет одежду в шкаф / бумаги в столе* и под. предполагают, что имеется кто-то, кто не должен найти объект. Если же такой участник в ситуации не подразумевается, то уместнее оканчивается другой глагол — например, *хранить*. Таким образом, в этом фрагменте системы русский ведет себя подобно языкам типа французского или казахского.

Среди языков этого типа дополнительным параметром типологического варьирования является интерпретация категории контрагента. В ряде систем (например, армянской и адыгейской) роль контрагента трактуется довольно узко — это именно одушевленный участник, который не должен увидеть / найти объект (прототипически речь идет о человеке, но в этой роли могут выступать и животные, ср. ‘спрятать хлеб от мышей’). Для других языков (например, английского и французского) характерно, напротив, расширенное понимание категории — помимо людей и зверей сюда метафорически могут относиться и природные силы, от которых защищают, например, части тела или растения.

Это различие проявляется в семантических возможностях центрального глагола прятания. Поскольку в целом в обсуждаемых языках этот глагол ориентирован на ситуации с контрагентом, то в системах типа армянской или адыгейской, где контрагентом может быть только одушевленный участник, защита от внешнего воздействия (т. е. от метафорического контрагента) не «считается» прятанием. Напротив, в английском и французском подобные ситуации могут категоризоваться как прятание:

(14) Армянский

Na (*šarf-ov*) *p'ak-ec'* / **t'ak'c'rec'* *eres-ə* *k'am-uc'*.
 3SG шарф-INS закрыть-AOR:3SG / прятать:AOR:3SG лицо-DEF ветер-AVL
 'Он закрыл / *спрятал лицо (шарфом) от ветра'.

(15) Английский

Involuntarily, your hand went to your face and hid it from the sun, until your eyes got used to the light.

'У тебя рука невольно потянулась к лицу и закрывала (букв. «прятала») его от солнца, пока глаза не привыкли к свету'. [enTenTen20]

Таким образом, внутри подкласса дистрибутивных систем третьего типа (т. е. допускающих ядерный глагол только в ситуациях с прототипической целью) сфера покрытия этой центральной лексемы может несколько различаться.

Семантическое ограничение глагола, связанное с целью действия, иногда накладыва-ется на другие противопоставления в системе. Выше мы уже обсуждали материал немецкого языка, где центральный глагол требует одновременно прототипического (конкретного) объекта и канонического способа действия. Основной глагол может не выходить за рамки прототипа и по другим сочетаниям параметров. Так, в японском ядерная лексема *kakusu* не только не распространяется на ситуации с непрототипической целью (например, одежда, которую прячут на хранение в шкаф, описывается глаголом *ireru* 'поместить внутрь'), но и не охватывает ситуации с объектом-человеком. Здесь ярко проявляется антропоцентричность японской системы: для прятания людей используется специальная лексема *kakumau* 'укрыть, дать приют'. Заметим при этом, что абстрактное прятание (сокрытие информации, эмоций) входит в сферу покрытия центрального *kakusu*.

Основной глагол может совмещать ограничения, касающиеся цели и способа действия, т. е. выступать преимущественно в контекстах, подразумевающих перемещение объекта в тайное место с тем, чтобы его кто-то не нашел. Такой семантикой характеризуются финский *pilottaa* (а также его книжный аналог *kätkeä*, более естественный для абстрактных объектов), кхмерский *leak* и *ħabʔä* в тигринья. Соответственно, остальные фреймы — прятание-накрывание и прятание с целью сохранить или не потерять — выражаются, как правило, другими лексемами. Так, в кхмерском для ситуаций, когда объект делают невидимым без перемещения в специальное место, используется лексема *ban* 'скрывать, быть скрытым' (16c), а если его кладут куда-либо для хранения, может употребляться, например, сочетание глаголов *reaksa*: 'защищать' и *tuk* 'хранить' (16d). К сфере центрального *leak* относятся, помимо прототипического прятания (16a), ситуации с абстрактными объектами (16b).

(16) КХМЕРСКИЙ

a. *sva:məj phiək craun coul₁ cət₂ leak luj knoŋ tu:*
 супруг часть много любить_{1,2} прятать деньги в шкаф
kənlaeŋ₃ thvɿ:₄ ka:₅ nah
 рабочее_место_{3,4,5} очень

'Большая часть мужей часто прячут деньги в шкафчике на рабочем месте'. (<https://www.health.com.kh/archives/78782>)

b. *pontae puək kɛ: teaj₁ ʔh₂ leak ka:₃ phej₄ khla:c₅ nuŋ ciə₆ piʔseh₇*
 но PL 3 все_{1,2} прятать страх_{3,4,5} CONJ особенно_{6,7}
ka:₃ phej₄ khla:c₅ nej ka:₈ slap₉
 страх_{3,4,5} POSS смерть_{8,9}

'Но все они скрывали (свой) страх, особенно страх смерти'. (<https://km.warbletoncouncil.org/>)

c. *kɛ: ʔa:c haŋ səh mneak ʔaoj triəm sv:se:*
 3 мочь звать ученик один.CLF CAUS быть_готовым писать

nɔɯ *lɔ:* *kda:₁ khiən₂* *daoɯ* **baŋ** *veaŋ₃ nɔ:n₄*
 находиться верх классная_доска_{1,2} AUX скрыть занавеска_{3,4}
kom₅ ʔaɔj₆ *səh* *dv:teɯ* *mɔ:l* *khɔ:ɯ*
 чтобы.не_{5,6} ученик другой смотреть видеть

‘Можно вызвать одного ученика писать на доске, спрятав его за занавеской, чтобы другие ученики не видели’. (<https://khmer-lfrd.com/>)

d. *jɔ:k* *spəj* *dael* *dak* *coul* *knoŋ* *krɔ:lv:* *nuh* *maok*
 брать капуста REL класть входить в банка DEM приближаться
reaksa: **tuk** *knoŋ* *tu:₁ tuuk₂ kɔ:k₃* *rɔjea²* *pe:l* *ʔa:tut* *tr:p*
 защищать хранить в холодильник_{1,2,3} период время неделя CONS
ʔa:c *nam* *ba:n*
 мочь есть мочь

‘Положите капусту в банку и спрячьте в холодильник на одну неделю. После этого [ee] можно есть’. (<https://www.facebook.com/>)

Наконец, самой узкой семантикой характеризуются лексемы, ограниченные по всем трем параметрам — по типу объекта, способу и цели действия. Фактически это означает, что основной глагол зарезервирован только за прототипической ситуацией прятания. Все отклонения от прототипа задаются другими лексемами. Среди языков нашей выборки такие системы встретились в персидском (центральный глагол *qāyem kardan*), китайском (*cáng*) и баскском (*ezkutatu*). В частности, в баскском прятание-накрывание не коллектифицируется с прототипической ситуацией (17a), а описывается лексемой *estali* ‘покрыть’ (17b). Для прятания без контрагента используется глаголом *gorde* ‘держат где-л., класть куда-л.’. Любопытно, что этот же глагол задействуют и абстрактные объекты (17c).

(17) БАСКСКИЙ

a. *Diru-a* *ohe* *azpi-an* **ezkuta-tu** *zuen*.
 деньги-DEF кровать под-INE прятать-PFV AUX

‘[Он(а)] спрятал(а) деньги под кроватью’.

b. *Amatxi-k* *tapiz* *bat-ez* **estali** *zuen* *lauza* *hauts-i-a*.
 бабушка-ERG ковер один-INS покрыть-PFV AUX плитка.ABS сломать-PFV-DEF

‘Бабушка скрыла сломанную плитку при помощи ковра’.

c. *Ana-k* *bere-tzat* **gorde-tzen** *ditu* *gaitz* *guzti-ak*.
 Анна-ERG 3SG.GEN-BEN хранить-IPFV AUX беда все-PL

‘Все беды Анна держит в себе’.

Итак, мы рассмотрели системы лексикализации зоны прятания, опираясь на сферу покрытия центрального глагола. Мы видели, что спектр его значений может быть очень широким и охватывать все или почти все ситуации, которые в каком-либо из языков коллектифицируются с ядерным фреймом — как в доминантных или квазидоминантных системах. Основной глагол поля может характеризоваться и более узкой семантикой и ограничиваться ситуациями с прототипическим объектом, способом или целью действия, т. е. применяться только к конкретным сущностям, только к прятанию посредством перемещения объекта в специальное место или только к действиям, подразумевающим защиту объекта от контрагента. Еще более ограниченную сферу применимости имеют глаголы, ориентированные на прототип сразу по двум или даже всем трем параметрам ситуации.

В центре нашего внимания до сих пор находились ядерные глаголы, остальные единицы поля мы упоминали лишь чтобы проиллюстрировать те значения, на которые в том или ином языке не распространяется основная лексема. В следующем разделе мы обратимся, напротив, к периферийной части поля прятания.

4. Периферия и смежные зоны

Как мы уже видели, ситуации, которые не попадают в сферу покрытия основного глагола, описываются другими лексическими единицами. В таком разделении семантического пространства между несколькими формами выражения нет ничего удивительного — мы наблюдаем эффекты такого рода в самых разных фрагментах лексических систем. Так, зона перемещения веществ распределена в русском между глаголами *литься*, *течь*, *сочиться*, *канать* и *сыпаться*, зона чистоты в английском — между прилагательными *clean* ‘чистый, без грязи’ и *pure* ‘чистый, без примесей’, зона ‘содержащий влагу’ в немецком — между *nass* ‘мокрый’ и *feucht* ‘влажный’ и т. д. Однако во всех этих примерах единицы, покрывающие семантическое поле, к этому полю и относятся, т. е. их сфера покрытия не выходит за границы поля. Это касается даже и тех случаев, когда лексемы явно имеют периферийный статус, как *старинный*, *древний* или *бывший*, — фреймы, которые они покрывают, находятся внутри поля ‘старый’.

На этом фоне периферия зоны ‘прятать’ выделяется тем, что лексемы, выражающие неядерные ситуации, зачастую оказываются «заимствованиями» из других семантических полей, ср., например, глаголы со значением ‘класть’, ‘покрывать’, ‘хранить где-л.’ или ‘защищать’. Правда, и для прятания встречается «собственная» периферийная лексика, причём два случая такого рода обнаруживают типологическую регулярность.

Во-первых, это глаголы, связанные деривационными отношениями с абстрактным существительным ‘тайна’ или прилагательным ‘тайный’, ср. русск. *таить*, его префиксальные производные, а также их польские и чешские когнаты, нем. *verheimlichen* ‘утаивать’ (< *heimlich* ‘тайный’), швед. *hemlighålla* ‘держат в тайне’ (< *hemlig* ‘тайный’ + *hålla* ‘держат’), шугнанск. *pinûn ċîdow* ‘прятать, скрывать’ (< *pinûn* ‘скрытый, тайный’ + *ċîdow* ‘делать’), адыг. *wəsefə-* ‘утаивать’ (< *sefə* ‘тайна, секрет’). Закономерно, что глаголы с такой внутренней формой выбирают в качестве объекта абстрактные сущности. Исключением здесь является шугнанский глагол *pinûn ċîdow*: хотя для него тоже отмечается частотность абстрактных объектов, но допустимыми оказываются и артефакты, например, ‘деньги’, см. [Рахилина и др. 2021]. Вероятно, такая сочетаемость отражает постепенное расширение сферы покрытия данной лексемы — исходными, судя по данным других языков, здесь должны быть именно абстрактные объекты.

Во-вторых, к классу «собственных» глаголов поля прятания, по-видимому, можно отнести лексемы с семантикой ‘маскировать’. Действительно, значение этих глаголов полностью вписывается в идею прятания: цель маскировки — сделать объект незаметным / невидимым для контрагента. Только ‘маскировать’ задает конкретный способ прятания, отличный от прототипического — последний предполагает, как мы помним, перемещение объекта. Соответственно, в системах, где центральный глагол ограничен каноническим способом действия, этот частный тип ситуации может выражаться только специализированными глаголами (см. выше о глаголе *tarnen* в немецком) — если, конечно, данное значение в принципе лексикализовано в языке. В других системах глаголы с семантикой ‘маскировать’ могут выступать как альтернатива центральной лексеме ‘прятать’, ср. франц. *cachez les canons* ‘прятать пушки’ (способ действия не специфицирован) vs. *camoufler les canons* ‘маскировать пушки’ (способ прятания определен). Заметим, однако, что глаголы, выделяющие столь частный тип ситуации, интересны нам не столько сами по себе, сколько благодаря семантическим переходам, которые мы рассмотрим чуть ниже.

Итак, в периферийной зоне мы выделили два типа «собственных» глаголов прятания. И все же значительную долю лексического материала в этом поле образуют единицы, пришедшие из других семантических полей. В разделе 4.1 мы выявим основные зоны-источники для этих единиц, а в разделе 4.2 обсудим семантические механизмы, которые приводят их в поле прятания.

4.1. Семантические источники для периферийных глаголов

Отметим прежде всего, что источники для лексики изучаемого поля типологически устойчивы: разные языки «дополняют» зону прятания за счет глаголов близкой семантики. Такое межъязыковое единообразие вполне объяснимо: привлечение «внешнего» лексического материала имеет под собой ясные семантические основания. Заимствования позволяют уточнить те аспекты ситуации, которые не специфицирует общий глагол прятания. Иными словами, лексемы из других полей называют прежде всего способ осуществления действия. Поскольку способы прятания в целом, по-видимому, универсальны для разных культур — по крайней мере тех, чьи языки вошли в нашу выборку, — то и набор заимствуемых глаголов в типологической перспективе достаточно однороден.

Один из частных способов действия — маскировку — мы уже обсуждали выше. Глаголы с такой семантикой мы отнесли к «внутренним» лексемам поля. Остальные способы прятания выходят за границы исследуемой зоны. Среди них выделяются те, которые соответствуют динамическому прятанию, т. е. действию, в результате которого объект становится невидимым, и корреляты стативного прятания — самого результата, т. е. нахождения объекта в некотором месте.

Обсуждая прототипическую ситуацию прятания, мы противопоставляли два основных способа ее осуществления: можно, переместив объект, куда-то его положить или, не перемещая, накрыть чем-либо. Именно эти значения — ‘поместить куда-л.’ и ‘накрыть’ — и выражаются глаголами, приходящими в зону динамического прятания.

Так, в большинстве языков нашей выборки в рассматриваемом поле представлены глаголы с семантикой ‘накрыть / покрыть’, ср. англ. *cover*, нем. *verdecken*, исп. *cubrir*, литов. *déngti*, осет. *æмбæрзын*, хинди *dhaknā*, баскск. *estali* и др. Статус этих глаголов в системе может быть различен: в некоторых случаях они представляют собой единственный способ лексикализации, доступный для того или иного фрейма, в других — выступают в качестве альтернативы для центрального глагола. Чаще всего в наших данных глаголы накрывания встречаются в контекстах, связанных с частями тела, которые субъект защищает от внешнего воздействия (ср. ‘спрятать глаза от солнца / уши от холода’). Эти ситуации отклоняются от прототипического прятания как способом действия (части тела не перемещают в тайное место), так и целью (здесь не имеется в виду, что объект кто-то не должен увидеть). Соответственно, использование «внешних» глаголов для описания таких ситуаций вполне ожидаемо, и «донором» для этого фрейма регулярно выступают как раз глаголы со значением ‘накрыть’, которые лексикализуют конкретный способ осуществления действия. Примеры, подобные (18)–(19), встречаются во многих языках нашей выборки.

(18) Английский

I'm beginning to realize how important it is to cover my eyes from the sun.

‘Я начинаю понимать, как важно прятать глаза от солнца’. [enTenTen20]

(19) Казахский

Бүгін кун өте суық. Ол бет-і-н шарф-ы-мен
сегодня день очень холодный он лицо-3.POSS-ACC шарф-3.POSS-COM

бүрке-п ал-ып-ты.
накрыть-CVB взять-PSTEVID-3

‘Сегодня очень холодно. Он закрыл лицо шарфом’.

Если в случае ‘накрыть’ способ действия отличается от того, что мы считаем прототипом, то второй способ прятания — ‘поместить куда-л.’ — как раз соответствует ядерной ситуации, так что, казалось бы, глаголы с семантикой ‘поместить’ не должны использоваться в контекстах, относящихся к нашему полю. Тем не менее, поскольку мы понимаем

прятание довольно широко — а именно, распространяем его на все ситуации, которые может описывать центральный глагол поля в каком-либо языке, то получается, что прятание с перемещением объекта тоже не всегда укладывается в прототип. Как легко догадаться по нашему предшествующему изложению, речь идет о контекстах, в которых объект кладут в определенное место не для того, чтобы его кто-то не увидел, а ради иной цели — чтобы его сохранить.

Ситуации с неканонической целью и обуславливают появление глаголов со значением ‘поместить’ в зоне прятания. Среди этих лексем выделяются, во-первых, общие глаголы ‘класть’, ср. итал. *mettere*, армянск. *dnel*, хинди *rakhnā*, турецк. *koymak* и др., см. (20). Во-вторых, для сохранности объекты можно спрятать в специально отведенное для них хранилище, т. е. ‘убрать на место’ — глаголы такой семантики также встречаются в контекстах, где типологически допустимы глаголы прятания, ср. франц. *ranger*, итал. *riporre* (21).

(20) Хинди

<i>mālik</i>	<i>ām₁ taur₂ par₃</i>	<i>kāgaz</i>	<i>mez</i>	<i>k-i</i>
начальник(М).SG	обычно _{1,2,3}	бумага(М).PL	стол(Ф).SG	GEN-F
<i>darāz</i>	<i>mē</i>	<i>rakh-t-ā</i>	<i>h-ε</i> .	
ящик(Ф).SG	LOC	класть-IPFP-М.SG	быть-PRS.3SG	

‘Начальник обычно прячет бумаги в ящик стола’.

(21) Французский

*Il est temps de **ranger** les vêtements d'été et de ressortir les vêtements chauds.*

‘Пора спрятать летнюю одежду и достать теплую одежду’. [frTenTen17]

Особый класс глаголов зоны ‘поместить’ образуют единицы, которые лексикализуют место или среду, в которую помещается объект. По сравнению с лексемами более общей семантики типа ‘класть’ или ‘убирать’ эти глаголы теснее связаны с прототипическим прятанием. Действительно, глагол ‘класть куда-л.’ необязательно подразумевает, что объект в результате действия перестает быть видимым. Между тем помещение объекта, например, в землю — а именно этот тип среды чаще всего засвидетельствован среди глаголов, лексикализующих место прятания, — заведомо означает, что объект больше не виден, так что закапывание (как и накрывание) естественно интерпретировать как прятание. Глаголы, связанные с помещением в землю, могут в исходном употреблении предполагать произвольный объект (ср. франц. *enfouir* ‘зарывать’) или же описывать более специфическую ситуацию захоронения человека (англ. *bury*, исп. *enterrar*, швед. *begrava*, корейск. *(pha-)mwut-ta*)⁷. В зону прятания эти глаголы предсказуемо попадают за счет контекстов, где в качестве тайника выступает земля — там прячут, например, сокровища. Кроме того, речь может идти о страусах, которые прячут голову в песок.

(22) Английский

*Believe it or not, owners have in the past **buried** their treasure in their backyard!*

‘Хотите верьте, хотите нет, но раньше владельцы закапывали свои сокровища на заднем дворе’. [enTenTen20]

(23) Испанский

*El avestruz **entierra** la cabeza en la arena para no ver lo que se le viene encima.*

‘Страус прячет голову в песок, чтобы не видеть того, что к нему приближается’. [esTenTen18]

⁷ См. другие примеры, отражающие связь значений ‘прятать’ и ‘хоронить’, в Каталоге семантических переходов (<https://datsemshift.ru/shift1326>); в работе [Толстая 2009] эта связь обсуждается на славянском материале, ср., в частности, использование русского *схоронить* в значении ‘спрятать’: *Прятал он её [зачточку] в доме, каждый раз на новом месте, и однажды запоматовал, где схоронил. — весь дом обыскал, пока нашёл* [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000].

Единичными примерами в нашей выборке представлены глаголы, внутренняя форма которых указывает на другие места, куда помещают объект, ср. итал. *imboscare* (< *bosco* ‘лес’, см. [De Mauro]), шугнанск. *yarq c̄idow* букв. ‘погрузить в жидкость / грязь’ (< *yarq* ‘потонувший, погруженный в жидкость, грязь’). Правда, ни итальянский, ни шугнанский глагол синхронно не используются в значении ‘помещать’ и не предполагают того места, которое закодировано во внутренней форме. Итальянская лексема описывает отрицательно оцениваемое действие — речь может идти о прятании чего-то нелегального, ср. оружие в (24), — а шугнанский глагол соответствует идее «интенсивного» прятания — ‘запрятать так, что никто не может найти’ [Рахилина и др. 2021].

(24) Итальянский

*⟨...⟩ è il luogo in cui il protagonista si nasconde e dove **imbosca** l'arma rubata durante il racconto.*

‘... это место, в котором спрячется главный герой и где он прячет оружие, украденное по ходу повествования’. [itTenTen20]

С идеей помещения объекта в некоторую среду связан и адыгейский глагол *хеқ^веҷ’е*. Его исходное значение предполагает неагентивный процесс — ‘слиться, смешаться, раствориться’ (например, о сахаре в чае). В каузативной форме глагол указывает на прятание объекта среди других, ему подобных (ср. ‘спрятать карту в колоде’), подробнее см. [Багирова, Рыжова 2022].

Мы обсудили семантические зоны, из которых заимствуются глаголы для динамического прятания, — здесь мы видели лексемы с семантикой ‘накрыть’ и обозначения разных видов помещения объекта куда-либо — ‘класть’, ‘убирать’ и ‘помещать в какую-либо среду’ (прежде всего ‘закапывать’)⁸. В случае стативного прятания донорами для нашего поля служат глаголы с семантикой ‘хранить / держать в каком-л. месте’, ср. исп. *guardar* ‘хранить’, норв. *oppbevare*, армянск. *pahel* ‘держат’. Эти глаголы конкурируют с собственно прятанием прежде всего в контекстах, не предполагающих контрагента. Для языков, в которых центральный глагол ограничен прототипической целью — ‘прятать от кого-л.’, лексемы ‘хранить / держать’ оказываются основным способом лексикализации ситуаций типа ‘прятать бумаги в письменном столе (чтобы не потерялись)’ или ‘прятать лицо в шарфе (чтобы не мерзнуть)’. Заметим, что и в русском в некоторых подобных контекстах уместнее оказывается *хранить* (как мы отмечали, стативное *прятать*, в отличие от динамического *спрятать*, всегда подразумевает угрозу объекту со стороны контрагента).

Итак, мы рассмотрели глаголы, не относящиеся к полю прятания, которые, однако, могут применяться к ситуациям этого поля. Более того, в некоторых случаях «внешний» глагол — это единственный способ описать тот или иной фрейм прятания, т. е. ситуация, которая в одном языке может трактоваться как прятание, в другом — остается за границами поля. Типологическая перспектива, как мы видели, дает множество иллюстраций такой подвижности межполевых границ.

Но замечательно еще и то, что границы полей подвижны не только в типологической перспективе, но и в диахронии. Действительно, один из главных процессов, которые мы наблюдаем в отношении лексики, заимствованной из других полей, — это ее семантическая эволюция, которая приводит к экспансии «чужого» глагола в зону прятания. Рассмотрим подробнее механизмы этой эволюции.

⁸ Отметим, что некоторые из этих значений фиксируются среди концептов, которые могут коллективизироваться с ‘прятать’, в типологической базе данных [CLICS] (в частности, ‘накрывать’ и ‘закапывать’). Однако смежность прятания с семантикой помещения куда-либо (‘класть’, ‘убирать’) в [CLICS] не отражена.

4.2. Семантическая эволюция периферийных глаголов

К наиболее общим тенденциям относится метафоризация глаголов, описывающих конкретные физические ситуации, в результате которой в сферу покрытия лексемы попадают ситуации с абстрактными объектами. Такое развитие характерно, например, для глаголов с семантикой ‘накрыть’. В частности, в немецком глагол *verdecken* наряду с контекстами типа *Haare verdecken* ‘покрыть / спрятать волосы’ или *Narben verdecken* ‘скрыть / спрятать швы’ описывает абстрактные ситуации — *seine Absichten verdecken* ‘скрывать свои намерения’. Аналогичное совмещение характерно для испанского *cubrir*: *cubrir los ojos de la luz solar* ‘спрятать глаза от солнечного света’ и *cubrió su alegría* ‘он скрыл радость’. Ср. здесь также русский глагол *покрывать* в абстрактных контекстах *покрывать преступление*, а также *скрыть*, который в результате семантической эволюции стал основной лексемой для абстрактного прятания.

Метафорическое значение может развиваться и у глаголов с такой узкой семантикой, как ‘маскировать’, ср. франц. *camoufler les canons* ‘замаскировать пушки’ и *camoufler les revenus* букв. ‘замаскировать доходы’. Среди лексем зоны ‘помещать куда-л.’ метафоризации подвергаются прежде всего глаголы, специфицирующие среду, в которой оказывается объект. Механизм их семантического сдвига связан с утратой идеи конкретной среды и развитием собственно семантики прятания: это значение возникает, видимо, из представления о труднодоступности места, закодированного во внутренней форме, см. выше об итальянском *imboscare* и шуганском *yarq č̣idow*, ср. также следующие употребления испанского *enterrar* ‘хоронить’, где место прятания — заведомо не земля:

(25) Испанский

a. *Enterró el dinero en la caja fuerte.*
‘Он спрятал деньги в сейф’.

b. *La ardilla enterró su cola.*
‘Белка спрятала хвост’.

Рассмотренные переходы представляют две разные модели: одна связана с переосмыслением объекта (глаголы ‘накрыть’, ‘замаскировать’), другая — с переосмыслением среды, в которую помещается объект (‘хоронить’), однако обе они полностью согласуются с существующими теоретическими представлениями о механизмах метафорических сдвигов. В частности, их удобно анализировать в рамках того подхода к семантическим переносам, который развивается в работах Е. В. Падучевой и Г. И. Кустовой [Падучева 2004; Кустова 2004а]. Согласно этому подходу, метафора возникает в результате смены таксономического класса одного или нескольких участников ситуации — именно этот процесс мы наблюдаем в наших примерах. Действительно, место конкретных объектов при ‘накрыть’ или ‘замаскировать’ занимают абстрактные (эмоции, намерения, доходы), а определенная среда (как ‘земля’ в случае ‘хоронить’) замещается идеей труднодоступного хранилища. Эти замены участников и приводят к семантическому сдвигу в глаголе.

Однако переход в зону прятания возможен не только в результате метафоризации. В случае глаголов с общей семантикой ‘помещать куда-л.’ (ср. ‘класть’, ‘убирать’ — речь идет о лексемах, которые, в отличие от ‘хоронить’ и под., не специфицируют конечную точку), а также в случае лексем, соответствующих стативному прятанию (‘хранить, держать где-л.’), развитие значения ‘прятать’ необязательно сопровождается меной типа участника и метафорическим переосмыслением ситуации. По сути ситуация вообще не меняется: одно и то же действие может быть описано и предикатом ‘класть’ (‘убирать’), и предикатом ‘прятать’ (в стативных контекстах, соответственно, ‘хранить’ и ‘прятать’), просто ‘прятать’ еще и приписывает этому действию определенную цель — а именно, чтобы объект не был найден контрагентом. Соответственно, если эта цель выражена в контексте

другими средствами, то глаголы типа ‘класть’ / ‘убирать’ или ‘хранить’ отсылают к ситуации прятания, ср.:

(26) Русский

*Зато ноут можно **убрать** от ребенка на верхнюю полку или вообще в ящик под ключ.* [ruTenTen11]

(27) Французский

*Je **mets** tout sous mon lit pour que mes parents ne le voient pas.*

‘Я кладу все под кровать, чтобы родители этого не увидели’. [frTenTen17]

По-видимому, подобные употребления и лежат в основе семантического сдвига, который переводит глаголы помещения или хранения в зону прятания. Контексты в (26)–(27) эксплицируют идею, потенциально заложенную в исходной семантике обсуждаемых лексем. Действительно, если объект кладут, например, в закрытый контейнер, убирают куда-либо или где-то хранят, то цель субъекта иногда состоит как раз в том, чтобы сделать объект недоступным для других (см. об особых свойствах участника с ролью ‘место’ для русского *хранить* в [Кустова 2004б]). Эта исходная импликатура может конвенционализироваться — и тогда у глагола появляется новое значение — ‘прятать’.

На формальном уровне такому переходу должна соответствовать мена синтаксической модели — прежде всего, появление в ней участника с ролью контрагента. Изменение конструкции как будто бы дает ключ к пониманию теоретического статуса рассматриваемых сдвигов. Если ситуация в целом не претерпевает изменений, а в ней лишь профилируется некоторый аспект, и это выделение маркируется синтаксическими средствами, то перед нами вроде бы классический пример метонимии (ср. [Падучева 2004]). Вместе с тем наши переходы существенно отличаются от канона. В работах когнитивного направления метонимия трактуется как семантический сдвиг, не выходящий за пределы семантического поля, — этим она отличается от метафоры, которая предполагает переход между полями (см., например, [Lakoff, Johnson 1980; Lakoff 1987]). В нашем случае, однако, сдвиг связывает значения, относящиеся явно к разным полям, тем самым переход от ‘класть’ или ‘хранить’ к ‘прятать’ не вполне укладывается в стандартное определение метонимии.

Для глаголов с семантикой ‘хранить’ необычность обсуждаемого сдвига проявляется еще в одном отношении. В классификациях метонимических переходов отдельную категорию образуют случаи, в которых значение переносится с ситуации на ее отдельную фазу (такие переходы можно рассматривать как одну из реализаций классической модели «целое → часть»). Наиболее изученным сдвигом этого типа является замещение действия его результатом, ср. понятие метонимии конечной точки в [Brugman 1988; Brugman, Lakoff 1988] или результивной метонимии в [Падучева 2004; Кустова 2004а], как в *сторож наполняет бассейн водой* (действие) → *вода наполняет бассейн до краев* [Кустова, Падучева 1994: 104]. Подобные переходы предполагают стативизацию глагола — явление, известное по самым разным типам изменений в лексике и грамматике.

Между тем обратный переход — при котором стативный предикат становится динамическим — встречается, по-видимому, существенно реже, и материал для системного анализа подобных случаев еще только предстоит собрать. Вернемся в этой связи к глаголам со значением ‘хранить’ / ‘держат’. Их необычность состоит как раз в способности к динамизации. Действительно, развивая семантику прятания, эти глаголы могут не только «фиксировать» цель действия (‘хранить, чтобы кто-то не нашел’), но и распространяться на динамические контексты. Так, в (28а) испанский *guardar* выражает стативную семантику ‘хранить’, а в (28б) — динамическую ‘прятать’. На морфологическом уровне это различие коррелирует с выбором темпорально-аспектуальной формы: стативная ситуация оформляется имперфектом (*guardaba*), динамическая — аористом (*guardó*). В (29) полисемия стативного и динамического значений представлена на материале армянского.

(28) ИСПАНСКИЙ

- a. *Urania tiene grabada aquella foto, del álbum que su padre guardaba en una alacena de la sala <...>*
 ‘Урании навсегда запомнилась фотография из альбома, который отец хранил в шкафу в гостиной’. [Mario Vargas Llosa. *La Fiesta del Chivo* (2000) | Марио Варгас Льоса. Нечестивец, или Праздник Козла (Людмила Синянская, 2004)]
- b. *Al cabo de seis meses guardó en el fondo de un armario la plata reunida <...>*
 ‘Через полгода в глубине шкафа он спрятал слиток серебра’. [Gabriel García Márquez. *Vivir para contarla* (2002) | Габриэль Гарсиа Маркес. Жить, чтобы рассказывать о жизни (С. Марков, Е. Маркова, А. Малоземова, В. Федотова, 2012)]

(29) АРМЯНСКИЙ

- a. *Es č'-em sir-um tanə kendani pah-em,*
 я NEG-AUX:PRS:1SG любить-IPFV дома животное держать-SBJV:1SG
bac'i jk-ner-ic'
 кроме рыба-PL-AVL
 ‘Я не люблю держать дома животных, за исключением рыб’. [EANC]
- b. *Erb or mayrik-ə mt-av senyak, na pah-ec'*
 когда COMPL мама-DEF войти-AOR:3SG комната 3SG прятать-AOR:3SG
namak-ner-ə barj-i tak
 письмо-PL-DEF подушка-GEN под
 ‘Когда в комнату вошла мама, он спрятал письма под подушку’.

Итак, за счет сдвигов различной природы поле прятания пополняется глаголами, исходно принадлежащими к другим семантическим зонам. Этот процесс, по-видимому, способствует развитию лексической вариативности в нашем поле: «внешний» глагол может постепенно расширять круг своих употреблений в зоне прятания и тем самым охватывать участки поля, которые уже покрываются другим глаголом. Такие пересечения характерны прежде всего для абстрактных объектов, поскольку для многих глаголов именно этот тип контекстов оказывается первым этапом «экспансии» в поле прятания⁹.

Так, при многих абстрактных существительных в итальянском может выступать не только основная лексема поля *nascondere*, но и глагол *celare*, ср. *nascondere / celare la verità* ‘скрывать правду’, *nascondere / celare le sue emozioni* ‘скрывать свои эмоции’. Синхронно *celare* «обслуживает» только зону прятания, но отличается от центрального глагола — *nascondere* — более узкой сферой покрытия внутри этой зоны. Примечательно, однако, что для праиндоевропейского корня **k'el-*, к которому возводят *celare*, иногда восстанавливают значение ‘покрывать’ (см. БД «Вавилонская башня»), т. е. семантику, характерную для «внешних» глаголов прятания и в нашем синхронном материале. Иными словами, можно предположить, что изначально лексема пришла в зону прятания из смежного поля, затем благодаря метафоризации круг ее употреблений в новом поле расширился, а исходная семантика утратилась. Таким образом, развитие *celare* сходно с процессами, которые мы отмечали на синхронном уровне, только здесь мы наблюдаем более поздний этап этой эволюции, когда глагол уже не выражает значения, соотносившие его с исходным полем.

По всей вероятности, семантическая эволюция «внешних» глаголов может продолжаться и дальше и приводить к превращению лексем, заимствованной из другого поля, в центральный глагол прятания¹⁰. Действительно, ряд ядерных глаголов, функционирующих

⁹ Об аналогичной роли абстрактных существительных применительно к другому классу лексики см. в [Рахилина, Ли 2009].

¹⁰ Возможно, развитием нового ядерного глагола при сохранении в языке старого можно объяснить, так сказать, предельный случай лексической вариативности, который встретился нам

в языках нашей выборки, восходит к тому или иному из «внешних» источников, упоминавшихся выше. Так, немецкий *verstecken* образован от глагола *stecken* ‘засовывать’, т. е. связан с идеей помещения куда-либо, близкий источник отмечается и для шугнанского *jo(y) čidow* букв. ‘место делать’ (= ‘помещать’) [Рахилина и др. 2021]. Шведский *gömma* восходит к древнешведскому *gōma* ‘хранить / держать’ [Söderwall 1884–1918], цыганский *garavés te* синхронно совмещает значения ‘прятать’ и ‘хоронить’, причем, по-видимому, именно ‘хоронить’ для этой лексемы первично, ср. о ее связи с **gadd* ‘копать, хоронить’ в [Turner 1962–1985].

Типологическая регулярность источников для глаголов прятания может служить дополнительным аргументом при выборе из нескольких возможных гипотез об этимологии слова. Так, в свете наших данных менее вероятной представляется реконструкция для русского *прятать* первоначального значения ‘обвивать, обертывать’ [Преображенский 1910–1914: 145–146] — такая семантика нехарактерна для единиц, заимствуемых в поле ‘прятать’. Напротив, значение ‘убирать’ (в частности, о сене, урожае) полностью вписывается в модели, представленные выше (подробнее об этимологии *прятать* см. [Куркина 2002; 2011]).

Таким образом, за пределами центрального глагола ситуации прятания выражаются преимущественно лексемами, исходно относящимися к другим семантическим зонам. Набор этих зон-источников типологически стабилен, более того, глаголы каждой «внешней» зоны попадают в поле прятания по своему «маршруту», т. е. через определенный тип периферийных ситуаций. В процессе семантической эволюции эти глаголы расширяют сферу своего покрытия — часто за счет контекстов с абстрактными объектами. Логическим завершением этой эволюции может стать превращение периферийного глагола в ядерную лексему поля.

5. Заключение

Итак, мы рассмотрели семантическую зону прятания в лексико-типологической перспективе. Прототипом для этого поля мы считали ситуацию, при которой субъект переносит объект в тайное место для того, чтобы его не увидел контрагент. Глаголы, которые употребляются в этом значении, мы считали ядерными для зоны прятания. Различия между языками во многом сводятся к тому, какие отклонения от прототипа допускает центральная лексема поля. В нашей выборке встретились, с одной стороны, глаголы с максимально широким покрытием, охватывающие все ситуации, которые в принципе могут колексифицироваться с прототипическим прятанием. С другой стороны, мы видели системы, в которых центральный глагол ограничен ядерной ситуацией, а все остальные виды прятания обозначаются другими глаголами. Между этими полюсами располагается множество систем, где ядерные глаголы могут отклоняться от прототипа, но лишь по определенным параметрам.

Специфика поля прятания состоит в способах лексикализации тех его фрагментов, на которые центральный глагол в данном языке не распространяется. Эти фрагменты обслуживаются зачастую не лексическими средствами, относящимися к самому полю, а словами, приходящими из других семантических полей. Заимствование «внешней» лексики обусловлено, в свою очередь, особенностями самой идеи прятания. В общем случае она не предполагает конкретного действия, а задает лишь его цель, прототипически — чтобы

в корейском. Здесь в поле прятания функционирует сразу два основных глагола — *kam-chwu-ta* и *swum-ki-ta*, при этом ни опрос информантов, ни анализ корпусных данных не выявил каких-либо семантических различий между ними. Ср. также наблюдение о тождестве значений двух глаголов в [Choi et al. 2019].

контрагент не обнаружил объект. Соответственно, одна и та же ситуация может быть описана по-разному — с точки зрения цели действия (и тогда используются «внутренние» глаголы прятания) или способа его осуществления (здесь и появляются лексемы из других семантических зон, ср. ‘накрыть’, ‘положить’, ‘закопать’ и т. д.). Все эти глаголы со значением конкретных действий не принадлежат полю прятания, поскольку цель, ради которой объект куда-то кладут или чем-то накрывают, совсем необязательно связана с утаиванием объекта от кого-либо.

Таким образом, в тех контекстах, где одни языки используют центральные глаголы прятания, другие — в силу семантической ограниченности своего центрального глагола — могут задействовать только лексемы из смежных полей. Подобные случаи наглядно подтверждают тезис, который мы обсуждали в начале статьи, — о проницаемости границ семантических полей и возможности их наложения друг на друга, а эти явления не укладываются в традиционное представление о семантических полях.

Но не только понятие семантического поля нуждается в модификации в свете рассмотренных данных. Развитие значения ‘прятать’ у глаголов помещения куда-либо, хранения и др. отчасти противоречит стандартному определению метонимии, принятому в теоретических работах последних десятилетий. Действительно, метонимия, основанная, как известно, на смежности, трактуется в этих исследованиях как сдвиг, при котором производное значение относится к тому же семантическому полю, что и исходное, см., например, [Lakoff, Johnson 1980; Radden, Kövecses 1999]. Наш материал расходится с такой формулировкой.

С одной стороны, переход от ‘хранить’ или ‘класть’ к ‘прятать’, безусловно, основан на смежности — эти действия представляют собой части одного и того же события. С другой стороны, едва ли можно считать, что ситуации ‘хранить’, ‘класть’, ‘накрыть’ образуют одно общее поле с ситуациями прятания — разве что постулировать поле с чрезвычайно широкой сферой покрытия, которое включало бы самые разные физические действия с объектом. Однако обычно поля в семантических описаниях предполагают менее обобщенные категории, ср., например, фреймы в системе [FrameNet], которые соответствуют нашим полям: ‘storing’ (хранение), ‘placing’ (помещение куда-либо), ‘hiding objects’ (прятание объектов). Кроме того, если мы имеем дело с единым семантическим полем действий, производимых над объектом, то и переход от ‘закопать’ к ‘прятать’ тоже следует считать внутривидовым, т. е. метонимическим. Между тем механизм этого сдвига явно включает в себя метафору (помещение в труднодоступное место сопоставляется с закапыванием в землю).

Метонимия с переходом через границы семантических полей отмечалась и на другом лексическом материале (см. [Печникова, Резникова 2021; Rakhilina et al. 2022]). Все эти данные говорят о том, что явление метонимии все еще нуждается в подробном теоретическом осмыслении.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1,2,3 — 1, 2, 3 лицо

ABL — аблатив

ABS — абсолютив

ACC — аккузатив

AOR — аорист

AUX — вспомогательный глагол

VEN — бенефактив

CAUS — каузатив

CLF — классификатор

COM — комитатив

COMPL — комплементаризер

CONJ — союз

CONS — следствие

CVB — конверб

DAT — датив

DECL — изъявительное наклонение

DEF — определенный артикль

DEM — указательное местоимение

DIR — прямая основа

ERG — эргатив

F — женский род

FUT — будущее время

GEN — генитив
 INDF — неопределенный артикль
 INE — инессив
 INF — инфинитив
 INS — инструменталис
 IPF — имперфект
 IPFP — имперфективное причастие
 IPFV — имперфектив
 LOC — локатив
 M — мужской род
 NEG — отрицание
 NOM — номинатив
 OPT — оптатив
 PFV — перфектив

PL — множественное число
 POSS — посевивность
 PRS — настоящее время
 PST — прошедшее время
 PSTEVID — неочевидное давнопрошедшее время
 PTCP — причастие
 PVB — преверб
 REFL — рефлексив
 REL — релятивизатор
 SBJV — конъюнктив
 SG — единственное число
 TOP — топик
 TR — переходность

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- КЦЯ — *Корпус цыганского языка*. <http://web-corpora.net/RomaniCorpus/search/>.
- MAC — *Словарь русского языка: В 4 тт.* Евгеньева А. П. (ред.). 4-е изд. М.: Русский язык, 1999.
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. <https://ruscorpora.ru>.
- Преображенский 1910–1914 — Преображенский А. *Этимологический словарь русского языка*. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914. <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=preobrazhenskij>.
- СЛРЯ XI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1–. М.: Наука; Азбуковник, 1975–.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Л.: Наука, 1968.
- CLICS — *Database of Cross-Linguistic Colexifications*. <https://clics.cldd.org>.
- De Mauro — *Il Nuovo De Mauro. Grande dizionario italiano dell'uso*. <https://dizionario.internazionale.it>.
- deTenTen18 — Web-корпус немецкого языка на платформе Sketch Engine. <https://www.sketchengine.eu/detenten-german-corpora>.
- DWDS-Kernkorpus 21 — *Das DWDS-Kernkorpus des 21. Jahrhunderts*. <https://www.dwds.de/d/korpora/korpus21>.
- EANC — East Armenian National Corpus. <http://www.eanc.net>.
- enTenTen20 — Web-корпус английского языка на платформе Sketch Engine. <https://www.sketchengine.eu/ententen-english-corpora>.
- esTenTen18 — Web-корпус испанского языка на платформе Sketch Engine. <https://www.sketchengine.eu/estenten-spanish-corpora>.
- FrameNet — FrameNet lexical database. <http://framenet.icsi.berkeley.edu>.
- frTenTen17 — Web-корпус французского языка на платформе Sketch Engine. <https://www.sketchengine.eu/frtnten-french-corpora>.
- itTenTen20 — Web-корпус итальянского языка на платформе Sketch Engine. <https://www.sketchengine.eu/ittenten-italian-corpora>.
- noTenTen17 — Web-корпус норвежского языка на платформе Sketch Engine. <https://www.sketchengine.eu/notenten-norwegian-corpora>.
- ruTenTen11 — Web-корпус русского языка на платформе Sketch Engine. <https://www.sketchengine.eu/rutenten-russian-corpora>.
- Söderwall 1884–1918 — Söderwall K. F. *Ordbok öfver svenska medeltids-språket*. <http://runeberg.org/svmtsprk>.
- svTenTen14 — Web-корпус шведского языка на платформе Sketch Engine. <https://www.sketchengine.eu/svtenten-swedish-corpora>.
- Turner 1962-1985 — Turner R. L. *A comparative dictionary of Indo-Aryan languages*. London, 1962–1966. Additional volumes: 1969–1985. <http://dsal.uchicago.edu/dictionaries/soas/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аксенова и др., в печати — Аксенова А. А., Волошина Е. Ю., Такташева Е. В., Трепаленко А. В. Семантическое поле 'прятать' в шведском и норвежском языках. *Известия РАН. Серия литературы*

- и языка, в печати. [Aksenova A. A., Voloshina E. Yu., Taktasheva E. V., Trepalenko A. V. The sematic field of hiding in Swedish and Norwegian. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, in print.]
- В. Апресян 2010 — Апресян В. Ю. Речевые стратегии выражения эмоций в русском языке. *Русский язык в научном освещении*, 2010, 2: 26–57. [Apresjan V. Yu. Strategies of expressing emotions in Russian. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2010, 2: 26–57.]
- Ю. Апресян 1986 — Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. *Семiotика и информатика*, 1986, 28: 5–33. [Apresjan Yu. D. Deixis in lexicon and grammar and the naïve model of the world. *Semiotika i informatika*, 1986, 28: 5–33.]
- Багирова, Рыжова 2022 — Багирова И. Г., Рыжова Д. А. Глаголы прятания и особенности их оформления локативными аффиксами в адыгейском языке. *Вопросы языкознания*, 2022, 4: 95–114 [Bagirova I. G., Ryzhova D. A. Verbs of hiding and their combinability with locative affixes in Adygh. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 4: 95–114.]
- Анна Зализняк 2013 — Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии. *Вопросы языкознания*, 2013, 2: 32–51. [Zaliznyak Anna A. Semantic change as an object of a typological investigation. *Voprosy Jazykoznanija*, 2013, 2: 32–51.]
- Кашкин 2013 — Кашкин Е. В. *Языковая категоризация фактуры поверхностей (типологическое исследование наименований качественных признаков в уральских языках)*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2013. [Kashkin E. V. *Yazykovaya kategorizatsiya faktury poverkhnosti (tipologicheskoe issledovanie naimenovanii kachestvennykh priznakov v ural'skikh yazykakh)* [Linguistic categorization of surface texture: A typological study of qualitative feature designations in Uralic]. Candidate diss., Moscow State Univ., 2013.]
- Куркина 2002 — Куркина Л. В. К этимологии слав. *prętati. *Балто-славянские исследования*. Вып. XV. Иванов В. В. (отв. ред.). М.: Индрик, 2002, 194–203. [Kurkina L. V. On the etymology of Slavic *prętati. *Balto-slavyanskie issledovaniya*. No. 15. Ivanov V. V. (ed.). Moscow: Indrik, 2002, 194–203.]
- Куркина 2011 — Куркина Л. В. *Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка*. М.: Азбуковник, 2011. [Kurkina L. V. *Kul'tura podsechno-ognevogo zemledeliya v zerkale yazyka* [Slash-and-burn agriculture in the mirror of language]. Moscow: Azbukovnik, 2011.]
- Кустова 2004а — Кустова Г. И. *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Kustova G. I. *Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmu yazykovogo rasshireniya* [Types of derivative meanings and mechanisms of linguistic extension]. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2004.]
- Кустова 2004б — Кустова Г. И. Семантическая парадигма глаголов отношения (хранить). *Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы*, 2004, 11: 23–29. [Kustova G. I. Semantic paradigm of relational verbs ('to keep'). *Nauchno-tehnicheskaya informatiya. Seriya 2: Informatsionnye protsessy i sistemy*, 2004, 11: 23–29.]
- Кустова, Падучева 1994 — Кустова Г. И., Падучева Е. В. Словарь как лексическая база данных. *Вопросы языкознания*, 1994, 4: 96–106. [Kustova G. I., Paducheva E. V. Dictionary as a lexical database. *Voprosy Jazykoznanija*, 1994, 4: 96–106.]
- Кюсева и др. 2013 — Кюсева М. В., Рыжова Д. А., Холкина Л. С. Лексическая типология: к проблеме определения границ семантического поля (на примере признаков 'толстый' и 'тонкий'). *Tipología léxica*. Guzmán Tirado R., Votyakova I. A. (eds.). Granada: Jizo Ediciones, 2013, 255–262. [Kyuseva M. V., Ryzhova D. A., Kholkina L. S. Lexical typology: Towards establishing the borders of a semantic field (the case of 'thick' and 'thin'). *Tipología léxica*. Guzmán Tirado R., Votyakova I. A. (eds.). Granada: Jizo Ediciones, 2013, 255–262.]
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2004.]
- Печникова, Резникова 2021 — Печникова В. М., Резникова Т. И. Чистая типология: о лексикализации семантики чистоты в славянских языках. [Pechnikova V. M., Reznikova T. I. *Pure typology: On lexicalization of semantics of pureness in Slavic.* *Slavistična revija*, 2021, 69(1): 103–120.]
- Рахилина и др. 2021 — Рахилина Е. В., Некушоева Ш. С., Арманд Е. Е. К истории понятий: лингвистический ракурс. Шутганское ПРЯТАТЬ. *Известия РАН. Серия литературы и языка*, 2021, 80(6): 69–78. [Rakhilina E. V., Nekushoeva Sh. S., Armand E. E. On the history of notions: A linguistic perspective. Shughni 'hide'. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2021, 80(6): 69–78.]
- Рахилина, Ли 2009 — Рахилина Е. В., Ли Су-Хён. Семантика лексической множественности в русском языке. *Вопросы языкознания*, 2009, 4: 13–40. [Rakhilina E. V., Lee Su Hyoun. Semantics of lexical plurality in Russian. *Voprosy Jazykoznanija*, 2009, 4: 13–40.]

- Рахилина, Некушоева 2020 — Рахилина Е. В., Некушоева Ш. С. Система глаголов движения вниз в шугнанском языке. [Rakhilina E. V., Nekushoeva Sh. S. System of verbs of moving downwards in Shugnî.] *Acta linguistica Petropolitana*, 2020, 1: 579–609.
- Рахилина, Плу́нгян 2020 — Рахилина Е. В., Плу́нгян В. А. О глаголе *таиться*, его синонимах и производных. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2020, 3: 265–276. [Rakhilina E. V., Plungian V. A. The verb *taít'sja* 'to lurk', its synonyms and derivatives. *Proc. of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2020, 3: 265–276.]
- Рахилина, Прокофьева 2004 — Рахилина Е. В., Прокофьева И. А. Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения. *Вопросы языкознания*, 2004, 1: 60–78. [Rakhilina E. V., Prokof'eva I. A. Lexical typology of cognate languages: Russian and Polish verbs of rotation. *Voprosy Jazykoznanija*, 2004, 1: 60–78.]
- Рахилина, Прокофьева 2005 — Рахилина Е. В., Прокофьева И. А. Русские и польские глаголы колебательного движения: семантика и типология. *Язык. Личность. Текст. Сб. к 70-летию Т. М. Николаевой*. Топоров В. Н. (ред.). М.: Языки славянских культур, 2005, 304–312. [Rakhilina E. V., Prokof'eva I. A. Russian and Polish oscillation verbs: Semantics and typology. *Yazyk. Lichnost'. Tekst. Sbornik k 70-letiyu T. M. Nikolaevoi*. Toporov V. N. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2005, 304–312.]
- Рахилина, Резникова 2013 — Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии. *Вопросы языкознания*, 2013, 2: 3–31. [Rakhilina E. V., Reznikova T. I. Frame-based approach to lexical typology. *Voprosy Jazykoznanija*, 2013, 2: 3–31.]
- Резникова, Рыжова 2020 — Резникова Т. И., Рыжова Д. А. Несемiotические позы: типологический аспект. *Вопросы языкознания: Мегасборник наностатей. Сб. ст. к юбилею В. А. Плу́нгяна*. М.: Буки Веди, 2020, 309–317. [Reznikova T. I., Ryzhova D. A. Non-semiotic postures: A typological aspect. *Voprosy jazykoznanija: Megashornik nanostatei. Sbornik statei k yubileyu V. A. Plungiana*. Moscow: Buki Vedi, 2020, 309–317.]
- Рыжова 2020 — Рыжова Д. А. *Типология лексики. Компьютерные методы и инструменты*. СПб.: Алетей, 2020. [Ryzhova D. A. *Tipologiya leksiki. Komp'yuternye metody i instrumenty* [Lexical typology. Computer methods and instruments]. St. Petersburg: Aleteiya, 2020.]
- Рыжова и др. (ред.) 2018 — Рыжова Д. А., Добрушина Н. Р., Бонч-Осмоловская А. А., Выренкова А. С., Кюсева М. В., Орехов Б. В., Резникова Т. И. (ред.). *ЕВРика! Сб. статей о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной*. М.: Лабиринт, 2018. [Ryzhova D. A., Dobrushina N. R., Bonch-Osmolovskaya A. A., Vyrenkova A. S., Kyuseva M. V., Orekhov B. V., Reznikova T. I. (eds.). *EVRika! Sbornik statei o poiskakh i nakhodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoi* [EVRika! Collected papers on searching and finding in honor of E. V. Rakhilina]. Moscow: Labirint, 2018.]
- Толстая 2009 — Толстая С. М. 'Кормить' и 'хоронить' (к семантической реконструкции славянской погребальной лексики). [Tolstaya S. M. 'To feed' and 'to bury': Towards the semantic reconstruction of Slavic burial lexis.] *Studia etymologica Brunensia*, 2009, 6: 341–355.
- Шерстюк, Резникова 2021 — Шерстюк А. Ю., Резникова Т. И. О семантической непрерывности: поле 'толкать' в славянских языках. *Известия РАН. Серия литературы и языка*, 2021, 80(5): 21–33. [Sherstyuk A. Yu., Reznikova T. I. On semantic continuity: The domain of 'pushing' in Slavic languages. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2021, 80(5): 21–33.]
- Brugman 1988 — Brugman C. *The story of "over": Polysemy, semantics, and the structure of the lexicon*. New York: Garland, 1988.
- Brugman, Lakoff 1988 — Brugman C., Lakoff G. Cognitive topology and lexical networks. *Lexical ambiguity resolution: Perspectives from psycholinguistics, neuropsychology and artificial intelligence*. Cottrell G. W., Small S., Tannenhaus M. K. (eds.). San Mateo (CA): Morgan Kaufman Publ., 1988.
- Choi et al. 2019 — Choi S., Goller F., Hong U., Ansoerge U., Yun H. Figure and Ground in spatial language: Evidence from German and Korean. *Language and Cognition*, 2019, 10(4): 665–700.
- François 2008 — François A. Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages. *From polysemy to semantic change*. Vanhove M. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2008, 163–215.
- Geckler 1971 — Geckler H. *Strukturelle Semantik und Wortfeldtheorie*. München: Wilhelm Fink, 1971.
- Goddard, Wierzbicka 2007 — Goddard C., Wierzbicka A. NSM analyses of the semantics of physical qualities: *sweet, hot, hard, heavy, rough, sharp* in cross-linguistic perspective. *Studies in Language*, 2007, 31(4): 765–800.
- Коптjевская-Тамм 2008 — Коптjевская-Тамм М. Approaching lexical typology. *From polysemy to semantic change: A typology of lexical semantic associations*. Vanhove M. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2008, 3–54.

- Koptjevskaja-Tamm 2022 — Koptjevskaja-Tamm M. Talking temperature with close relatives: Semantic systems across Slavic languages. *Typology of physical qualities*. Rakhilina E., Reznikova T., Ryzhova D. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2022, 215–267.
- Kyuseva et al. 2022 — Kyuseva M., Parina E., Ryzhova D. Methodology at work: Semantic fields ‘sharp’ and ‘blunt’. *Typology of physical qualities*. Rakhilina E., Reznikova T., Ryzhova D. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2022, 29–55.
- Lakoff 1987 — Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980.
- Lakoff, Johnson 1980 — Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980.
- Lehrer 1974 — Lehrer A. *Semantic fields and lexical structure*. Amsterdam: North-Holland, 1974.
- Majid et al. 2007 — Majid A., Gullberg M., van Staden M., Bowerman M. How similar are semantic categories in closely related languages? A comparison of cutting and breaking in four Germanic languages. *Cognitive Linguistics*, 2007, 18(2): 133–152.
- Majid, Dunn 2015 — Majid A., Dunn M. Semantic systems in closely related languages. *Language Sciences*, 2015, 49: 1–19.
- Radden, Kövecses 1999 — Radden G., Kövecses Z. Towards a theory of metonymy. *Metonymy in language and thought*. Panther K.-U., Radden G. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1999, 17–60.
- Rakhilina et al. 2022 — Rakhilina E., Ryzhova D., Badryzlova Yu. Lexical typology and semantic maps: Perspectives and challenges. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 2022, 41(1): 231–262.
- Rosch 1973 — Rosch E. Natural categories. *Cognitive Psychology*, 1973, 4(3): 328–350.
- Rundblad, Kronenfeld 2003 — Rundblad G., Kronenfeld D. The semantic structure of lexical fields: Variation and change. *Words in time. Diachronic semantics from different points of view*. Eckardt R., von Heusinger K., Schwarze Ch. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2003, 67–114.
- Trier 1931 — Trier J. *Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes: Die Geschichte eines sprachlichen Feldes*. Heidelberg: C. Winter, 1931.

Получено / received 25.01.2022

Принято / accepted 29.03.2022

Глаголы прятания и особенности их оформления локативными аффиксами в адыгейском языке

© 2022

Ирина Гаруновна Багирокова

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; ibagirokova@yandex.ru

Дарья Александровна Рыжова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; daria.ryzhova@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются глаголы прятания в адыгейском литературном языке на лексико-типологическом фоне. Выделяется четыре глагольные основы: *вевэлэ-* ‘прятать’, *вэх’эте-* ‘беречь, скрывать’, *вэсэфэ-* ‘утаивать’, *хек’еэ’е-* ‘смешиваться, растворяться’. Глагол *вевэлэ-* ‘прятать’ центральный в этом поле, он описывает преимущественно ситуации перемещения объекта с целью скрыть его от посторонних глаз (‘спрятать деньги в сейф’) и оформляется теми же локативными аффиксами, что и стандартные глаголы движения / перемещения. Глагол *вэх’эте-* ‘беречь, скрывать’ в современном языке выражает прежде всего значение ‘беречь, защищать’, однако в сочетании с локативным префиксом *эе-* ‘под’ может передавать значение ‘скрывать, укрывать, т. е. прятать объект путем установки преграды между ним и наблюдателем’ (‘скрыть рисунок под слоем пыли’). Глагол *вэсэфэ-* ‘утаивать’ описывает особый, «пассивный» тип прятания: модель поведения, направленную на то, чтобы о скрываемом объекте не узнали (‘скрыть доходы от налоговой инспекции’). Наконец, глагол *хек’еэ’е-* ‘смешиваться, растворяться’ описывает прятание объекта среди ему подобных (‘раствориться в толпе’). Несмотря на то, что все четыре глагола выражают значения из семантического поля прятания, они по-разному сочетаются с локативными и некоторыми другими аффиксами, и особенности этой сочетаемости согласуются с нюансами их лексической семантики. Исследование вносит вклад в общую типологию глаголов прятания, а также уточняет значение нескольких глагольных основ и локативных аффиксов в адыгейском языке.

Ключевые слова: абхазо-адыгские языки, адыгейский язык, лексика, лексическая типология, пространственная семантика

Благодарности: Исследование поддержано грантом РФФИ № 20-012-00240А «Проблема семантической непрерывности в лексико-типологическом аспекте».

Для цитирования: Багирокова И. Г., Рыжова Д. А. Глаголы прятания и особенности их оформления локативными аффиксами в адыгейском языке. *Вопросы языкознания*, 2022, 4: 95–114.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.4.95-114

Verbs of hiding and their combinability with locative affixes in Adyghe

Irina G. Bagirokova

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; HSE University,
Moscow, Russia; ibagirokova@yandex.ru

Daria A. Ryzhova

HSE University, Moscow, Russia; daria.ryzhova@mail.ru

Abstract: This paper investigates the semantics of hiding in Adyghe from a typological perspective. There are four verb stems: *webələ-* ‘to hide’, *wəχ^wəme-* ‘to protect, to cover up’, *wəsefə-* ‘to conceal’, and *xek^weč[’]e-* ‘to mix, to blend in’. The central verb of the field, *webələ-* ‘to hide’, describes situations where the object is put somewhere to be out of sight (e.g. ‘to hide money into the safe’). It combines with the same locative affixes as standard verbs of motion do. In current usage, the verb *wəχ^wəme-* stands for ‘to protect’, whereas the locative prefix *če-* ‘under’ changes its meaning to ‘to cover up, to hide’ (e.g. ‘to get the picture covered in dust’). The verb *wəsefə-* ‘to conceal’ denotes a specific, “passive” mode of hiding, the primary goal of which is to keep the object secret (e.g. ‘to conceal the income from the taxation authorities’). And the verb *xek^weč[’]e-* ‘to mix, to blend in’ expresses the idea of hiding something amongst multiple entities (e.g. ‘to disappear into the crowd’). As is shown, the combinability of these four verbs with certain affixes, including locatives, is highly determined by their lexical meaning. The research serves to clarify the semantics of several verb stems and locative affixes in Adyghe and is considered to contribute to the general typology of hiding.

Keywords: Adyghe, lexical typology, lexicon, Northwest Caucasian, spatial semantics

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 20-012-00240A “Semantic continuity in lexical typology”.

For citation: Bagirokova I. G., Ryzhova D. A. Verbs of hiding and their combinability with locative affixes in Adyghe. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 4: 95–114.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.4.95-114

1. Введение

Лексическая типология, будучи сравнительно молодой областью лингвистики, бурно развивается и привлекает внимание все большего числа исследователей, в том числе специалистов по отдельным языкам. Многие семантические поля уже достаточно подробно изучены на материале нескольких десятков языков, ср. глаголы плавания [Майсак, Рахилина (ред.) 2007], вращения [Крулякова 2010], падения [Рахилина и др. 2020], звуков животных [Рахилина (сост.) 2015], качественные признаки [Rakhilina et al. (eds.) 2022] и др. Однако до сих пор в центре внимания лексических типологов оказывались преимущественно физические свойства, объекты или действия, поскольку они непосредственно воспринимаются органами чувств, а значит, могут быть максимально подробно описаны. Такие поля очень хороши на начальном этапе, но теперь, когда на этой ступени уже накоплен значительный опыт и материал, можно переходить и к семантическим полям других типов — более абстрактной природы.

Исследование, которое мы представим в этой работе, выполнено в рамках проекта Московской лексико-типологической группы (MLexT) по типологии глаголов прятания [Резникова 2022]. Поле ‘прятать’, как и очень близкое к нему ‘искать’ (см. [Рыжова и др. (ред.) 2018]), являет собой пример так называемой **недоспецифицированной**¹ зоны. Это означает, что слова этого поля объединяет значение особой цели деятельности субъекта (в случае прятания — сделать объект недоступным), а действия, направленные на достижение этой цели, могут сильно варьировать. Так, чтобы спрятать объект, его можно закрыть в сейфе, положить под подушку, закопать во дворе, загородить ширмой или накрыть платком, смешать со множеством ему подобных, отвезти его в чащу леса, отправить в другой город или даже просто о нем не рассказывать. Глаголы прятания часто не задают эти действия однозначно.

Системы глаголов прятания в различных языках отличаются друг от друга степенью недоспецифицированности основного глагола поля: этот основной глагол может покрывать больший или меньший круг возможных ситуаций. В адыгейском языке тоже выделяется

¹ В западной традиции термин «underspecification» используется примерно в этом же значении, но обычно применяется для описания более простых явлений (см., например, [Geeraerts 2016]). В отечественной традиции ближе всего к этому явлению понятие **интерпретационных** глаголов [Апресян 2004; Кустова 2000].

глагол, который охватывает большую часть поля и нейтрализует некоторые противопоставления. При этом дополнительная спецификация типа подразумеваемого физического действия происходит в том числе за счет морфологических глагольных показателей с пространственным (локативным) значением.

В этой статье мы представим типологически ориентированное описание фрагмента лексической системы литературного адыгейского языка и покажем, как локативные показатели (префиксы и суффиксы) взаимодействуют в этой зоне с лексической семантикой глагольной основы.

Наше исследование опирается на данные из двух источников: корпуса адыгейского языка, содержащего оригинальные и переводные публицистические и художественные тексты², а также результатов опроса нескольких носителей языка по типологической анкете, подготовленной в рамках проекта MLexT.

Статья построена следующим образом. Мы начнем с описания типологических закономерностей лексикализации семантического поля прятания (раздел 2). Раздел 3, основной в данной работе, будет посвящен адыгейской системе глаголов прятания: в разделе 3.1 перечислены все глаголы, относящиеся к рассматриваемому полю, а также описана процедура их поиска; в разделе 3.2 мы расскажем о глаголе *вeбaлa-* ‘прятать’, покрывающем большую часть значений внутри поля, а в разделах 3.3, 3.4 и 3.5 опишем сферы употребления остальных глаголов: *вəxʷətə-* ‘беречь, скрывать’, *вəšəfə-* ‘утаивать’ и *хевекʷeç'e-* ‘смешивать с чем-то, прятать объект среди других’ соответственно. В разделе 4 мы подведем итоги исследования, в том числе сформулируем основные закономерности сочетаемости локативных аффиксов с глаголами поля прятания.

2. Типологический фон

Семантическое поле прятания и закономерности его лексикализации изучены на материале 28 языков³ по методологии фреймового подхода к лексической типологии [Рахилина, Резникова 2013]. Результаты этого исследования подробно описаны в статье [Резникова 2022], опубликованной в этом же номере журнала; ниже мы представим краткий обзор основных ее положений.

Итак, в языках мира глаголом с семантикой ‘прятать’ могут описываться очень разные физические действия, объединенные общей целью. Ситуация прятания подразумевает двух основных участников. Это, во-первых, одушевленный субъект, действующий намеренно и целенаправленно, а во-вторых, некоторый объект, одушевленный или неодушевленный, представляющий ценность для субъекта и, по его мнению, находящийся под угрозой. Чтобы эту угрозу предотвратить, субъект совершает с объектом некоторые манипуляции: именно они и описываются глаголом ‘прятать’. Источник угрозы (контрагент), реальный или потенциальный, почти всегда присутствует в ситуации прятания, но только в качестве периферийного участника: важно, что действия субъекта направлены именно на ценный для него объект, а не на нейтрализацию источника угрозы (ср. *Отец спрятал дочь от журналистов* vs. *Отец не пускает к дочери журналистов*).

Такое определение ситуации прятания очень абстрактно и допускает множество разных конкретных реализаций. Субъект прятания обычно одушевленный, но в некоторых

² Корпус, его подробное описание и грамматическая справка доступны по ссылке: <http://adyghe.web-corpora.net/>.

³ Помимо рассматриваемого в этой статье адыгейского, в выборку вошли английский, арабский, армянский, баскский, испанский, итальянский, казахский, китайский, корейский, кхмерский, литовский, немецкий, норвежский, осетинский, персидский, польский, русский, тигрinya, турецкий, финский, французский, хинди, цыганский (севернорусский диалект), чешский, шведский, шугнанский и японский.

языках допустимо использование глагола прятания в конструкциях с неодушевленным субъектом (ср. русск. *Гора прячет аул*, а также аналогичные употребления глаголов прятания в арабском, литовском, норвежском, севернорусском диалекте цыганского и нек. др. языках). Можно прятать одушевленный, неодушевленный или даже абстрактный объект (ср. ‘спрятать партизан у себя в погребе’ vs. ‘спрятать деньги под подушкой’ vs. ‘утаить важную информацию от полиции’). Можно прятать объект с разными целями, от разного рода угроз: чтобы его никто не увидел (‘спрятать пистолет под курткой’), чтобы им никто не овладел (‘спрятать драгоценности в сейфе’), чтобы ему ничто не повредило (‘спрятать глаза от солнца’), чтобы он не испортился сам (‘спрятать продукты в холодильник’), чтобы о нем никто не узнал (ср. ‘скрыть свои доходы от налоговой инспекции’). Физические действия, которые совершает субъект, тоже могут быть разными: можно переместить сам объект в надежное место (‘спрятать письмо в ящике стола’), а можно вместо этого его чем-нибудь накрыть (‘спрятать волосы под платком’), заслонить (‘спрятать кровать за ширмой’) или поместить его внутрь множества других объектов (‘спрятать карту в колоде’). Место, в котором объект будет спрятан, или предмет, который будет его заслонять, — это еще один периферийный участник ситуации прятания, который часто получает поверхностное выражение.

Ядром, или прототипом, ситуации прятания можно считать такой сценарий: одушевленный субъект перемещает неодушевленный физический объект в закрытое место, чтобы его не увидели / им не овладели. Глагол, передающий это значение, считается базовой (или центральной) лексемой поля.

Системы разных языков отличаются друг от друга тем, насколько широко базовая лексема распространяется на другие, более периферийные случаи. Так, возможны такие системы, в которых есть слово, обозначающее все или почти все разновидности прятания (в работе [Резникова 2022] эти системы называются доминантными и квазидоминантными). Такая широкая сфера употребления характерна для арабского глагола *ʾahafā*, цыганского *garaves te*, литовского *slėpti* и, с некоторыми оговорками, осетинского *æmbæхсын*. Такие слова можно считать максимально недоспецифицированными: они могут подразумевать очень разные конкретные действия, совершаемые с объектами разных типов.

И наоборот, бывают системы (условно называемые в [Резникова 2022] дистрибутивными), в которых глагол с семантикой прятания употребляется в ограниченном круге ситуаций, а остальные фрагменты поля обслуживаются другими лексемами, сфера употребления которых может сводиться к одному из типов прятания (ср. русск. *утаивать* или нем. *tarnen* ‘маскировать’), а может и выходить за пределы этого семантического поля (ср. англ. *cover* или хинди *dhaknā* ‘накрыть, покрыть’, итал. *mettere* или турецк. *koymak* ‘класть’, корейск. *(pha)-mwut-ta* или шведск. *begrava* ‘похоронить’ и др.⁴).

Сфера употребления базового глагола в дистрибутивной системе может быть ограничена по разным параметрам. Так, например, для русского глагола *прятать*, наряду с чешским *chovat*, польским *chować*, шведским *gömma*, характерно ограничение по типу объекта: базовый глагол употребляется только в ситуациях с конкретными объектами, а прятание абстрактных объектов описывается другими лексемами (русск. *скрывать*, *утаивать*, чешск. *skrývat*, *tajít*; польск. *(u)kryć*, *taić*, шведск. *dölja*, *hemlighålla*). В других системах лексические оппозиции строятся на основании способа прятания: базовый глагол описывает только перемещение объекта в укромное место (ср. норв. *gjemte* или нем. *verstecken*), а другие способы прятания обозначаются другими лексическими средствами (ср. норв. *skjule* ‘скрыть’, нем. *verdecken* ‘скрыть’, *tarnen* ‘замаскировать’). Наконец, третий параметр, который может ограничивать употребление базового глагола прятания в дистрибутивной системе, — цель действия. Базовый глагол в таких системах обозначает только укрывание

⁴ Ср. также кластер HIDE (CONCEAL) в базе коллексификаций CLICS³ (https://clics.clld.org/graphs/subgraph_602), который включает как эти, так и некоторые другие связи, в выборке из [Резникова 2022] не засвидетельствованные (например, ‘прятать’ — ‘красть’).

объекта от контрагента, но не манипуляции с объектом с целью его сохранения, ср. ‘спрятать продукты в холодильник (чтобы не испортились)’. Этим принципом регулируется употребление французского *cache*, казахского *жасыру*, армянского *taqnel* и нек. др.

Поле глаголов прятания в адыгейском языке относится к системам дистрибутивного типа. В следующем разделе мы рассмотрим подробно, какие глаголы входят в эту систему и какими параметрами регулируется их распределение.

3. Адыгейская система

3.1. Определение круга лексем, относящихся к полю прятания

Наше исследование типологически ориентировано, поэтому при отборе и анализе адыгейских глаголов мы отталкиваемся от набора ситуаций, выделенных в результате анализа нескольких языков (см. [Резникова 2022], а также обзор в разделе 2), и включаем в рассмотрение все глаголы, которые могут покрывать хотя бы один пункт типологической анкеты. Сфера употребления каждого глагола уточняется по корпусу, и в тех случаях, когда у какой-либо основы обнаруживаются значения за пределами анкеты, они также учитываются и подробно рассматриваются ниже⁵.

Особенности грамматического строя адыгейского языка (агглютинативность и полисинтетизм) определяют характер нашей работы с корпусом текстов. При анализе примеров употребления той или иной глагольной основы мы, во-первых, осуществляем поиск по самой основе (допуская любое количество символов слева и справа от нее), а во-вторых, отдельно проверяем все потенциально возможные сочетания основы с локативными аффиксами, подробнее о которых см. ниже. Такая процедура позволяет составить достаточно полное представление о сфере употребления изучаемой основы.

Наше исследование показывает, что основной лексической единицей в поле прятания в адыгейском литературном языке можно считать глагол *кeбэлэ*- ‘прятать’. Он покрывает ядро поля, а также небольшой круг периферийных ситуаций. Помимо него в этой зоне используется отыменной глагол *wəsefə*- ‘утаивать’ (от *šefə* ‘тайна’), а также глаголы из смежных семантических областей *wəxʷəte*- ‘беречь, скрывать’ и *хеқʷеҕʷе*- ‘смешиваться, растворяться’. Ниже мы рассмотрим сферу употребления каждого из них, обращая особое внимание на их сочетаемость с локативными (и некоторыми другими) аффиксами.

3.2. Центральный глагол поля *кeбэлэ*- ‘прятать’

Адыгейский язык — полисинтетический, агглютинирующего типа, с очень богатой глагольной морфологией. Многие глагольные корни в этом языке односложные или даже однофонемные (ср. *-ʃə*- ‘делать’, *-kʷe*- ‘идти’, *-t-* ‘стоять’, *-s-* ‘сидеть’, *-l-* ‘лежать’, *-fe-* ‘падать’, *-we-* ‘бить’ и многие другие) и связанные, т. е. употребляются только в сопровождении других морфем. Глагол *кeбэлэ*- ‘прятать’ устроен иначе. В его структуре угадывается показатель каузатива *кe-*, в современном языке вполне продуктивный, но в данном случае полностью лексикализованный: основа *-бэлэ*- без него не встречается и носители

⁵ Такой подход — выбор слов, обеспечивающих некоторое денотативное поле, а затем полный анализ семантики этих лексических единиц — иногда называют **лексико-семантическим**, см. [Толстая 2013: 142].

затрудняются в определении ее самостоятельной семантики⁶. Мы считаем эту форму на синхронном уровне единым глагольным корнем и в дальнейшем не разбиваем ее на предполагаемые морфемы при глоссировании.

3.2.1. Прототипические употребления

Глагол *вeбэлэ*- описывает, прежде всего, ядерную ситуацию поля: совершение одушевленным субъектом некоторой манипуляции с ценным для него неодушевленным объектом, направленной на то, чтобы этот объект не увидели и/или им не овладели. Глагол можно считать недоспецифицированным: тип физического действия в его значении не заложен. Так, в примере (1) сказано, что мама спрятала вещи, но совсем не ясно, что именно она с ними сделала: убрала в шкаф, отнесла в подвал или даже закопала во дворе.

- (1) *Сянэ IапIэхэр ыгъэбылгыгъэх.*
 s-ja-ne ʔaʔe-xe-g э-вeбэлэ-вe-x.
 1SG.P-POSS-мама вещь-PL-ABS 3SG.ERG-прятать-PST-PL
 ‘Мама спрятала вещи’. (корпус: Цуекъо Нэфсэт 2002)

Однако действие прятания может быть уточнено путем ввода дополнительных участников, которые в адыгейском языке обязательно индексируются в глаголе. Прежде всего, может быть указано место, где будет скрыт ценный объект. Существительное (точнее, именная группа) со значением места маркируется показателем косвенного падежа *-т*. Глагол при этом оформляется локативным префиксом и директивным суффиксом *-ha-* с иллативным значением, т. е. используется в составе морфологической конструкции *ЛОС-вeбэлэ-ИЛЛАТ*. Директивный суффикс, который мы глоссируем как *ИЛЛАТ* (иллатив), является результатом грамматикализации глагола со связанным корнем *jə-ha-* ‘ЛОС-войти’ и прототипически маркирует направленность перемещения в сторону конечной точки. Префиксы локативной серии (ЛОС) вводят, в зависимости от контекста, участника с ролью места или начальной/конечной точки перемещения. При наличии в словоформе иллативного суффикса *-ha-* локативный префикс индексирует именно конечную точку. Выбор конкретного префикса зависит от топологических (и некоторых других) характеристик локативного участника. Так, в примере (2) глагол *вeбэлэ*- оформлен локативным префиксом *хе-*, который используется для индексирования конечной точки, представляющей собой вещество или (не)однородную массу объектов. В (3) конечная точка вводится маркером *de-*, закрепленным за ограниченными пространствами. В (4) использован префикс *jə-* (а точнее, его алломорф *-r-*), маркирующий контейнеры, а в (5) — префикс *q^we-*, маркирующий пространство за ориентиром (подробнее об инвентаре локативных префиксов см. [Paris 1995]). Выбор локативного префикса конкретизирует действие, обозначаемое недоспецифицированной основой *вeбэлэ*- ‘прятать’: префиксы показывают, куда объект будет помещен, в каких пространственных отношениях с ориентиром он будет находиться (ср. русск. *убрать на стол, под стол* или *в стол*).

- (2) *Мэкъу хъандзом хагъэбылгыхъагъ.*
 meq^w hanʒ^we-m х-а-вeбэлэ-ha-в.
 сено стог-OBL ЛОС-3PL.ERG-прятать-ИЛЛАТ-PST
 ‘Они спрятали его в стого сена’. (корпус: Адыгэ Макъ 2012)

⁶ Б. М. Берсиров [Берсиров 2001: 90] приводит гипотезу, что основа *-бэлэ-*, в свою очередь, восходит к сочетанию глагола *-л-* ‘лежать’ и существительного *бэ* ‘нора’. Таким образом, глагол *вeбэлэ*- мог исходно передавать значение ‘положить в нору’, что с семантической точки зрения довольно правдоподобно, однако другие примеры подобного корнесложения в адыгейском языке нам неизвестны.

- (3) *Цохъопщым дышгэр ицьябгъэ дигъэбылхъажьыгъ (...)*
 c^weχ^wepš'ə-m dəše-r jə-cəja-bke **d-jə-кeбэл-ha-ž'ə-к.**
 Чахощ-OVL золото-ABS POSS-черкеска-грудь LOC-3SG.ERG-прятать-ILLAT-RE-PST
 'Чахощ спрятал золото обратно в переднюю часть черкески'.
 (корпус: Адыгэжэр МэшбацIэ Исхъэкъ 2005)
- (4) *Мыдрэ Болэтыкъом унэм зыригъэбылхъагъ.*
 mə-dre bweletəq^we-m wəne-m **zə-r-jə-кeбэл-ha-к.**
 этот-другой Болотоков-OVL дом-OVL RFL.ABS-LOC-3SG.ERG-прятать-ILLAT-PST
 'А этот Болотоков спрятался в доме'. (корпус: Адыгэ IорIуатэхэр. Я 3–4-рэ томхэр
 Цуекъо Нэфсэт 2017)
- (5) *Торнау къэтэджи, чыгынкъым зыкъуигъэбылхъэзэ, зиплхъагъ, дэIуагъэ.*
 Ternaw qe-tež'jə, čəgə-pqə-m **zə-q^w-jə-кeбэл-he-ze,**
 Торнау DIM-вставать-ADD дерево-тело-OVL RFL.ABS-LOC-3SG.ERG-прятать-ILLAT-SIM
 z-jə-рлэ-ha-к, deʔwa-кe.
 RFL.IO-3SG.ERG-смотреть-ILLAT-PST слушать-PST
 'Торнау встал и, прячась за ствол дерева, посмотрел по сторонам, прислушался'.
 (корпус: Джасус МэшбацIэ Исхъэкъ 2011)

В абстрактной зоне, где топологические характеристики конечной точки в буквальном смысле не могут быть специфицированы и сама конечная точка часто в принципе не может быть зафиксирована, в качестве заполнителя слота локативного префикса в конструкции LOC-кeбэл-ILLAT выступает показатель *çe-* со значением 'под' или 'внутри помещения'. Так, в примере (6) локатив *çe-* вводит конечную точку буквального, физического перемещения, в роли которой выступает закрытое помещение, в то время как в примере (7) тот же аффикс вводит неопределенную абстрактную конечную точку и формально ничего не индексирует, т. е. не несет никакой морфосинтаксической нагрузки. Наличие примеров типа (7) позволяет говорить о начальном этапе лексикализации формы *çe-кeбэл-хе*.

- (6) *Пшьэишгъэжьыер монастырым чIэдгъэбылхъагъ.*
 pšeše-žəje-r menastərə-m **çe-d-кeбэл-ha-к.**
 девушка-DIM-ABS монастырь-OVL LOC-1PL.ERG-прятать-ILLAT-PST
 'Мы спрятали девочку в монастыре'. (корпус: Айщэт МэшбацIэ Исхъэкъ 2009)
- (7) *Шхъэхихыгъэу тыгуыцIэн фæе, сыда нIомэ чIэдгъэбылхъагъан Iоф тилэн.*
 šhe-jə-xə-к-ew tə-g^wəš'əʔe-n fa-je,
 голова-LOC-выносить-PST-ADV 1PL.ABS-разговаривать-MOD BEN-хотеть
 səd-a p^we-me **çe-d-кeбэл-ha-n** ʔ^wef t-jə-ʔ-ep.
 что-Q 2SG+сказать-COND LOC-1PL.ERG-прятать-ILLAT-MOD дело 1PL.IO-POSS-быть-NEG
 'Нам нужно поговорить откровенно, потому что у нас нет дела, которое нужно скрывать'. (корпус: Адыгэ Макъ 2017)

Помимо префиксов, указывающих на различные характеристики ориентира и его пространственные отношения с объектом, в адыгейском языке есть «общелокативный» префикс *š'ə-*. Он нейтрализует многие пространственные противопоставления и выделяется из общего ряда локативов, в том числе некоторыми морфосинтаксическими свойствами, на которых мы не будем останавливаться здесь подробно. В интересующих нас контекстах с глаголом *кeбэл-* 'прятать' он, в отличие от других локативов, не оформляется суффиксом *-ha-* (ILLAT) со значением направления. С функциональной точки зрения этот префикс вводит либо общую локализацию ситуации, без указания на конкретную конечную точку, ср. (8), либо конечную точку, но в таком случае требует наличия при соответствующей именной группе послелого, который специфицирует пространственное отношение, см. (9).

- (8) *Ятэжъ къуаджэу зыдэсыгъэр пыйхэм загъэстым, шлахьылхэм мэзым цагъэбылгыгъ.*
 j-ate-ž q^waž'-ew zə-de-sə-ke-г рəj-хе-м
 POSS-отец-старый аул-ADV REL.IO-LOC-сидеть-PST-ABS враг-PL-OBL
 z-a-ke-stə-m, jə-ʔahəl-хе-м mezə-m š'-a-vebələ-в.
 REL.TMP-3PL.ERG-CAUS-гореть-OBL POSS-родственник-PL-OBL лес-OBL LOC-3PL.ERG-прятать-PST
 'Когда враги сожгли аул, в котором жил его дед, родственники спрятали его в лесу'.
 (корпус: Адыгэ Макъ 2010)
- (9) *Чыгъ чIэгъым шIухъафтынхэр цагъэбылгыгъ.*
 čəg čekə-m š^wəhaftən-хе-г š'-a-vebələ-x.
 дерево низ-OBL подарок-PL-ABS LOC-3PL.ERG-прятать-PL
 'Они прячут подарки под деревом'. (корпус: Адыгэ Макъ 2012)

С глаголом *vebələ-* не сочетается локатив *tje-* (*tər-*) со значением 'на поверхности'. Это можно объяснить несовместимостью семантики основы и префикса: общедоступная поверхность ориентира — неподходящее место для прятания объекта. Спрятать объект на поверхности чего-либо можно только в том случае, если эта поверхность расположена высоко и, тем самым, выходит из поля зрения — например, на шкафу. В таких случаях, несмотря на то, что формально объект находится на поверхности, для описания ситуации выбирается конструкция с общелокативным префиксом *š'-ə-* и послелогом *šhe* 'голова; верхняя часть чего-либо' или *č'əʔ^wə* 'верх', маркирующая релевантную пространственную характеристику (10): то, что конечная точка расположена на самом верху, важнее того, что топологически эта точка представляет собой поверхность.

- (10) а. *Шкаф шгъагъым / кIыIум цигъэбылгыгъ.*
 škaf šhavə-m / č'əʔ^wə-m š'-jə-vebələ-в.
 шкаф верх-OBL / верх-OBL LOC-3SG.ERG-прятать-PST
 'Он спрятал это на шкафу (сверху)'. (элицитация)

б. **Шкафым тыригъэбылгыгъагъ.*

škafə-m tər-jə-vebələ-ha-в.
 шкаф-OBL LOC-3SG.ERG-прятать-ILLAT-PST

Ожидаемое значение: 'Он спрятал это на шкафу'. (элицитация)

Директивных суффиксов, как и локативных префиксов, в адыгейском языке выделяется несколько. В этой позиции встречаются пять исключаящих друг друга маркеров: это уже рассмотренный нами *-ha-* 'внутри', а также *-č'ə-* 'наружу', *-xə-* 'вниз', *-je-* 'вверх', *-lə-* 'по направлению к' [Smeets 1984: 274–275]. Самым естественным образом с глаголом *vebələ-* 'прятать', как мы уже видели, сочетается *-ha-* 'внутри'. Однако помимо него *vebələ-* может оформляться и суффиксом с противоположной семантикой *-č'ə-* 'наружу'. Этот суффикс восходит к глаголу *jə-č'ə-* 'ЛОС-выходить', прототипически задает направление перемещения — наружу, в сторону от начальной точки (ср. *jə-bəbə-č'ə-в* ЛОС-лететь-ЕЛАГ-PST 'вылетел (из)' [Берсиров 2001: 163]) — и глоссируется как ЕЛАТ (элатив). В сочетании с глаголом прятания, модель управления которого подразумевает конечную точку, но не подразумевает начальной, он не может реализовать свое базовое значение и несет иную смысловую нагрузку: обозначает, что подлежащий сокрытию объект был частью некоторого множества:

- (11) *Ежъ ригъэблэгъагъэм, адыгэ шIыкIэу, зэкIэ кыфытыригъэуоцтыгъэп, зыгорэ хигъэбылгыкIыжъыцтыгъэ...*
 jež' г-jə-ке-bleka-ке-м, adəge šə-č'-ew,
 сам DAT-3SG.ERG-CAUS-близкий-PST-OBL адыг делать-NMLZ.MNR-ADV
 zeč'e qə-fə-tər-jə-ке-wəc^we-š'tə-ке-р,
 весь DIR-BEN-LOC-3SG.ERG-CAUS-встать-AUX-PST-NEG

zə-g^were **х-јә-вєбәлә-ц'ә-з'ә-š'тә-вє...**
 один-некий LOC-3SG.ERG-прятать-ELAT-RE-AUX-PST

‘Для того, кого он сам пригласил, он не выставлял на стол все, как это принято у адыгов, а какую-то часть из этого забирал и припрятывал...’

(корпус: Адыгэ Макъ 2013)

Такое значение можно условно назвать партитивным. Согласно [Kuteva et al. 2019: 39], переход от аблативной (элативной) семантики к партитивной типологически регулярен (ср. русск. *вышел из дома — один из нас*). Тем самым, суффиксы *-ha-* ‘внутри’ и *-ц'ә-* ‘наружу’, исходно параллельные друг другу семантически, в сочетании с основой *вєбәлә-* ‘прятать’ теряют свой параллелизм. Это дополнительно проявляется и в том, что при суффиксе *-ц'ә-* ‘наружу’ возможен только локативный префикс *хе-*, маркирующий начальную точку, которой может быть вещество или множество, в то время как при *-ha-* ‘внутри’, как мы уже видели выше, набор возможных префиксов разнообразен, и выбор конкретного показателя зависит от физических характеристик конечной точки перемещения скрываемого объекта.

Оформленный локативным префиксом и директивным суффиксом глагол *вєбәлә-* при одушевленном субъекте (о неодушевленном см. ниже) может обозначать только динамическую ситуацию прятания: ‘прячет (= убирает, кладет) письмо под подушку’, но не ‘прячет (= держит) письмо под подушкой’. Стативная интерпретация, однако, возможна, когда глагол оформляется общелокативным префиксом *š'ә-*:

(12) *Марет игуклаехэр чыжьэу гучIэм щегьэбылгыых.*

marjet jə-g^wəč'aje-xe-r č'əž'-ew g^wə-če-m **š'-j-e-вєбәлә-x.**
 Марет POSS-переживание-PL-ABS далекий-ADV сердце-дно-OBL LOC-DAT-DYN-прятать-PL

‘Марета прячет (хранит) свои переживания глубоко в сердце’.

(корпус: Адыгэ Макъ 2017)

Еще один участник ситуации прятания — тот, от которого исходит угроза скрываемому объекту, или контрагент. При глаголе *вєбәлә-* он вводится показателем малефактива *-š^wә-*, см. (13). Любопытно, что и в этом фрагменте системы аффиксы с параллельной грамматической семантикой при основе *вєбәлә-* ведут себя по-разному. Так, в адыгейском языке, помимо показателя малефактива, есть и показатель бенефактива. Он также сочетается с *вєбәлә-*, но интерпретируется при этом композиционально: вводит (необязательного) участника, который получает выгоду от совершаемого действия (14). Малефактив в своих базовых употреблениях предполагает обратную ситуацию: «действие совершается в ущерб или против воли малефицианта» [Летучий 2009: 360], см. (15). Контрагент, от которого прячут объект, несколько отличается от классического малефицианта. Во-первых, строго говоря, объект можно спрятать даже во благо контрагенту (например, спички от детей), т. е. малефактив в сочетании с *вєбәлә-* не имплицитно напрямую негативную затронутость соответствующего участника. Особенно хорошо это видно по примерам, где в качестве контрагента выступает неодушевленный объект, ср. (13). А во-вторых, этот участник не является внешним аргументом: он обязательно присутствует в структуре ситуации прятания.

(13) *Къушьхьэм пщагьом зызэрэшиуимыгьэбылгыишъуцтым фэд цIыфым къыпыщылъ тхьамыклагьоми зызэрэцимыухъумэишъуцтыр.*

q^wəshe-m pš'ak^we-m **zə-zere-š^w-jə-mə-вєбәлә-š^wә-š'тә-m**
 гора-OBL туман-OBL REL.ABS-REL.FACT-MAL-3SG.ERG-NEG-прятать-POT-FUT-OBL

fed cəfə-m qə-pə-š'ə-l thaməč'ak^we-m-jə
 подобный человек-OBL DIR-LOC-LOC-лежать беда-OBL-ADD

zə-zere-š'-jə-mə-wəx^wəme-š^wә-š'тә-r.

REL.ABS-REL.FACT-LOC-3SG.ERG-NEG-уберечь-POT-FUT-ABS

‘Как гора не может спрятаться от тумана, так и человек не может скрыться (уберечься) от предстоящих ему бед’.

(корпус: КъокIыпIэмрэ КъухъэпIэмрэ МэшбацIэ Исхъэкъ 1950–2016)

- (14) *Мыгэрысэ кыысфигэбылыи кыыхыгы.*
 məʔerəse qə-s-f-jə-vebəl-jə qə-hə-к.
 яблоко DIR-1SG.IO-BEN-3SG.ERG-прятать-ADD DIR-нести-PST
 ‘Она припрятала для меня яблоко и принесла его’. (элицитация)
- (15) *Сэ ац ищай шишюшугагь.*
 se a-š' jə-š'aj s-jə-Ø-š'w'e-š'w'a-к.
 я TOT-ERG POSS-чай 1SG.ABS-3SG.IO-LOC-MAL-пить-PST
 ‘Я выпил его чай’ (в ущерб ему). [Летучий 2009: 360]

3.2.2. Отклонения от прототипа

В предыдущем разделе мы рассмотрели ядерную, прототипическую ситуацию прятания и ее возможных участников. За прототип мы, вслед за [Резникова 2022], приняли те случаи, когда человек (агенса) скрывает некоторый неодушевленный объект (тему, или пациенс) от посторонних глаз (от контрагента, вводимого малефактивом), путем изменения местоположения объекта (перемещения его в некоторую конечную точку; вводится комбинацией локативных аффиксов). Однако глагол *vebələ-* может обозначать и некоторые ситуации, по тем или иным параметрам отклоняющиеся от прототипа.

Так, объект прятания может быть одушевленным существом (16), частью тела (17) и даже абстрактной сущностью (18). При этом глагол *vebələ-* описывает скрывание только таких частей тела, которые в норме видны. Например, живот может прятать беременная женщина (19), а в других ситуациях сочетание ‘прячет живот’ признается носителями прагматически неуместным, см. (20). Кроме того, глагол *vebələ-* с частью тела в роли пациенса может быть употреблен только в том случае, если цель субъекта — сделать часть тела невидимой, недоступной для глаз окружающих. Ситуации, когда субъект укрывает части своего тела с целью уберечь их от физического воздействия (например, от ветра, холода или солнечных лучей), этим глаголом, как правило, не описываются⁷, см. (21), и передаются другими лексическими средствами (раздел 3.2).

- (16) *Ау щытми шыпхум ыш ыгэбылыгы.*
 aw š'ə-t-m-jə šərx'wə-m ə-š ə-vebələ-к.
 так LOC-стоять-COND-ADD сестра-OBL 3SG.PR-брат 3SG.ERG-прятать-PST
 ‘Как бы то ни было, сестра спрятала брата’. (корпус: Цуекьо Нэфсэт 2002)
- (17) — *Ары, ар шыпкэ... — ынэпсыхэр римыгэльээгьу шлоигьоу Нури кыыритыгэ шарфымкIэ ынэгьу ыгэбылыгы.*
 — a-rə, a-r šərqe... — ə-nepsə-xe-r r-jə-mə-ke-лeк'wə
 TOT-PRED TOT-ABS правда — 3SG.PR-слеза-PL-ABS DAT-3SG.ERG-NEG-CAUS-видеть
 š'w'e-jəw'-ew nwəjə qə-r-jə-tə-ke
 MAL-время-ADV Нури DIR-DAT-3SG.ERG-давать-PST
 šarfə-m-č'e ə-neg'w ə-vebələ-к.
 шарф-OBL-INS 3SG.PR-лицо 3SG.ERG-прятать-PST
 ‘— Да, это правда... — не желая показывать ему свои слезы, она спрятала лицо шарфом, который ей подарила Нури’. (корпус: Адыгэ Макъ 2013)
- (18) *Шьо шьушIэ нэтзэ, шыпкээр жьугэбылыныи нае цIым шьуашэ шыпкээм цышьюмыль!*
 š'w'e š'w'-še pe.t.ze, šərqe-r ž'w'-vebələ-nə-m rajə
 вы 2PL.ERG-знать несмотря.на правда-ABS 2PL.ERG-прятать-MOD-OBL для

⁷ Заметим, однако, что некоторые носители (в первую очередь, молодые) допускают употребление глагола *vebələ-* и в этих контекстах.

pcə-m jə-š^wašə šəpqcə-m š'ə-š^wə-mə-λ!
 ложь-OBL POSS-платье правда-OBL LOC-2PL.ERG-NEG-надевать

‘Намеренно, чтобы спрятать правду, не надевайте на нее платье лжи!’
 (корпус: Кьюран 1992)

- (19) *Ац нэмыкИ кыюсIon: джа узытелIэрэ кыюмыпэсыгэа черкесыпхум ыIэгушьохэм-кIэ ыныбэ зэригэбылгыцтыгээр плээгэугэба?*

a-š' neməč'-jə qə-we-s-ɣ^we-n:
 тот-OBL другой-ADD DIR-2SG.IO-1SG.ERG-говорить-MOD
 ž'a wə-zə-tje-λe-ge qə-we-mə-pesə-ve
 тот 2SG.ABS-REL.IO-LOC-умирать-DYN DIR-2SG.IO-NEG-признавать-PST

č'jerkjesə-pɣ^wə-m ə-ɣeg^wəš^we-xe-m-č'e
 черкес-дочь-OBL 3SG.P-ладонь-PL-OBL-INS

ə-nəbe **zer-jə-kebəλə-š'tə-ke-r** p-λek^wə-ke-ba?
 3SG.P-живот REL.FACT-3SG.ERG-прятать-AUX-PST-ABS 2SG.ERG-видеть-PST-EMPH

‘И еще тебе скажу: ты разве не видел, как эта презревшая тебя дочь черкеса, по которой ты убиваешься, прятала свой живот?’
 (корпус: Хэхэсхэр МэшбацIэ Исхээкь 2016)

- (20) **Джэдыгушхом ыпкь одыр егэбылгы / шьуIегэбылгы.*

ž'edəg^wə-šxwe-m ə-pq wedə-r
 шуба-AUG-OBL 3SG.P-тело худой-ABS

j-e-kebəλə / **p-š^wɣ-j-e-kebəλə.**
 3SG.ERG-DYN-прятать / 2SG.IO-MAL-3.SG.ERG-DYN-прятать

Ожидаемое значение: ‘Шуба скрывает (от тебя) его худое тельце’. (элицитация)

- (21) *??? Ынэхэр шляпэм чIегэбылгыхэ.*

ə-ne-xe-r šljape-m č-j-e-kebəλ-he.
 3SG.P-глаз-PL-ABS шляпа-OBL LOC-3SG.ERG-DYN-прятать-ILLAT

‘Он прячет глаза под шляпой’. (элицитация)

В позиции субъекта прятания также возможна вариативность. Прежде всего, что-либо прятать может животное (22). Допустимы также и более специфические употребления глагола *kebəλə-*, где в роли субъекта выступает неодушевленный предмет. Поскольку неодушевленный субъект не может действовать намеренно и целенаправленно, глагол претерпевает семантический сдвиг — стативизируется. Если прототипически глагол *kebəλə-* вводит новые сведения о местоположении объекта, то в случаях с неодушевленным субъектом на первый план выходит дескриптивная функция: глагол прятания используется в описаниях, обозначая, какие объекты находятся в поле зрения наблюдателя, а какие скрыты от его глаз. В позицию субъекта продвигается участник с ролью конечной точки, причем лучше всего в эту конструкцию встраиваются не обозначения контейнеров, пространств и других типичных локализаций, а объекты, которые служат преградой, загораживающей скрываемый предмет от контрагента, см. (23)–(24). Вероятно, это происходит из-за того, что преграда, в отличие от полностью закрытого контейнера, как раз предполагает наличие в структуре ситуации наблюдателя (о фигуре наблюдателя см. [Апресян 1986; Падучева 2004]).

- (22) *Кьолэжсьым Iалгынэу Iапызыгээр ыпхуати, инабгьо ригэбылгыхыгагь.*

q^weležə-m ɣaləp-ew s-ɣa-pə-zə-ke-r ə-pɣ^wat-jə,
 ворона-OBL кольцо-ADV 1SG.IO-LOC-LOC-падать-PST-ABS 3SG.ERG-хватать-ADD

jə-pab^we **r-jə-kebəλə-ha-k.**
 POSS-гнездо LOC-3SG.ERG-прятать-ILLAT-PST

‘Ворона схватила кольцо, которое я уронила, и спрятала его в своем гнезде’. (элицитация)

- (23) *Шъхъатехъом шъхъацыр егъэбылты, джанэр лъапэхэм анэсэу кIыхъэ.*
 šhatjeχ^we-m šhacə-г **j-e-вeбэлэ**, ž'ane-г ларе-хе-м
 платок-OBL волос-ABS 3SG.ERG-DYN-прятать платье-ABS палец(ноги)-PL-OBL
 a-pe-s-ew č'əhe.
 3SG.IO-LOC-добираться-ADV длинный
 'Платок прячет волосы, платье длинное до пят'. (корпус: Адыгэ Макъ 2013)
- (24) **Стол дэгъэчъым джэмышыхэр егъэбылты.*
 st^wel deкečə-m ž'eməšxə-хе-г **j-e-вeбэлэ**.
 стол выдвижной_ящик-OBL ложка-PL-ABS 3SG.ERG-DYN-прятать
 Ожидаемое значение: 'В выдвижном ящике стола спрятаны ложки' (букв. «Выдвижной ящик стола прячет ложки»). (элицитация)

Употребления глагола *вeбэлэ*- с неодушевленным субъектом можно условно разделить на два класса: метонимические и метафорические. К метонимическим, согласно [Падучева 2004], относятся, прежде всего, случаи, когда человек скрывает часть тела предметом одежды и предмет одежды занимает при этом позицию субъекта при глаголе прятания (23). Метафорическим сдвигом мы объясняем те случаи, когда происходит персонификация (олицетворение) исходно неодушевленного субъекта (25).

- (25) *Иугъо пцэс шIуцIэм тыгъэр тшIуигъэбылтыгъ.*
 ʔ^wəv^we pš'es š^wəce-m təke-г **t-š^w-jə-вeбэлэ-в**.
 дым туман черный-OBL солнце-ABS 1PL.IO-MAL-3SG.ERG-прятать-PST
 'Черный туман дыма спрятал от нас солнце'. (корпус: Адыгэ Макъ 2010)

Наконец, еще одним отклонением от прототипической ситуации прятания может быть рефлексивная ситуация, предполагающая совпадение субъекта и объекта действия. Глагол *вeбэлэ*- допускает такие употребления и оформляется в этих случаях показателем рефлексива *зə*-. Прежде всего, скрываться может одушевленное существо — человек (26) или животное (27), — пряча самого себя от некоторого контрагента.

- (26) *Ау къушъхъэ мэзышхохэм джыри черкесхэм зацагъэбылты.*
 aw q^wəšhe mezə-šxwe-хе-м ž'ərgjə č'jerkjes-хе-м **z-a-š'-a-вeбэлэ**.
 но гора лес-AUG-PL-OBL еще черкес-PL-OBL RFL.IO-3PL.IO-LOC-3PL.ERG-прятать
 'Но в обширных горных лесах до сих пор прячутся черкесы'.
 (корпус: Рафыгъэхэр МэшбацIэ Исхъэкъ 2016)
- (27) *Блэм зигъэбылтыжъыгъ.*
 ble-m **z-jə-вeбэлэ-ž'ə-в**.
 змея-OBL RFL.ABS-3SG.ERG-прятать-RE-PST
 'Змея спряталась'. (корпус: Адыгэ Макъ 2017)

Рефлексивная модель с глаголом *вeбэлэ*- допустима и в дескриптивных конструкциях с неодушевленным субъектом (28), однако воспринимается как стилистически маркированная. Ей соответствует нейтральная конструкция с другим глаголом — *лoс-š'ə* 'выделяться, быть видимым' с показателем отрицания и одним из двух локативных префиксов: *q^we*- 'за, сзади' (29) или *хе*- 'среди' (30).

- (28) *Тхышъхъэ мэз кьогъум зыкъозгъэбылтыхъэгъэхэ чылэхэм яхъэ хьакъу макъэхэр загъорэ кьэIу.*
 txə-šhe mez q^wəv^wə-m **zə-q^w-e-z-вeбэлэ-хе-ве-хе**
 холм-голова лес угол-OBL REL.IO-DIR-DYN-RFL.ERG-прятать-ILLAT-PST-PL
 č'əle-хе-м ja-he haq^w maqe-хе-г зак^were qe-ʔ^wə.
 аул-PL-OBL 3PL.IO+POSS-собака лай голос-PL-ABS иногда DIR-распространяться
 'Иногда раздается собачий лай из аулов, спрятавшихся за лесом на вершине холма'.
 (корпус: Джасус МэшбацIэ Исхъэкъ 2011)

глагол *wəχ^wәте*-. Согласно [Берсиров 2001: 119–120], он имеет тот же корень, что *tjex^we*- ‘покрывать, накрывать’. В современном языке основа *wəχ^wәте*- употребляется, прежде всего, в значении ‘беречь, защищать’ (33), а в сочетании с локативом *ǰе*- ‘под’ дает значение ‘скрыть, спрятать’ (34). В основном это значение реализуется в конструкциях с неодушевленным субъектом, как в (34), однако сочетания с одушевленным агенсом, по-видимому, тоже допустимы, см. (35).

- (33) *Хэгъэгоу зэрысхэм къыныгъохэр къызыфыккыоклыкIэ зызыушгъэфырэ цIыфхэм ащы-
цхэн, къэзыухъумэцтхэм апэ итых.*

хекег^w-ew ze-гә-s-хе-m qjәnәw^we-хе-г qә-zә-fә-q^we-ǰ’ә-ǰ’e
страна-ADV REL.IO-TRANS-сидеть-PL-OBL беда-PL-ABS DIR-REL.TMP-BEN-LOC-выходить-INS
zә-zә-wәšefә-re ǰәf-хе-m а-š’ә-š’-х-ер,
RFL.ABS-REL.ERG-уаивать-DYN человек-PL-OBL 3PL.IO-LOC-быть_частью-PL-NEG
qе-zә-wəχ^wәте-š’t-хе-m а-ре jә-tә-х.
DIR-REL.ERG-защищать-FUT-PL-OBL 3PL.PO-перед LOC-стоять-PL

‘Они не из тех людей, что скрываются, когда в страну, в которой они живут, приходит беда, они впереди тех, кто будет ее защищать’. (корпус: Адыгэ Макъ 2011)

- (34) *Ау амыгъэунэфыгъэхэ исп унэхэу, Iуашхъэхэу чIыгум чIэухъумагъэхэри бэ мэхъух.*

aw а-мә-ке-wәnefә-ке-хе jәsp wәne-х-ew,
но 3PL.ERG-NEG-CAUS-устанавливать-PST-PL карлик дом-PL-ADV
ʔ^wašhe-х-ew ǰәg^wә-m **ǰе-wəχ^wәте-хе-г-jә** be me-χ^wә-х.
курган-PL-ADV земля-OBL LOC-скрывать-PST-PL-ABS-ADD много DYN-становиться-PL

‘Но и неясного происхождения карликовых домов, курганов, скрытых под землей, много’. (корпус: Адыгэ Макъ 2014)

- (35) *Сурэтыр апчымкIэ чIэсыухъумагъ.*

swәretә-г арǰ’ә-m-ǰ’e **ǰе-sә-wəχ^wәте-в.**
картина-ABS стекло-OBL-INS LOC-1SG.ERG-скрывать-PST

‘Я спрятал картину под стеклом’. (элицитация)

Выше мы говорили о том, что основной глагол прятания *кәбәлә*- в комбинации с локативом *ǰе*- ‘под’ используется в абстрактных контекстах, где локативному префиксу не соответствует никакой актант. Аналогичное явление наблюдается с тем же локативом и корнем *-wəχ^wәте*-, см. (36). Разница, однако, в том, что *-wəχ^wәте*- в значении ‘скрывать, прятать’ в принципе не сочетается ни с какими другими локативами, кроме *ǰе*- ‘под’.

- (36) *Сыда пIомэ сьд цыцми гъэбылгыгъэр кьэлгъэгожьыцт, сьд цыцми чIэухъума-
гъэри кьэнэфэжьыцт.*

sәd-a p^we-me sәd š’ә-š’-m-jә кәбәлә-ке-г
что-Q 2SG.ERG-сказать-COND что LOC-быть_частью-COND-ADD прятать-PST-ABS
qе-лөв^we-ž’ә-š’t, sәd š’ә-š’-m-jә
DIR-показываться(виднеться)-RE-FUT что LOC-быть_частью-COND-ADD
ǰе-wəχ^wәте-хе-г-jә qe-nefe-ž’ә-š’t
LOC-скрывать-PST-ABS-ADD DIR-выясниться-RE-FUT

‘Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, и ничего не бывает скрытого, что не вышло бы наружу’. (корпус: Библия 1991–1992)

Возможны также и случаи, когда при глаголе *ǰе-wəχ^wәте*- ‘ЛОС-скрывать’ участник с ролью конечной точки выражен, но оформлен неканонически: не косвенным, как в (34), а инструментальным падежом, как в (35) и (37). С семантической точки зрения такое оформление этого участника очень естественно и согласуется с гипотезой Б. М. Берсирова [2001: 119–120] о связи глагола *wəχ^wәте*- с семантикой покрывания, накрывания чего-то чем-то. Если для глагола *кәбәлә*- прототипическим способом прятания было перемещение объекта в укромное место, то *wəχ^wәте*-, напротив, предполагает прежде всего перемещение

ориентира, что и делает ориентир инструментом / средством сокрытия объекта. В пользу того, что *wəχ^wəte-* скорее не предполагает перемещения самого скрываемого объекта, косвенно говорит и невозможность присоединить к нему иллативный суффикс *-ha-* ‘внутри’ (ср. примеры (34)–(35), где есть локативный префикс, но нет иллативного суффикса).

(37) *Ибгырыпхи ишхуи ательгыгэ метхэр зэкIэ илуцIэу, саутикIэ чIэхьумагьэу цытыгьэх.*

jə-bgəgərx-jə jə-šxw-jə a-tje-lə-ke mjet-xe-r zeč³e
POSS-ремень-ADD POSS-уздечка-ADD 3PL.IO-LOC-лежать-PST пуговица-PL-ABS весь

š³wəc-ew, sawət-č³e če-wəχ^wəta-**ke-ew** š³ə-tə-ke-x.
черный-ADV чернь-INS LOC-скрывать-PST-ADV LOC-стоять-PST-PL

‘Все пуговицы и на его ремне, и на его уздечке были черные, скрытые под чернью’.
(корпус: Адыгэ Макъ 2017)

Таким образом, глагол *wəχ^wəte-* нельзя назвать собственно глаголом прятания. Вслед за Б. М. Берсировым мы предполагаем, что исходно он был связан с семантикой накрывания чего-либо чем-либо, которая затем трансформировалась в идею уберегания, защиты. Полностью накрытый чем-то объект не только защищен, но и скрыт от посторонних глаз — такая смежность ситуаций позволяет *wəχ^wəte-* в некоторых контекстах сближаться с глаголами прятания (подробнее о семантической смежности см. [Шерстюк, Резникова 2021; Rakhilina et al. (eds.) 2022])⁸. Этим же объясняется и ограниченная сочетаемость *wəχ^wəte-* в значении ‘скрывать’ с локативными префиксами: с его исходной семантикой наиболее естественным образом согласуется именно префикс *če-* ‘под’.

Глагол *wəχ^wəte-* не сочетается также и с маркером малефактива. Логично предположить, что и это морфосинтаксическое ограничение связано с тем, что *wəχ^wəte-* не относится собственно к глаголам прятания и валентности контрагента у него, видимо, нет совсем, как нет ее и у глаголов с семантикой ‘накрывать, покрывать’.

В заключение отметим, что глагол *wəχ^wəte-* воспринимается носителями как книжный и в устной речи почти не употребляется.

3.4. Глагол *wəšefə-* ‘утаивать’

Еще один глагол на периферии зоны прятания — глагол *wəšefə-* ‘утаивать’. Этот глагол отыменной: он образован от существительного *šefə* ‘тайна, секрет’ и передает значение ‘держат что-то в тайне’. Он лексикализует особый способ прятания. В отличие от *wəbələ-*, который предполагает, в первую очередь, физическое перемещение скрываемого объекта (или, в крайнем случае, скрывающего его ориентира) с целью убрать объект из поля зрения, и от *wəχ^wəte-*, значение которого связано с перемещением ориентира с целью защитить объект от внешнего воздействия, *wəšefə-* описывает «пассивное» прятание, а именно — неразглашение информации об объекте, поведение, которое позволяет объекту не выделяться, оставаться неизвестным и незамеченным (38).

(38) — *Зымыухыжь, имам, хэти ыгу илгыр ымыушгьэфымэ нахьышIу.*

zə-mə-wəxə-ž³, jətam, xet-jə ə-g^wə jə-lə-r
RFL.ABS-NEG-заканчивать-RE имам кто-ADD 3SG.P-сердце LOC-лежать-ABS

ə-mə-wəšefə-me nahəš^wə.
3SG.ERG-NEG-скрывать-COND лучший

‘— Побереги себя, имам, лучше, если никто не будет скрывать, что у него на сердце’.
(корпус: Джасус МэшбацIэ Исхьэкъ 2011)

⁸ Согласно [Резникова 2022], связь значений ‘накрывать’ и ‘прятать’ типологически регулярна; классификация HIDE (CONCEAL) — COVER отмечена также в базе CLICS³.

В роли объекта этого глагола чаще выступают обозначения абстрактных сущностей, как в (38), однако так могут скрываться и живые существа: люди (см. глагол ‘утаивать’ в примере (33) выше) или животные (39). В таких случаях глагол описывает особую модель поведения: вести себя тихо, ничем себя не выдавать. Объект при этом, как правило, совпадает с субъектом действия, и глагол оформляется показателем рефлексива.

(39) *Къыблэ лъэныкъом мыбыбыжъыгъэхэ къолэбзыхэм и заушгъэфыжъыгъ.*

qəble lenəq^we-m mə-bəbə-ž'ə-ke-xe q^welebzəwə-xe-m-jə
юг сторона-OBL NEG-лететь-RE-PST-PL птица-PL-OBL-ADD

z-a-wəšefə-ž'ə-к.

RFL.ABS-3PL.ERG-скрывать-RE-PST

‘И птицы, не улетевшие на юг, притаились’. (корпус: Хэхэсхэр МэшбацІэ Исхъэкъ 2016)

Поскольку такой тип прятания не предполагает перемещения объекта, у глагола *wəšefə* нет валентности на конечную точку, и с локативными префиксами он в норме не сочетается. Единственное исключение из этого правила — партитивные контексты, предполагающие, что скрывается не весь объект, а только его часть. В таких случаях глагол оформляется элативным суффиксом *-č'ə-*, сопровождаемым локативным префиксом *xe-* (40). Локатив при этом вводит не конечную точку, а начальную, ср. аналогичную конструкцию и ее подробное обсуждение в разделе 3.2.

(40) *ЗэкІэ мыхъун зекІуакІэу сызэсагъэхэр О уапашъхэ къысэлъхъэх зыпари ахэсымыушгъэфыкІэу.*

zeč'e mə-x^wə-n zjek^wač'-ew sə-ze-sa-ke-xe-r
весь NEG-становиться-POT поступок-ADV 1SG.ABS-REL.IO-привыкать-PST-PL-ABS
we wa-pašhe q-jə-s-e-lhe-x zəpaŋjə
ты 2SG.PO-перед DIR-LOC-1SG.ERG-DYN-класть-PL ничего

a-xe-sə-mə-wəšefə-č'-ew.

3PL.IO-LOC-1SG.ERG-NEG-скрывать-ELAT-ADV

‘Все дурные поступки, к которым я привык, кладу перед Тобой, ничего из них не утаивая’. (корпус: Исус — тэ тинасып Вильгельм Буш 1991)

В отличие от конечной точки, участник с ролью контрагента при глаголе *wəšefə* может быть выражен, и индексируется он так же, как и при глаголе *kebələ* — показателем малефактива:

(41) *Пыштхъуи шІоуушгъэфыцтыгъа?*

p-šəpχ^w-jə š^we-wə-wəšefə-š'tə-к-a?
2SG.P-сестра-ADD MAL-2SG.ERG-скрывать-AUX-PST-Q

‘Ты и от своей сестры это скрывал?’ (корпус: Айцэт МэшбацІэ Исхъэкъ 2009)

3.5. Глагольная форма *хеке^wеč'е-* ‘смешать с чем-то; спрятать объект среди других’

Основное значение глагола *хеке^wеč'е-* — ‘слиться, смешаться (например, о сахаре, который растворился в чае)’. В каузативной форме этот глагол может обозначать соответствующий способ прятания: скрывание объекта среди других, ему подобных (42), смешивание его с фоном, окружающей средой (43). В этом случае мы имеем дело с лексическим выделением, или спецификацией, одного из способов прятания.

- (42) *Марет картыр колодэм хигъэклоклагъ.*
 marjet kartə-ɾ kelwede-m x-jə-ve-kʷeçʷ'a-ɪ.
 Марета карта-ABS колода-OBL LOC-3SG.ERG-CAUS-смешаться-PST
 ‘Марета спрятала карту в колоде’. (элицитация)
- (43) *Гъогоу тызэрыкlorэр осым хигъэклоклагъ.*
 kʷegʷ-ew tə-ze-rə-kʷe-ɾe-ɾ wesə-m x-jə-ve-kʷeçʷ'a-ɪ.
 дорога-ADV 1PL.ABS-REL.IO-TRANS-идти-DYN-ABS снег-OBL LOC-3SG.ERG-CAUS-смешаться-PST
 ‘Дорогу, по которой мы идем, скрыл снег’. (корпус: Адыгэ Макъ 2016)

4. Заключение

Мы рассмотрели способы лексикализации ситуации прятания в адыгейском языке и теперь можем сделать ряд обобщений.

В адыгейском языке выделяется два глагола, которые можно назвать собственно глаголами прятания: *вeбэлэ*- ‘прятать’ и *wəšefə*- ‘утаивать’. Первый из них описывает преимущественно «активное» прятание: физическое перемещение объекта с целью скрыть его от некоторого контрагента. Второй, напротив, обозначает «пассивное» прятание: особую модель поведения, направленную на то, чтобы оставить некоторый физический или абстрактный объект незнанным, незамеченным.

Помимо глаголов, не употребляющихся за пределами зоны прятания, в некоторых контекстах могут использоваться глаголы с другой основной семантикой. Прежде всего, это глагол *wəxʷəte*- ‘беречь, защищать’. Он предположительно восходит к семантике ‘накрыть, покрыть что-либо чем-либо’ и описывает ситуации прятания, в которых объект оказывается скрыт под чем-то (и тем самым защищен). Другой такой глагол — *хe-кʷeçʷ'e*- — имеет основное значение ‘смешиваться, растворяться’ и, оформленный показателем каузатива, обозначает в том числе ситуации, когда объект скрывается среди множества других.

Во введении мы говорили о том, что прятание — это недоспецифицированная зона: прятанием можно называть очень разные действия, объединенные только общей целью. В адыгейском языке такой минимально специфицированной лексемой оказывается глагол *вeбэлэ*- ‘прятать’, профилирующий именно целью, а не тип действия. При этом цель он предполагает весьма конкретную: убрать объект из поля зрения контрагента. Если объект прячут с целью уберечь его от воздействия, используется глагол *wəxʷəte*- ‘беречь, скрывать’; если же его скрывают, чтобы о нем никто не узнал, — *wəšefə*- ‘утаивать’. Тем самым в адыгейском языке наблюдается дистрибутивная система глаголов прятания, в которой базовый глагол ограничен по параметру цели совершения действия.

Интересно при этом, что дополнительная спецификация физического действия, обозначенного глаголом *вeбэлэ*- ‘прятать’, осуществляется с помощью локативных аффиксов. Заведомо не являясь глаголом движения, *вeбэлэ*- может тем не менее оформляться морфологически точно так же, как прототипические глаголы перемещения: локативным префиксом и директивным суффиксом *-ha-* ‘внутри’ (ILLAT). В таких случаях он действительно всегда обозначает прятание объекта путем его перемещения в другое место, а локативный префикс уточняет характеристики этого места (контейнер, ограждение, вещество и т. п.). Отдельно подчеркнем, что общелокативный префикс *šʷə*- подчиняется иным правилам, чем все остальные локативы: не встраивается в конструкцию LOC-*вeбэлэ*-ILLAT и вводит участника с ролью места, а не конечной точки перемещения.

Не все сочетания основы *вeбэлэ*- с локативными аффиксами получают пространственную интерпретацию. Так, например, глагол *вeбэлэ*- способен сочетаться не только

с иллативным суффиксом *-ha-*, но и с элативным *-č'ə-*, хотя в ситуации прятания заведомо отсутствует локативный участник, по направлению от которого могло бы быть направлено действие (теоретически таким участником мог бы быть контрагент, однако он оформляется иначе). Значение суффикса *-č'ə-* в конструкциях LOC-*vebələ*-ELAT смещается в более абстрактную зону, в сторону партитива ('спрятал часть ИЗ объектов').

Несколько неканонически употребляется в сочетании с основой *vebələ-* (а также *wəsefə-*) и показатель малефактива. Если в большинстве случаев он вводит внешнего участника ситуации, в ущерб которому или вопреки воле которого совершается действие, то здесь он маркирует обязательного участника с ролью контрагента, который вполне может быть даже заинтересован в том, чтобы не увидеть объект раньше времени (ср. 'спрятать от детей подарки').

Известно, что аппликативные и директивные показатели в адыгейском языке многозначны [Берсиров 2001: 160–171]. Однако границы и природа их многозначности исследованы не в полной мере. Наша работа показывает, что продуктивнее всего изучать сферу их употребления, принимая во внимание нюансы семантики основы, к которой они прикрепляются. Такое направление исследований многозначности морфологических показателей кажется нам наиболее перспективным.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ABS — абсолютив (падеж / префиксальная серия)	LOC — локативный преверб
ADD — аддитив	MAL — малефактив
ADV — адвербиалис	MOD — модальный суффикс
ASRT — ассертив	NEG — отрицание
AUX — вспомогательная основа	OBL — косвенный падеж
BEN — бенефактив	PL — множественное число
CAUS — каузатив	PO — объект послелога
COND — кондиционалис	POSS — посессив
CONV — конверб	PR — посессор
CS — консекутив	PST — прошедшее время
DAT — датив	Q — вопрос
DIR — директив	RE — рефактив / реверсив
DYN — динамичность	REC — реципрок
ELAT — суффикс с элативным значением	REL — релятив
EMP — эмфаза	RFL — рефлексив
ERG — эргативная серия	SG — единственное число
FUT — будущее время	TMP — темпоральная релятивизация
ILLAT — суффикс с иллативным значением	TRANS — транслативный 'через' / инструментальный аппликатив
INS — инструменталис (падеж)	
IO — непрямой объект (префиксальная серия)	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян 1986 — Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. *Семиотика и информатика*, 1986, 28: 5–33. [Apresjan Yu. D. Deixis in lexicon and grammar and the naïve model of the world. *Semiotika i informatika*, 1986, 28: 5–33.]
- Апресян 2004 — Апресян Ю. Д. Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства. *Русский язык в научном освещении*, 2004, 1: 5–22. [Apresjan Yu. D. Interpretational verbs: semantic structure and properties. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2004, 1: 5–22.]
- Берсиров 2001 — Берсиров Б. М. *Структура и история глагольных основ в адыгских языках*. Майкоп: ГУРИПП Адыгея, 2001. [Bersirov B. M. *Struktura i istoriya glagol'nykh osnov v adygskikh yazykakh* [The structure and the history of verb stems in Circassian]. Maikop: GURIPP Adygeya, 2001.]

- Круглякова 2010 — Круглякова В. А. *Семантика глаголов вращения в типологической перспективе*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2010. [Kruglyakova V. A. *Semantika glagolov vrashcheniya v tipologicheskoi perspektive* [Semantics of rotation verbs in a typological perspective]. Candidate diss. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2010.]
- Кустова 2000 — Кустова Г. И. Предикаты интерпретации: ошибка и нарушение. *Логический анализ языка. Языки этики*. Арутюнова Н. Д., Янко Т. Е., Рябцева Н. К. (отв. ред.). М.: Языки русской культуры, 2000, 125–133. [Kustova G. I. Predicates of interpretation: mistake and violation. *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki etiki*. Arutyunova N. D., Yanko T. E., Ryabtseva N. K. (eds.). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000, 125–133.]
- Летучий 2009 — Летучий А. Б. Аффиксы бенефактива и малефактива: синтаксические особенности и круг употреблений. *Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка*. Тестелец Я. Г. (отв. ред.). М.: Изд-во РГГУ, 2009, 329–371. [Letuchiy A. B. Benefactive and malefactive affixes: syntactic behaviour and range of uses. *Aspekty polisintetizma: ocherki po grammatike adygeiskogo yazyka*. Testelecs Ya. G. (ed.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Press, 2009, 329–371.]
- Майсак, Рахилина (ред.) 2007 — Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.). *Глаголы движения в воде: Лексическая типология*. М.: Индрик, 2007. [Maisak T. A., Rakhilina E. V. (eds.). *Glagoly dvizheniya v vode: Leksicheskaya tipologiya* [The typology of Aquamotion verbs]. Moscow: Indrik, 2007.]
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Рахилина, Резникова 2013 — Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии. *Вопросы языкознания*, 2013, 2: 3–31. [Rakhilina E. V., Reznikova T. I. Frame-based approach to lexical typology. *Voprosy Jazykoznanija*, 2013, 2: 3–31.]
- Резникова 2022 — Резникова Т. И. Глаголы прятания: типология систем. *Вопросы языкознания*, 2022, 4: 66–94 [Reznikova T. I. Verbs of hiding: A typology of systems. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 4: 66–94.]
- Рахилина (сост.) 2015 — Резникова Т. И., Выренкова А. С., Орехов Б. В., Рыжова Д. А. (ред.), Рахилина Е. В. (сост.). *Глаголы звуков животных: Типология метафор*. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Reznikova T. I., Vyrenkova A. S., Orekhov B. V., Ryzhova D. A. (eds.), Rakhilina E. V. (comp.). *Glagoly zvukov zivotnykh: Tipologiya metafor* [Verbs of animal sounds: The typology of metaphors]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]
- Резникова и др. 2020 — Резникова Т. И., Рахилина Е. В., Рыжова Д. А. Глаголы падения в языках мира: фреймы, параметры и типы систем. [Reznikova T. I., Rakhilina E. V., Ryzhova D. A. Verbs of falling in the languages of the world: Frames, parameters, and types of the systems.] *Acta linguistica Petropolitana*, 2020, 1: 9–63.
- Рыжова и др. (ред.) 2018 — Рыжова Д. А., Добрушина Н. Р., Бонч-Осмоловская А. А., Выренкова А. С., Кюсева М. В., Орехов Б. В., Резникова Т. И. (ред.). *ЕВРика! Сб. статей о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной*. М.: Лабиринт, 2018. [Ryzhova D. A., Dobrushina N. R., Bonch-Osmolovskaya A. A., Vyrenkova A. S., Kyuseva M. V., Orekhov B. V., Reznikova T. I. (eds.). *EVRika! Sbornik statei o poiskakh i nakhodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoi* [EVRika! Collected papers on searching and finding in honor of E. V. Rakhilina]. Moscow: Labirint, 2018.]
- Толстая 2013 — Толстая С. М. Семантическая реконструкция и лексическая типология. *Славянское языкознание. Доклады российской делегации*. Молдован А. М., Толстая С. М. (отв. ред.). М.: Индрик, 2013, 141–160. [Tolstaya S. M. Semantic reconstruction and lexical typology. *Slavyanskoe yazykoznanie. Doklady rossiiskoi delegatsii*. Moldovan A. M., Tolstaya S. M. (eds.). Moscow: Indrik, 2013, 141–160.]
- Шерстюк, Резникова 2021 — Шерстюк А. Ю., Резникова Т. И. О семантической непрерывности: поле 'толкать' в славянских языках. *Известия РАН. Серия литературы и языка*, 2021, 80(5): 21–33. [Sherstyuk A. Yu., Reznikova T. I. On semantic continuity: The domain of 'pushing' in Slavic languages. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2021, 80(5): 21–33.]
- Geeraerts 2016 — Geeraerts D. Sense individuation. *The Routledge handbook of semantics*. Riemer N. (ed.). London: Routledge, 2016, 233–247.
- Kuteva et al. 2019 — Kuteva T., Heine B., Hong B., Long H., Narrag H., Rhee S. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2019.
- Paris 1995 — Paris C. Localisation en tcherkesse : forme et substance du referent. *Les préverbes dans les langues d'Europe. Introduction à l'étude de la préverbatton*. Rousseau A. (ed.). Villeneuve d'Ascq: Presses universitaires du Septentrion, 1995, 345–379.

- Rakhilina et al. (eds.) 2022 — Rakhilina E., Reznikova T., Ryzhova D. (eds.). *The typology of physical qualities*. Amsterdam: John Benjamins, 2022.
- Smeets 1984 — Smeets J. *Studies in West Circassian phonology and morphology*. Leiden: The Hakuchi Press, 1984.

Получено / received 16.10.2021

Принято / accepted 29.03.2022

Автономные дистрибутивные конструкции с вопросительно-относительными местоимениями в русском языке

© 2022

Валентина Юрьевна Апресян

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия;
valentina.apresjan@gmail.com

Михаил Вячеславович Копотев

Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндия; mihail.kopotev@helsinki.fi

Аннотация: Работа посвящена одному типу русских дистрибутивных конструкций с двумя вопросительно-относительными местоимениями вида *кто куда, кто о чем, когда как* со значением ‘Разные X характеризуются разными Y’. Мы показываем, что конструкции без правого предиката образуют особую разновидность, отличную от косвенных дистрибутивных вопросов и квазирелятивов по своим семантическим, прагматическим, синтаксическим, сочетаемым и коммуникативным свойствам. Опираясь на корпусные данные, мы показываем исторические механизмы их возникновения и современное употребление, а также описываем самые частотные варианты их реализации. Главный вывод работы состоит в том, что частотность употребления, синтаксические особенности и степень идиоматизации разных вариантов исследуемых конструкций имеют семантические, коммуникативные и прагматические основания.

Ключевые слова: вопросительно-относительные местоимения, дистрибутивная конструкция, корпусная лингвистика, прагматика, русский язык, семантика, фразема

Благодарности: Исследование частично поддержано грантом Министерства науки и высшего образования № 075-15-2020-793 «Компьютерно-лингвистическая платформа нового поколения для цифровой документации русского языка: инфраструктура, ресурсы, научные исследования». Мы благодарим анонимных рецензентов за ценные замечания к черновой версии статьи.

Для цитирования: Апресян В. Ю., Копотев М. В. Автономные дистрибутивные конструкции с вопросительно-относительными местоимениями в русском языке. *Вопросы языкознания*, 2022, 4: 115–142.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.4.115-142

Autonomous bi-pronominal distributive constructions in Russian

Valentina Apresjan

HSE University, Moscow, Russia; Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia; valentina.apresjan@gmail.com

Mikhail Kopotev

University of Helsinki, Helsinki, Finland; mihail.kopotev@helsinki.fi

Abstract: The paper is devoted to one type of Russian distributive constructions with two interrogative pronouns, such as *kto kuda* lit. “who where”, *kto o čem* lit. “who about what”, *kogda kak* lit. “when

how”, which bear the meaning ‘different Xs are characterized by different Ys’. We discovered that the constructions without a predicate in the right context form a special type, which differs both from indirect distributive questions and quasi-relatives in their semantic, pragmatic, syntactic, and communicative properties. Based on corpus data, we show their historical development and modern usage, as well as describe the most frequent lexical variables which fill the construction. The conclusion is that the frequency, syntactic features, and degree of idiomatization have their own semantic, communicative, and pragmatic grounds.

Keywords: corpus linguistics, distributive construction, bi-pronominal, phraseme, pragmatics, Russian, semantics

Acknowledgements: The current research was partly supported by the Ministry of Science and Higher Education grant No. 075-15-2020-793. We thank anonymous reviewers for their valuable comments and suggestions.

For citation: Apresjan V., Kopotev M. Autonomous bi-pronominal distributive constructions in Russian. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 4: 115–142.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.4.115-142

Введение

Статья посвящена русским дистрибутивным конструкциям с вопросительно-относительными местоимениями вида *когда как, кто о чем, кто куда* и т. п.: — *Он тебе помогает? — Когда как; Кто о чем, а Вася о футболе; Разбежались все кто куда*. Статья устроена следующим образом: сначала определяются основания для выделения описываемого нами семейства биместоименных дистрибутивных конструкций в отдельную группу (раздел 1.1), затем исследуются свойства, присущие всему этому семейству (раздел 1.2). В разделах 2.1, 2.2 и 2.3 представлен общий анализ возможных и невозможных реализаций конструкции в свете ее семантических, коммуникативных и прагматических свойств. В разделе 2.4 рассматриваются особенности функционирования наиболее частотных реализаций дистрибутивной конструкции (*кто о чем, кто куда, кому как, когда как, кто где*), в Заключении объясняются причины их высокой представленности в узусе и оформления в качестве отдельных идиоматизированных единиц.

В дескриптивном плане наша работа продолжает исследование Московской семантической школы [Апресян 2005; Apresjan, Iomdin (forthc.)] и использует этот аппарат описания материала. Наша работа также учитывает подход И. А. Мельчука [Mel’čuk 2021], который предлагает классификацию фразем, опирающуюся на несколько оппозиций. В настоящей статье нас будут интересовать единицы, которые И. А. Мельчук определяет как лексические и синтаксические фраземы.

Наша работа отчасти опирается на идеи Грамматики конструкций и «usage-based approach» — подхода, основанного на употреблении, которые не разделяют конструкции на композиционные и некомпозиционные, а предлагают единый формат их описания, учитывающий как частотные, так и не встречающиеся в узусе варианты заполнения слотов конструкции [Stefanowitsch, Gries 2003; Goldberg 2006]. Конструкции могут быть объединены в некоторые семейства, или «радиальные категории» [Lakoff 2008], которые представляют собой связанный недискретный континуум с ядром и периферией.

Русские дистрибутивные конструкции уже попадали в сферу внимания исследователей [Шведова 1998; Кустова 2016; Гордеев 2020; Добровольский, Кустова 2021], однако, насколько нам известно, работ, посвященных собственно корпусному исследованию наиболее фразеологизованной части данного семейства, а именно дистрибутивным конструкциями без правого предиката *Говорили кто о чем, Разъехались кто куда*, нет. В одной из первых работ, посвященных этому феномену [Шведова 1998] данный класс конструкций рассматривается как отдельный, однако упоминаются только те сочетания, которые образованы на основе местоимения *кто* (*кто как, кто куда*). В подробном исследовании

семантических и коммуникативных свойств подобных конструкций [Кустова 2016] дистрибутивы типа *Кто куда* рассматриваются в качестве беспредикатной разновидности биместоименных комплексов (т. н. «изолятов»), в число которых также включаются косвенные вопросы (*Выясни, кто когда приехал*) и квазирелятивы (*Можно взять вещей кто сколько унесет*). В корпусном исследовании [Гордеев 2020] интересующие нас дистрибутивные конструкции без правого предиката также рассматриваются вместе с дистрибутивными косвенными вопросами, хотя автор отличает их от косвенных вопросов с сочинением. Диагностирующим контекстом для различения недистрибутивных и дистрибутивных косвенных вопросов является возможность / невозможность сочинения местоимений: *Он не знал, кто и куда позвонил в тот вечер* (недистрибутивный косвенный вопрос, речь идет об одном референте) vs. **Он не знал, кто и куда попрыгался* (дистрибутивный косвенный вопрос, речь идет о разных референтах). В исследовании на параллельных корпусах [Добровольский, Кустова 2021] детально рассматриваются семантические свойства фразеологизованных дистрибутивов *когда как* и *кто куда*, а также их переводные аналоги в нескольких европейских языках, однако там также не проводится разграничение между изолятами и квазирелятивами и первые рассматриваются как редуцированный вариант вторых.

Однако, как нам представляется, дистрибутивы без правого предиката существенно отличаются и от косвенных дистрибутивных вопросов, и от квазирелятивов своими семантическими, прагматическими, синтаксическими, сочетаемостными и коммуникативными свойствами, в силу чего имеет смысл рассматривать их как отдельное явление. В дальнейшем мы будем называть их дистрибутивами или автономными дистрибутивными конструкциями (АДК), подразумевая под автономностью их способность употребляться без правого предиката или даже в качестве отдельной клаузы.

1. Автономные дистрибутивные конструкции как отдельное семейство конструкций

1.1. Основания для выделения

Синтаксически диагностирующим контекстом для различения дистрибутивных косвенных вопросов и квазирелятивов с одной стороны, и АДК вида *кто куда*, с другой, является употребление предиката или дополнения после местоименного комплекса. Косвенные вопросы вида *Она поняла, что тут откуда (взялось)*, *Я не знаю, что тут чье (из этих вещей)* допускают употребление правого предиката или дополнения, но возможны и с эллипсисом. Квазирелятив **требует** правого предиката: *Можно взять вещей кто сколько унесет*, но не **Можно взять вещей кто сколько*.

Интересующая нас АДК, которая употребляется в качестве ответной реплики или самостоятельного утверждения и является предикативной фраземой со значением разнородного многообразия, **невозможна** с правым предикатом. Она употребляется следующим образом: *Откуда это все взялось? — Что откуда* (разные объекты из разных мест); *Чьи это вещи? — Что чье* (разные вещи принадлежат разным людям); *— Кто сколько взял мороженого? — Кто сколько* (разные люди взяли разное количество). Фразы с правым предикатом или дополнением невозможны или меняют значение на релятивное. Так, нельзя сказать *Откуда это все взялось? — *Что откуда взялось; Что тут чье из этих вещей? — *Что чье из этих вещей; Сколько кто взял мороженого? — *Кто сколько взял мороженого*. Фразы вида *Взяли мороженого кто сколько захотел <кому сколько дали>* имеют другое значение, чем фразы вида *Взяли мороженого кто сколько*. Первая фраза содержит квазирелятивную конструкцию (*Взяли столько, сколько каждый захотел*) и указывает на точное

количество (каждый из X-ов взял столько мороженого, сколько хотел — возможно, все X-ы взяли одинаковое количество). Вторая фраза содержит интересующую нас АДК и имеет смысл разнообразия (все X-ы взяли разное количество).

Просодически дистрибутив также отличается от косвенного вопроса и квазирелятива: по умолчанию в нем акцентно выделяется второе местоимение (*Заплатили кому сколько*). В косвенном вопросе местоимения равноударны (*Не знаю, кому́ сколько заплатить*), а в квазирелятиве — либо равноударны (*Взяли мороженого кто́ сколько захотёл*), либо равно безударны, если ударением выделяется только глагол (*Заплатили кому сколько смогли*). Это полностью подтверждается данными подкорпуса МУРКО в составе НКРЯ: были прослушаны все контексты с дистрибутивами и выборка из 100 примеров для других конструкций.

Косвенные вопросы и квазирелятивы встречаются с самыми разными комбинациями местоимений, сочетаемость автономных дистрибутивов сильно ограничена. Косвенные вопросы и квазирелятивы не идиоматизированы и поэтому могут употребляться применительно к любому количеству объектов больше одного (— *Скажи, что тут чье? — Это мое, а то Петино; Мы с Петей съели мороженого кто сколько захотел*), в то время как АДК подразумевают достаточную многочисленность объектов.

1.2. Свойства автономных дистрибутивных конструкций

Все интересующие нас АДК объединяют некоторые общие свойства, при этом между частотными фразеологизованными реализациями есть и важные различия.

Морфологически для разных реализаций характерна разная степень изменяемости частей — например, для *кто* в составе конструкции *кто как* характерна большая степень свободы (встречаются сочетания *кому как, для кого как, у кого как, кто как*), а в составе конструкции *кто куда* — значительно меньшая (в основном встречается *кто куда*).

Разные реализации имеют также разную степень синтаксической самостоятельности — для некоторых возможно употребление в качестве отдельного высказывания (например, *Кому как*), в качестве рематического адвербиала (*Разъехались кто куда*), в качестве клаузы в составе уступительно-противительного предложения (*Кто о чем, а она о проблемах*). Фразеологизованные частотные сочетания различаются также своими семантическими свойствами: у некоторых общая для всех дистрибутивов семантика разнообразия (*Сидели кто где: кто на полу, кто на диване, кто на подоконнике*) дополняется другими компонентами смысла.

1.2.1. Семантические свойства автономных дистрибутивных конструкций

Общую семантику АДК можно описать следующим образом:

- (1) ‘Разные X характеризуются разными Y; говорящий не знает или не хочет сообщать, какие именно X характеризуются какими именно Y’.

Например, высказывание *Говорили кто о чем* указывает на то, что разные собеседники говорят на разные темы. Поясним второй компонент конструкции — а именно, сознательную или вынужденную неточность сообщения. Дело в том, что более точным и информативным было бы высказывание, в котором сообщается, каким именно X-ам присущи какие именно свойства Y; сама по себе констатация различий с информативной точки зрения является почти трюизмом. Иногда АДК употребляются в качестве некоторой обобщающей единицы перед перечислением таких точных соответствий; в таком случае компонент невозможности или нежелания сообщать точную информацию снимается; ср.:

- (2) *Вернулись в дом, разожгли камин в просторной гостиной и устроились вокруг — кто где: в креслах, на диване, прямо на ковре* [Ирина Безладнова. Дина // «Звезда», 2003]¹.

Однако очень часто при употреблении дистрибутивов никаких уточнений не следует, поскольку говорящий не хочет либо не может их дать:

- (3) *Мои друзья разъехались и исчезли кто где* [Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)].
(Говорящий не знает или не хочет сообщать точную информацию.)
- (4) *Сразу после награждения товарищи по команде накидали в призовой кубок кто сколько* (RuTenTen).
(Точная информация неизвестна.)
- (5) *Взяли дети по луку, прицелились в небеса, бабахнули тетивы и понеслись их стрелы чья куда* (RuTenTen).
(Точная информация неизвестна.)

В качестве X и Y могут выступать любые заполнители: живые существа, объекты, места, направления, моменты времени, количества, способы, цели, причины, признаки и т. п. — т. е. все, что может обозначаться местоимениями. Теоретически возможны любые комбинации, однако, как будет показано ниже, разные сочетания имеют очень разную представленность в узусе в силу различных семантических, коммуникативных и прагматических причин. Как правило, в каждой реализации добавляется некоторая импликатура, позволяющая осмыслить высказывание как информативное. Приведем несколько примеров из корпуса RuTenTen на разные редкие комбинации X и Y (частотные реализации подробно рассматриваются в Разделе 2.4):

- (6) — *А дорого дают за лошадь? — За какую как.*
'За разных лошадей дают разные цены; импликатура: есть много разных лошадей, диапазон цен очень велик и зависит от качества лошади, поэтому вопрос в своем нынешнем виде не имеет однозначного ответа'.
- (7) *Диснейлендовские туры, можно найти со скидкой, обычно входит отель, сама экскурсия и оплата транспорта. Питание где как.*
'В разных местах разное питание; импликатура: питание зависит от тура, может быть плохим'.
- (8) *Каждый месяц перечисляю сумму на книжку, на встречи с пустыми руками не прихожу. И одежда, и книжки, и игрушки. Когда что.*
'В разное время я приношу разные гостинцы; импликатура: подарков много'.

1.2.2. Синтаксические свойства автономных дистрибутивных конструкций

АДК могут выступать в трех синтаксических функциях.

— В качестве предикативной лексической фраземы, обычно занимающей позицию сирконстанта при управляющем глаголе:

- (9) *Станут взрослыми ребята, Разлетятся кто куда* (Ю. Энтин).

¹ Здесь и далее примеры с точной атрибуцией в скобках взяты из [НКРЯ], без точной атрибуции — из RuTenTen или из других источников. Наши собственные примеры приводятся без атрибуции в скобках.

— В качестве самостоятельной клаузы:

- (10) — *Так это же хорошо! — Кому как!* [Коллекция анекдотов: абстрактный анекдот (1970–2000)].

— В составе уступительно-противительной конструкции:

- (11) *Кто куда, а мы в Сберкасса!* (приписывается В. Маяковскому).

Существующие в современном языке конструкции сформировались, по-видимому, в результате синтаксической переинтерпретации (syntactic reanalysis) из косвенно-вопросительных и квазирелятивных конструкций, которые можно найти в письменных древнерусских и среднерусских памятниках. При этом их нельзя назвать полными аналогами современных: во-первых, из-за более слабого формального различения гипо- и паратаксиса [Ройзензон 1961], а во-вторых, из-за более жесткой позиции клитик, включая и местоимения [Зализняк 2017]. Синтаксические структуры, в которых предикат управляет двумя вопросительно-относительными местоимениями, представлены широко, начиная от самых древних текстов вплоть до современных. Приведенный ниже пример (12) включает придаточные клаузы, функционирующие в качестве квазирелятива с подъемом местоимения и постпозицией предиката². Однако конструкция в примере (12) содержит и дистрибутивное значение: ‘разные люди взяли разное’. Вариантом косвенно-вопросительной конструкции является пример (13), в котором включение клаузы «где кто бежит» с помощью сочинительного союза и отличает его от современного косвенного вопроса. Этому примеру в современном языке соответствуют две отчетливо разные конструкции: «Сами не понимали, где кто бежит» (косвенный вопрос) и «Сами не понимали и бежали где кто» (дистрибутив). Таким образом, дистрибутивное значение появляется до формирования собственно дистрибутивной конструкции и четкого разделения конструкций с препозицией местоимений и интересующих нас дистрибутивных конструкций с постпозицией местоимений. Пример (14), относящийся к XIX в., отчетливо сохраняет эту двойственность: значение клаузы «кто куда попал» явно дистрибутивное, тогда как структура конструкции еще сохраняет исходный порядок слов.

- (12) *он пошь Федор или жена ево тот долзь тем крестьянам заплатят и у них взят кто что ъзял (sic!) и отдать ему или женъ ево* [Ф. Голицын. Ф. Голицын Степану Семеновичу (1650–1720)].
- (13) *Тогда же бѣ пополохъ золь по всей земли, и сами не вѣдяху и гдѣ хто бѣжеть.* (Лавр. летопись, 12 в.).
- (14) *Турки кофій не допиши // Трубокъ ихъ не докуривши // Кто куда попалъ.* [П. П. Каверин. Забалканская песнь (1830 г.)].

Собственно АДК, по-видимому, формируются в Новое время. Во всяком случае, первые примеры, по нашим данным, фиксируются в начале XIX в.:

- (15) *Наши все кто куда — кто в Альт-Вассер, кто в Ландек, иные в окрестные деревни дышать свежим воздухом и любоваться картинными видами гор.* [Ф. Н. Глинка. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием отечественной и заграничной войны с 1812 по 1814 год (1812–1817)].

² В текстах, особенно законодательных, встречается множество примеров, в которых эти же местоимения употребляются в функции неопределенных: *А будет кто кого чем обесчестит, и за бесчестие чинити указ* (Соборное уложение 1649 г.), то есть ‘А если кто-то, кого-то, чем-то обесчестит...’. Такие примеры, естественно, не рассматривались. В современном русском литературном языке такие употребления *к*-местоимений являются уходящими или обиходными, так как соответствующую семантическую нишу заняли местоимения на *-нибудь* и *-то*.

Процесс переинтерпретации проходит с разной скоростью и в ряде случаев завершается возникновением АДК, способных употребляться самостоятельно (пример 16). Примерно в это же время возникает возможность их употребления в составе уступительно-противительной конструкции (17).

- (16) — *Без чего нельзя?* — *Да без того, чтобы не копить.* — *Ну, это кому как. Одному нельзя не копить, а другому нельзя не пропить* [В. А. Слепцов. Трудное время (1865)].
- (17) *Кто где, а наш мудрец все со зверьми;*
С скотами для него жить лучше, чем с людьми.
 [А. Н. Нахимов. Зверинец (1805–1814)].

Итак, древнерусский синтаксис допускает использование вложенных относительных клауз с двумя относительными местоимениями и постпозицией предиката, которые способны выражать, среди прочих, и дистрибутивное значение. С течением времени развивается возможность переинтерпретации вложенной клаузы в несентенциальную зависимую вершинной клаузы, которая закрепляется в постпозиции к глагольной вершине и выражает дистрибутивное значение. В отдельных случаях возникают независимые от левого контекста лексикализованные употребления, которые, наконец, получают возможность присоединять уступительно-противительную конструкцию в правом контексте.

1.2.3. Коммуникативные свойства автономных дистрибутивных конструкций

Коммуникативные особенности АДК неоднородны и зависят прежде всего от синтаксических вариантов, рассмотренных выше. Так, в примерах типа (9) *разлетятся кто куда*, где АДК выступает в роли сирконстанта, эта конструкция в целом выступает в роли ремы, причем рематическая позиция второго элемента дополнительно поддержана ее размещением в конце клаузы. Заметим, что местоимение *кто* выражает субъект и может быть определено как «вторичная тема» («secondary topic» [Vallduví 1990; Nikolaeva 2001]). Это, однако, не продвигает АДК в тематическую позицию, потому что коммуникативная функция первого элемента АДК — дублирование кореферентного субъекта клаузы: *Ребята₁ разлетятся кто, куда*, тогда как новая информация содержится во втором элементе.

В примерах типа (10) *Кому как, Что где* АДК выступает в качестве отдельной клаузы в ответной реплике диалога. При изменении синтаксической структуры эти единицы семантически близки первой группе: первый элемент АДК кореферентен и формально согласован с субъектом предшествующей клаузы. Однако коммуникативно этот тип употреблений отличается от сирконстантного, поскольку новая информация содержится во втором элементе, а не во всей конструкции. При употреблении в качестве отдельного высказывания дистрибутиву часто предшествует вопрос, ответом на который он является:

- (18) — *Ну, и с кем разговаривали твои одноклассницы на вечеринке?*
 — *Кто с кем* ('Разные одноклассницы с разными собеседниками');
- (19) — *Где ты положил новые инструменты?*
 — *Что где* ('Разные инструменты в разных местах').

Ремой в вопросе является то *к*-местоимение, которое стоит вторым в дистрибутиве (*с кем* и *где* в наших примерах). Соответственно, первое *к*-слово в дистрибутиве является в таком случае темой и анафорически отсылает к упоминавшемуся в вопросе актанту: *твои одноклассницы* = *кто*; *новые инструменты* = *что*.

Этой коммуникативной особенностью АДК в качестве ответной реплики объясняется невозможность перестановки элементов дистрибутива. Если на вопрос *Куда они ушли?* дать ответ **Куда кто*, это будет нарушением заданной коммуникативной структуры.

В этом смысле дистрибутивы не отличаются от обычных ответов на специальные вопросы: если бы на вопрос *Куда ушла Маша?* мы бы ответили не *Маша ушла в кино*, а *В кино ушла Маша*, то такая фраза нарушала бы коммуникативные законы русского языка и требовала бы как минимум акцентного выделения *в кино*, чтобы сохранить рематический статус данного элемента. В дистрибутивах такое акцентное выделение невозможно.

Невозможность перестановки элементов характерна для актантных дистрибутивов, которые представляют собой пропозицию с темой и ремой, вида *что где, кто куда, с кем о чем*. Сирконстантные дистрибутивы имеют менее фиксированный порядок слов, поскольку в некоторых контекстах они представляют собой единое, коммуникативно нечленимое целое. Их употребление может провоцироваться не специальным, а общим вопросом или же невопросительной репликой, при которых ответу не навязывается заранее заданная коммуникативная структура; ср. — *Он тебе помогает? — Когда как <как когда>*; — *Ой, как хорошо! — Ну это кому как <как кому>*. Такого рода инверсия особенно характерна для чисто сирконстантного дистрибутива *когда как* (оба слота заняты сирконстантными *к*-словами).

В примерах типа (11) *Кто куда, а мы в Сберкассе!* конструкция приобретает новую коммуникативную специфику. Местоимение *кто* в этом случае всегда стоит в той же форме, что и субъект следующей клаузы (ср. *Кому куда, а мне в Сберкассе*). Такой вариант употребления можно считать своеобразной клефт-конструкцией с вынесенной сложной ремой, основная коммуникативная функция которой — эмфаза связанных элементов во второй клаузе.

Напомним, что клефт-конструкциями в английском языке называют предложения типа *What I need is an apple* или *It is John whom I saw*. Согласно определению, данному К. Ламбрехтом,

[a] CLEFT CONSTRUCTION (CC) is a complex sentence structure consisting of a matrix clause headed by a copula and a relative or relative-like clause whose relativized argument is co-indexed with the predicative argument of the copula. Taken together, the matrix and the relative express a logically simple proposition, which can also be expressed in the form of a single clause without a change in truth conditions [Lambrecht 2001: 466].

Русские АДК обладают схожими свойствами:

- наличие двуклаузной структуры с одной простой пропозицией,
- связь *к*-элемента с актантами предиката.

Единственное формальное отличие от английских конструкций заключается в том, что русские не содержат обязательного связочного предиката. Отметим, однако, что использование связок в русском и английском языках вообще существенно различается, и мы не первые, кто не учитывает связочный компонент в качестве элемента русских клефт-конструкций (см., например, [Verbuk 2005]). Гораздо важнее то, что рассматриваемые конструкции выполняют ту же коммуникативную роль в информационной структуре высказывания: первая клауза содержит эмфазу, в фокусе которой элементы, отсылающие ко второй клаузе. В то же время дистрибутив, находящийся в фокусе, обладает особенностями, которые Т. Е. Янко называет «сложной ремой».

Дефолтная стратегия выбора акцентоносителя, сформулированная Т. Е. Янко [2001: 72], заключается в следующем: «...если в предложении несколько актантов, то акцентоноситель — “последний” из них». Таким образом создается эмфатическое выделение одной ремы, в которой акценты распределяются в соответствии с общей иерархией. В соответствии с этой иерархией в простом предложении, содержащем ту же пропозицию, что и исследуемые конструкции, рематической частью является второй актант, вынесенный в конец высказывания: *Монах подстерег девку* (пример из [Янко 2001: 83]). Создание сложной ремы возможно как с помощью расстановки акцентов: *Подстерег ↗монах девку↘* [Там же], так и с помощью конструкции с вынесенным дистрибутивом: *↗Кто кого↘,*

а монах подстерег девку. При этом конструкция с выносом *кто кого* создает пресуппозицию множественных субъектов и объектов, т. е. фраза подразумевает, что существуют не-монахи, которые подстерегли не девок, а кого-то еще.

Коммуникативно-синтаксическая структура дистрибутивов, а также их семантика определяют наиболее и наименее частотные реализации этой конструкции, которые мы опишем в следующем разделе.

2. Функционирование автономных дистрибутивных конструкций

2.1. Методы и материалы

Пилотный материал для исследования собирался в основном корпусе НКРЯ (около 337 миллионов токенов) и вошел в статью [В. Апресян, Копотев 2021]. Однако быстро выяснилось, что его недостаточно для полного описания. По этой причине в данной статье мы решили опираться на корпус RuTenTen2011 (доступный на ресурсе Sketch Engine) общим объемом около 18 миллиардов токенов. Из корпуса были автоматически собраны все комбинации пар местоимений *кто, что, как, где, когда, куда, откуда, зачем, почему, сколько, какой, который, чей* — даже если они представлялись заведомо невозможными. Запрос включал леммы местоимений в контактной или дистантной позиции (последнее для случаев типа *кто за кем*) и маркеров границ предложения, соединенных оператором | ‘или’, например:

```
[lemma='кто'] [lemma='как'] ([lemma='.''] | [lemma=':''] | [lemma=';''] | [lemma='!'] | [lemma='?''] | [lemma='...']')
```

Собранный материал включал большое количество нерелевантных примеров, поэтому он был проверен *de visu* по следующим правилам: если количество найденных примеров оказывалось меньше 100, все они просматривались; если количество примеров оказывалось больше, то 100 случайных примеров просматривались и количество всех найденных уменьшалось на процент исключенных при просмотре. В таблице (с. 124) приведены общие данные о количестве употреблений³.

2.2. Анализ собранного материала

Анализ частотности различных реализаций АДК позволяет выявить очень четкие тенденции. Заметно, что разные местоимения в разной степени допустимы в первом и втором слоте конструкции. В первом слоте наиболее характерно местоимение *кто*: оно встречается в сочетании со всеми остальными местоимениями во втором слоте, кроме местоимения *который*. Последнее объясняется тем, что в вопросительной функции местоимение *который* выходит из употребления, сохраняется только функция относительного союзного слова; ср. странность [?]*Попали который куда*, при большей естественности *Попали какой куда*.

Во втором слоте доминируют другие местоимения. Это, в первую очередь, *куда, как* и *что*. На пересечении этих двух иерархий находятся самые частые сочетания — *кто куда, кто как*,

³ Собраны, но не приводятся в таблице все возможные сочетания падежных и предложно-падежных форм для местоимений *кто* и *что*. Все собранные данные можно найти на странице <https://zenodo.org/record/6563270>.

Таблица

Частотность АДК по данным RuTenTen

	кто	что	какой	откуда	где	чей	как	куда	когда	сколько	почему	зачем	который
кто	35	1297	83	77	656	0	5136	5714	10	37	2	28	0
что	3	0	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0	0
какой	0	1	0	0	2	0	10	5	0	0	0	0	0
где	2	19	0	0	0	0	228	0	0	1	0	0	0
который	0	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
как	29	0	0	1	0	0	0	0	166	0	0	0	0
когда	8	22	5	0	8	0	1564	0	0	0	0	0	0
откуда	0	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
куда	5	5	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
чей	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
почему	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
зачем	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
сколько	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

кто о чем и т. д. Чтобы объяснить, чем мотивируется сочетаемость первого и второго слотов конструкции, рассмотрим сначала самые общие семантические, прагматические и коммуникативные факторы, влияющие на заполнение АДК. В следующем разделе мы проанализируем некоторые более конкретные причины, определяющие частотность той или иной реализации.

Прежде всего, важна семантика. Напомним общее значение АДК: ‘Разные X характеризуются разными Y; говорящий не знает или не хочет сообщать, какие именно X характеризуются какими именно Y’. Таким образом, важное семантическое требование к первому слоту — дискретность: лучше всего с ним сочетаются те местоимения, которые указывают на дискретные, дифференцируемые сущности. Очевидно, такими являются объекты, причем существа в первую очередь; среди неодушевленных сущностей (т. е. референтов местоимения *что*) не всегда можно вычленить дискретные составляющие (ср. вещества, совокупности и пр.). Таким образом, местоимение *кто* по семантическим параметрам опережает остальные в роли заполнителя первого слота. Это поддерживается и коммуникативно: очень часто наименования существ являются в предложении подлежащим и темой — что соответствует коммуникативной функции первого слота АДК.

Другие относительно частотные заполнители этого слота — местоимения *когда* и *где*. Это также объясняется сочетанием их семантических и коммуникативных особенностей. Разные моменты времени и разные местоположения тоже можно легко представить дискретно и, более того, указание на время и место часто является в высказывании темой. Важно именно сочетание этих семантических и коммуникативных факторов: так, местоимение *что* относительно редко заполняет собой первый слот (хотя в целом соответствует семантическому требованию дискретности), поскольку часто выступает не в функции подлежащего, а в роли дополнений, которые тяготеют к рематической части высказывания.

Ко второму слоту конструкции предъявляются другие семантические и коммуникативные требования. Второй слот выражает идею разнообразия и является ремой. Идеальные заполнители этого слота — *как*, *куда* и *что*. Это связано с тем, что способ (выражаемый *как*), направление (выражаемое *куда*) и пациенс / тема / инструмент и т. п. (выражаемые *что*) могут легко варьироваться для разных агентов или для разных случаев осуществления ситуации. Кроме того, выражения способа, направления и неглавного участника ситуации, как правило, входят в ремю высказывания.

Наконец, важно сочетание первого и второго слотов конструкции. Они должны соответствовать какой-то ситуации, в которой естественным образом имеется большое количество участников или аспектов, которым присущи разные характеристики. Некоторые сочетания естественны — например, движение разных участников ситуации в разных направлениях (*кто куда*), расположение разных участников ситуации в разных местах (*кто где*), получение разными участниками ситуации разного количества ресурса (*кому сколько*). Некоторые же сочетания не соответствуют никаким часто возникающим ситуациям — например, сочетание направления и принадлежности *откуда чей* (^{??}*Собаки прибежали откуда чьи* ‘Собаки разных хозяев прибежали из разных мест’), сочетание местоположения и причины *где почему* (^{??}*Они живут где почему* ‘Люди живут в разных местах по разным причинам’) и многие другие. Этот контраст семантической приемлемости и узуальной нечастотности нуждается в дополнительном исследовании. Мы можем предположить, что в составе АДК легче сочетаются два местоимения, которые можно интерпретировать как актанты или сильные сирконстанты левого предиката, поскольку они поддержаны семантикой этого предиката. Употребление слабых сирконстантов по этой же причине менее приемлемо.

Таким образом, заполнение АДК регулируется ее семантическими особенностями, а также общими семантическими и коммуникативными тенденциями русского языка. Кроме того, на реализацию конструкции влияют и общие прагматические принципы коммуникации, а именно, максима информативности Грайса [Grice 1975].

Именно в силу своей информативности или неинформативности те или иные реализации частотны или, наоборот, не встречаются, несмотря на свою потенциальную возможность. Дело в том, что сама АДК в некотором смысле малоинформативна — и в качестве ответа на вопрос, и в качестве сообщения. Ее значение (см. выше) в принципе можно считать почти риторическим. Во многих ситуациях естественно ожидать, что разные участники имеют разные характеристики и сообщение об этом, без уточнения конкретных деталей, практически не добавляет информации.

Вопрос же на подобную тему звучит намного естественнее. Поэтому для косвенных вопросов с двумя местоимениями сочетаемость ограничена намного мягче; примеры встречаются практически на любую пару местоимений: ср. естественные косвенные вопросы *Не понимаю, где здесь чьи ботинки*, *Скажи, сколько чего класть в пирог* и странные, неинформативные ответы на них ^{??}*Где чьи* ‘В разных местах ботинки разных людей’, ^{??}*Сколько чего* ‘Разные ингредиенты нужно класть в разном количестве’. Даже в качестве самостоятельных сообщений многие сочетания малоинформативны и маловероятны; ср. странность ^{??}*Положила в пирог сколько чего* ‘Я положила в пирог разное количество разных ингредиентов’. Трудно представить себе ситуацию, в которой человек считает необходимым сообщить, что в пирог разные ингредиенты вошли в разном количестве (это и так очевидно), но при этом не может или не хочет сообщить, какие именно ингредиенты в каком количестве требуются. Таким образом, многие из семантически и коммуникативно допустимых сочетаний не проходят прагматический «фильтр», т. к. не являются информативными.

В каких же ситуациях АДК все же являются информативными? Очевидно, в таких, когда незнание говорящим точных данных естественно, либо же сообщение о многочисленности объектов и присущих им характеристик несет какую-то дополнительную прагматическую нагрузку. Это же происходит и в ситуации, когда разнообразие объектов, с одной стороны, достаточно велико, а с другой, — несущественно для основной коммуникативной задачи. Например, при одновременном движении людей в разных направлениях вполне естественно не знать, где в итоге оказался каждый — за этим может быть трудно уследить. Соответствующее этой ситуации сочетание *кто куда* является вполне информативным (хотя и до некоторой степени риторическим), поскольку указывает, как правило, на многочисленность людей, разнообразие и разбросанность их результирующих местоположений или на невозможность точно указать в этом многообразии каждую пару «человек — направление»: *попятались кто куда, разъехались кто куда*. В соответствии

с этой логикой, в некоторых редких случаях АДК могут связываться не два, а три местоимения — с сохранением общей идеи не поддающегося точному исчислению и несколько хаотичного разнообразия или многообразия; ср. пример из RuTenTen:

(20) *В Рижском порту скупали тысячами кубов сырую доску (...) и корабликами в Лондон, Египет короче кому куда чего.*

‘Разным получателям отправлялись в разные места разные грузы’.

Прагматическая функция каждого частотного сочетания анализируется ниже, с указанием сдвигов, вызванных лексикализацией, и причин, по которым именно данное сочетание является частотным.

2.3. Реализация и функционирование автономных дистрибутивных конструкций

Сам факт того, что из огромного числа возможных лексических реализаций какой-то конструкции частотны обычно только несколько, и они же могут оформляться в самостоятельные, часто идиоматизированные единицы, известен давно (см, например, [Stefanowitsch, Gries 2003; Плунгян, Рахилина 2014; В. Апресян 2017; Добровольский и др. 2019]). Мы уже неоднократно отмечали неравную частотную представленность подобных сочетаний (см. таблицу). Хотя единичные примеры находятся на очень многие сочетания, основная масса употреблений приходится на несколько частотных комбинаций. В этом смысле можно говорить о **коллострукциях** — т. е. конструкциях с определенным лексическим заполнением слотов [Stefanowitsch, Gries 2003]. В этой части работы мы более детально остановимся на некоторых, наиболее частотных, реализациях АДК. Мы начнем с комментариев, релевантных для функционирования разных реализаций, и продолжим подробным анализом шести самых частотных единиц: *кто куда*, *кто где*, *кто о чем*, *кому что*, *кто как* и *когда как*.

2.3.1. Общие замечания о частотных реализациях АДК

В этой части мы продолжим общий анализ причин, по которым одни реализации конструкции частотны, а другие потенциально возможные реализации практически не встречаются. Например, комбинации *кто о чем*, *кто куда*, *кто где* очень частотны, *кто какой*, *кто откуда*, *кто сколько* вполне допустимы, *кто кому*, *кто чей*, *кто когда*, *кто зачем* и *кто почему* очень редки, *где какой* и *куда сколько* практически не встречаются, а **почему который* или **зачем почему* невозможны. Это связано, помимо уже упоминавшихся выше факторов общелингвистического характера, с некоторыми весьма конкретными семантическими и прагматическими причинами.

Семантически дистрибутивы возможны с теми предикатами, которые имеют как минимум два актанта или сирконстанта, допускающих множественность: *разговаривают кто о чем* (множественность агентов и тем), *расходятся кто куда* (множественность агентов и направлений), *приехали кто откуда* (множественность агентов и начальных точек), *пожертвовали на благотворительность кто сколько* (множественность агентов и количеств), *приехали кто зачем* (множественность агентов и причин). Если предикат не имеет достаточного количества актантов, может употребляться множественный сирконстант: — *Кто здесь работает?* — *Когда кто* (‘в разное время разные люди’). При этом часть актантов и/или сирконстантов (например, субъектный актант, сирконстант со значением места и времени) представлены для большого числа предикатов, а часть — встречаются вместе гораздо реже (например, сирконстанты со значением принадлежности и причины).

Соответственно, дистрибутивы вида *кто где, кто когда, когда где* употребительны, а *чей зачем* — нет.

Кроме того, реализация конструкции ограничена прагматически. Далеко не все семантически возможные комбинации прагматически правдоподобны. Так, например, обозначение множественности субъектов и их локализаций (*кто где*) более востребовано, чем обозначение множественности субъектов и целей (*кто зачем*) и тем более, чем обозначение множественности целей и причин (**зачем почему*). Кроме того, даже субъектные актанты неравноценны в своем отношении к дистрибутивной конструкции. Так, обозначение множественных субъектов и локализаций (*сидели кто где*) прагматически более естественно, чем обозначение множественных экспериенцеров и стимулов (*горевали кто о чем*).

Помимо частотности тех или иных местоимений в каждом из слотов, возможные реализации АДК различаются и некоторыми другими особенностями, которые также имеют семантическую или прагматическую мотивацию. Так, семантически мотивировано употребление предиката и его зависимых в формах множественного числа, а также более тонкое предпочтение форм несовершенного вида, способного выражать многократность действия. При наличии эксплицитного множественного числа в высказывании возможен совершенный вид глагола: *Прочитали кто что* 'Разные люди прочитали разные книги'. Однако если явный маркер множественности отсутствует, требуется употребление несовершенного вида, позволяющего внести идею множественности через значение узуальности: ср. *Он читает когда что* ('В разные моменты времени он читает разные книги'), но не **Он прочитал когда что* ('В разные моменты времени он прочитал разные книги').

Так или иначе, в конкретном высказывании обычно присутствует какой-либо «триггер дистрибутивности», например, многоактантный предикат, морфологические формы множественного числа, формы несовершенного вида и т. п. Так, в примере (21) таких триггеров несколько. Предикат *разбредаться* предполагает, что действие совершалось разными людьми, форма числа указывает на множество субъектов действия, а форма несовершенного вида — на его повторяемость.

- (21) *Здесь бездомные грелись в холодную погоду, устраивались на ночь. Это была обычная картина. Милиция их не тревожила, и утром они разбредались кто куда* [Валентин Бережков. Рядом со Сталиным (1971–1998)].

2.3.2. Самые частотные реализации автономных дистрибутивных конструкций

Рассмотрим сначала конструкции с *кто*, так как они составляют четыре из шести наиболее частотных дистрибутивных фразем. Это конструкции *кто куда, кто где, кому что, кто как* и *кто о чем*. Для каждой из них характерна своя семантическая сочетаемость, т. е. класс вершинных предикатов, которые могут ею управлять (предикаты могут быть выражены эксплицитно либо подразумеваться самой конструкцией).

Кто куда

Общая встречаемость этого варианта АДК в корпусе RuTenTen составляет 5714 вхождений, что превышает частоту употребления всех других дистрибутивов. Львиная доля приходится на реализацию с номинативом; встречаются лишь отдельные употребления в формах косвенных падежей.

Частотности реализаций АДК *кто куда* отражают семантические роли, характерные для местоимения *кто* в составе семантической структуры глаголов со значением перемещения, которые данный дистрибутив «обслуживает». Это в первую очередь роль агенса

(самостоятельное перемещение) и во вторую очередь роль пациенса (каузированное перемещение).

Синтаксически в современном языке *кто куда* обычно употребляется как релятивный адвербиал, заполняющий валентность цели (конечной точки) у предикатов со значением перемещения:

- (22) *Все, конечно, вылетели тогда из рубки кто куда, а я заполз под диван в штурманской* [Виктор Конецкий. Вчерашние заботы (1979)].

Хотя в основном употребляется реализация *кто куда*, встречаются отдельные примеры с реализациями местоимения *кто* в других падежах:

- (23) *Советских ученых распределили кого куда. Зубра — в Уральский филиал Академии наук и дали ему право отобрать себе группу* [Даниил Гранин. Зубр (1987)].

- (24) *Развод — это как в армии: когда каждая получает задание — кому куда* [Татьяна Моспан. Подиум (2000)].

Иногда *кто куда* функционирует в качестве самостоятельной клаузы в уступительно-противительных предложениях, однако такие примеры единичны — в подавляющем большинстве случаев *кто куда* синтаксически ведет себя как адвербиал. В качестве клаузы в составе уступительно-противительной конструкции *кто куда* часто употребляется в составе шутливой лексической фраземы *Кто куда, а я в сберкассе*, которая восходит к рекламному лозунгу, приписываемому Маяковскому и иллюстрированному Родченко в одном из первых советских рекламных плакатов. В современном языке она указывает на нежелание отвечать на вопрос или участвовать в чем-либо:

- (25) *Кто куда, а я в сберкассе, — невежливо ответил Кот, давая понять, что не всегда прилично спрашивать, куда и по какой причине направляется человек или кот* [В. А. Каверин. Верлиока (1981)].

- (26) — *Ну, ребята, кто куда, а я в сберкассе, — надо в деревню сходить* [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)].

Как показывает анализ триграмм в НКРЯ по запросу «V + lemma *кто* + *куда*» на расстоянии 1 перед знаком препинания, наиболее характерный левый контекст для адвербиала *кто куда* — это предикаты на раз- (*разбежаться, разбрестись, развехаться, разойтись*), а также другие предикаты со значением движения в разных направлениях (типа *брызнуть, сыпануть*):

- (27) *Тем самым главный практический вопрос был решен, все допили чай и разошлись кто куда* [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)].

- (28) «*Банде-ээра-аа!*» — *завопил кто-то в темноте, и безоружное воинство брызнуло кто куда* [Виктор Астафьев. Пролетный гусь (2000)].

В них инкорпорировано указание на множественность субъекта (требуется подлежащее, выраженное существительным во множественном числе или собирательным существительным) и, соответственно, множественность направлений движения, т. е. эти предикаты семантически дублируют дистрибутивное значение фраземы. Однако и в тех случаях, когда адвербиал *кто куда* сочетается с другими предикатами (*попрятаться, уехать, кинуться, броситься, пойти*), действие предполагает не просто множественность (как отмечается в работе [Добровольский, Кустова 2021]), а многочисленность, то есть наличие достаточно большого количества субъектов, заведомого большего, чем два-три:

- (29) *Над Черновом все еще кружилась «рама», высматривала, зараза, и деревня как вымерла, попрятались все кто куда* [Вячеслав Кондратьев. Сашка (1979)].

Употребления применительно к небольшому количеству субъектов нехарактерны, ср. необычность примера (30), где речь идет о двух людях:

- (30) *Дедовых близнецов никто в этом смысле в расчет не принимал; они, живя в Доме, нимало не способствовали его благополучию, а потом и вовсе разъехались — кто куда. Точнее, один из них давно сидел в тюрьме за растрату — другой жил на содержании у деловых женщин в городе Анапе* [Марина Палей. Поминование (1987)].

Это связано с тем, что сочетание *кто куда* указывает не просто на движение множественных субъектов в разных направлениях, но и на невозможность или нежелание устанавливать и перечислять все результирующие местоположения. В случае наличия всего лишь двух субъектов установить, куда они переместились, существенно проще, равно как и не представляет труда назвать такое небольшое количество целей, поэтому употребление *кто куда* применительно к двум субъектам прагматически неоправданно. *Кто куда* в основном выступает в роли своего рода «обобщающего слова» в ситуациях, когда конкретное перечисление невозможно или нежелательно. По этой же причине *кто куда* редко сопровождается уточнением: в наших данных встречаются лишь единичные примеры вида (31), в основном же *кто куда* — единственное указание на направление в контексте. Важно подчеркнуть, что компонент неопределенности направления включен в семантику фраземы и не снимается полностью даже в примерах типа (31): говорящий в этом случае обозначает только широкие классы объектов, а не дает точный список.

- (31) *Учителя разъехались кто куда — по деревням или в город* [Василь Быков. Болото (2001)].

В каком-то смысле для говорящего неважно, где в результате оказываются многочисленные субъекты перемещения: важно то, что они исчезают из поля его наблюдения или из той точки, на которой сосредоточено внимание в повествовании. По этой причине они предпочтительны с глаголами на *раз-*, которые являются «source-oriented», т. е. профилируют начальную, а не конечную точку. Помимо глаголов на *раз-* и других source-oriented глаголов типа *брызнуть*, сочетание *кто куда* часто встречается в контексте других глаголов, указывающих на временное или постоянное исчезновение из места, где находится говорящий или о котором идет речь:

- (32) *Люди, что по соседству жили, дома свои бросили и попрятались, кто куда!* [Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Привратник (1994)].
- (33) *Поселок-то обеднял, жители стали не те, что прежде, — бывшие владельцы перемерли, сгнули кто куда* [Юрий Трифонов. Обмен (1969)].

Таким образом, сочетание *кто куда* указывает на очень узкий круг ситуаций, что объясняет компактность его предикатной сочетаемости. Ситуация настолько точно определена, что и употребление предиката не является обязательным. Фразема *кто куда* самодостаточна и выражает базовый смысл перемещения. Эту стратегию можно сравнить с эллипсисом глаголов движения в русском и других языках типа *Татьяна в лес; медведь за нею*. Пропуск глагола возможен, потому что зависимая группа выражает ту же идею перемещения, в этом смысле семантика предложения почти не меняется (см. подробнее [Korotev 2015]). В нашем случае сочетание *кто куда* без всякого предиката кодирует перемещение многочисленных субъектов из точки, о которой идет речь, в разных направлениях:

- (34) *Через пять минут влетаем в деревню. (...) Фашисты кто куда...* [А. Н. Толстой. Русский характер (1942–1944)].
- (35) *Но в конечном счете от этого отказались, и «шатлы» продолжают летать и падать, водолазы собирать осколки, а специально обученные дельфины — кто куда* [Анатолий Цирульников. Профессия дельфинер // «Знание — сила», 2003].

Кто где

Вариант *кто где* во многом близок фраземе *кто куда*, хотя встречается значительно реже (656 вхождений в RuTenTen), причем большинство из них приходится на реализацию с номинативом:

- (36) *Еще человек пять-шесть молодых парней сидели кто где* — курили или просто так [Василий Шукшин. Калина красная (1973)].

Однако в наших данных встречаются и примеры с аккумулятивом и генитивом:

- (37) *Дальше самим надо догадываться. «Где, где будут драть?» Кто где! Правильно? Кого на суше, кого на море... шахтеров под землей* [Анатолий Трушкин. 208 избранных страниц (1990–2002)].
- (38) *Бойцы покорно стали раздеваться. Кое-как разделись. У всех перевязки, у кого где* [RuTenTen].

Сочетания с дательным, творительным и предложным падежами в наших данных не встретились. Частотности реализаций *кто где* пропорционально близки к частотностям реализаций дистрибутива *кто куда*. Они отражают семантическую роль, характерную для местоимения *кто* в составе семантической структуры глаголов со значением местоположения, которые в основном «обслуживают» данный дистрибутив, а именно, роль агенса, точнее его местоименного дублера. Роль пациенса у глаголов со значением местоположения отсутствует (в отличие от глаголов перемещения, например, *растащить, разнести, разложить*), что объясняет практически полное отсутствие аккумулятивных реализаций: в единственном встретившемся примере употреблен глагол другого семантического класса.

Близость этого дистрибутива к *кто куда* связана и со вторым компонентом, поскольку семантика места близка семантике направления. Дистрибутив *кто где* сочетается в первую очередь с глаголами со значением местоположения или его изменения, имеющими семантический актанта места, в том числе с глаголами на *раз-*, которые указывают на множественность субъекта; ср. *рассесться кто где, расположиться кто где, разместиться кто где, сидеть кто где, лежать кто где, прикорнуть кто где, пристроиться кто где, ютиться кто где* и т. п.

- (39) *Макс, Алена, Рита, Толик и Митя с Кэт разместились — кто где* [Н. Б. Черных. Слабые, сильные. Часть вторая // «Волга», 2015].
- (40) *Приморские хулиганы ее детства в такие моменты неосязаемыми тенями входили в комнату, рассаживались кто где, закуривали свой «Беломор» и, сдвинув кепки на затылок, начинали набивать монеты об стеночку* [Андрей Геласимов. Рахиль // «Октябрь», 2003].
- (41) *Скоро оказались мы в квартире — хрущевке, приготовленной для нас, обмыли новоселье, сидя кто где, кто как, в основном на газетах, расстеленных на полу* [Виктор Астафьев. Затеси (1999) // «Новый Мир», 2000].
- (42) *Подбежав на место, увидел ужасную картину: бойцы лежали кто где, кричали, зажимая руками кровоточащие раны* [Обоз // «Солдат удачи», 2004.03.10].

Помимо этого, они встречаются с глаголами перемещения, допускающими заполнение валентности цели локативными обстоятельствами: *завалиться кто где, свалиться кто где, исчезнуть кто где*:

- (43) (= 3) *Мои друзья разъехались и исчезли кто где* [Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)].

Наконец, они сочетаются с глаголами, для которых место является сирконстантом:

- (44) *Родились они кто где, но в одно время* [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001].
- (45) *Эта тихая, длинная старуха с несчастной судьбой — все ее близкие, муж и дети, погибли кто где* [Ю. В. Трифонов. Долгое прощание (1971)].

Интересно, что для *кто куда* последнее употребление нехарактерно: цель, в отличие от места, не функционирует в качестве сирконстанта, в то время как место часто является сирконстантом. Это связано с тем, что время и место есть практически у любой динамической ситуации (ср. *Он сейчас прыгает; Она читает в постели*), а направление есть у целенаправленных перемещений (*Он повернул налево*) и переносных производных (*Время повернуло вспять, Дорога повернула налево*).

В целом *кто где*, как и другие дистрибутивы, выражает идею разнообразия; ср. пример (44), в котором разнообразие и многочисленность мест рождения противопоставлены единому времени рождения.

Синтаксически *кто где* представляет собой рематический адвербиал либо с выраженным левым предикатом (как в примерах выше), либо, намного реже, с эллиптированным глаголом *быть* в значении ‘находиться’; ср.:

- (46) *Драматический театр имени Янки Купалы с начала месяца на гастролях в Одессе, артисты театра оперы и балета — кто где, многие уехали в Крым, кто-то отправился в Прибалтику* [Д. Зыкова. Четыре дня сорок первого // «Наука и жизнь», 2008].
- (47) *Все мои кто где, на Каме, в Ташкенте, под Челябинском* [Сергей Есин. Марбург (2005)].

Как и *кто куда*, фразема *кто где* без предиката самодостаточна; она опирается на базовый смысл местонахождения и однозначно интерпретируется в значении ‘Разные люди находятся в разных местах’.

В качестве первой клаузы уступительно-противительного предложения *кто где* в НКРЯ не встретилось, т. е. фразы вида *Кто где, а я на диване*, по-видимому, не употребительны.

Кому что

Сочетание местоимений *кто* и *что* в дистрибутивной функции реализуется в разных вариантах: *кто в чем, кто во что, кому что* и других (всего 1297 вхождений в RuTenTen). Из них самыми частотными и самыми устойчивыми являются сочетания *кому что* (498 вхождений) и *кто о чем* (151 вхождение). Рассмотрим сначала *кому что*.

Морфологически второму элементу этой реализации свойственна небольшая вариативность — в разговорной речи аккузатив *что* может заменяться генитивом *чего*:

- (48) *Кому чего, а старикам дай только на Татьянин день оттопыриться по полной программе* [Александр Мешков. Не бойтесь оскорбить сантехника рублем // Комсомольская правда, 2002.02.04].

Синтаксически для сочетания *кому что* возможны разные реализации — рематический адвербиал (49), самостоятельное высказывание (50) или первая клауза уступительно-противительного предложения (51):

- (49) *Эрнест своих девок кликнул, бегают они, разносят кому что — кому пива, кому коктейлей, кому чистого* [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Пикник на обочине (1971)].

(50) *Витамины опять же сильно разнятся. Можно купить сироп облепихи (фирма Веледа делает) как источник вит. С, либо же сухой концентрат из всяких плодов в виде таблеток, либо же синтезированный аналог. Кому что* [Красота, здоровье, отдых: Красота (форум) (2005)].

(51) *Словом, кому что, а курице просо* [А. С. Черняев. Дневник (1984)].

Чаще других встречается реализация в качестве самостоятельного высказывания. В целом сочетание *кому что* лексикализовано в качестве указания на разнообразие объектов, получаемых разными реципиентами и в этом качестве может употребляться с предикатами со значением трансфера (*дать, раздать*), а также их конверсивами *получить, взять* и *достаться*) или без них. В таком употреблении фраза *кому что* имеет чисто дистрибутивное значение; ср. пример (52):

(52) *Олегу Готовскому досталась бас-балалайка, мне — домра, Леве Сорокину — балалайка, кому что* [Герард Васильев. Роли, которые нас выбирают (2002)].

Кроме этого, у *кому что* есть большой круг употреблений, отражающих большую степень лексикализации, в значении ‘Разным людям нравится и подходит разное’ или ‘У разных людей разная судьба’, близком к фраземе *каждому свое*. Такое употребление часто сопровождается оборотом *как говорится*; ср.:

(53) *Вот наш театр, а вот, с другой стороны — развлекательный, бульварный. Как говорится, кому что. Вот я же не пойду на все подряд, а только на то, что мне близко* [Анжелика Заозерская. Алексей Бородин: «Мат на сцене РАМТа не прозвучит никогда» // Труд-7, 2011.03.04].

(54) *Судьба, значит. Кому что... Как говорится, кому сгореть, тот не утонет* [Анатолий Трушкин. 208 избранных страниц (1990–2002)].

Кто о чем

Сочетание *кто о чем* встречается в единственной морфологической реализации первого местоимения — оно всегда стоит в номинативе. Синтаксически возможны разные реализации — рематический адвербиал (55), самостоятельное высказывание (56) или первая клауза уступительно-противительного предложения (57):

(55) *В электричке все галдели кто о чем, молчала только я* [Нонна Мордюкова. Казачка (2005)].

(56) — *Поехали в город. Мне надо цветы полить, а то они погибнут. — Хорошо, — сказал я обреченно. Кто о чем* [Фазиль Искандер. Ночной вагон // «Знамя», 2000].

(57) *Кто о чем, а мамочка о любви* [Л. Н. Разумовская. Французские страсти на подмосковной даче (1990–1999)].

При этом последняя синтаксическая реализация сильно идиоматизирована и встречается обычно в составе поговорки *Кто о чем, а шививый о бане* со смыслом ‘Человек говорит только о том, что его больше всего волнует’.

Семантически разные синтаксические реализации близки, однако имеют некоторые различия, привносимые конструкциями, в которых они употребляются. В принципе сочетание *кто о чем* лексикализовано как указание на разнообразие тем разговора. Хотя конструкция с предложной группой *о чем-л.* может вводить семантическую роль темы у разных классов глаголов, а именно у глаголов речи (*говорить о*), у ментальных предикатов (*знать о, думать о*), у эмотивных предикатов (*жалеть о, горевать о*), у интересующей нас АДК она в подавляющем большинстве случаев указывает именно на речевую

ситуацию. Это касается и реализаций с предикатом, и самостоятельного употребления. Основные предикаты, с которыми сочетается фраза *кто о чем* — это именно речевые глаголы (*говорить, разговаривать, болтать, трепаться, выступать*) и гораздо реже — ментальные, например, в НКРЯ встретилось всего по одному примеру с ментальными глаголами *думать* и *мечтать*:

- (58) *Испуганные гости, стараясь не замечать неприличия, спешно заговорили кто о чем* [И. Грекова. На испытаниях (1967)].
- (59) *Выступают рабочие — кто о чем; так в течение нескольких часов обсуждалось положение* [Д. А. Фурманов. Талка (1925)].
- (60) — *О чем там у вас в Москве думают?* — *спросил он таким тоном, что мне сразу нужно было понять, что продолжать разговор не следует. Но я как-то не въехал и поэтому простодушно ответил: — Кто о чем. — Кто о чем! — завопил он, и «пас-сат» рванул, как пришпоренный* [Виктор Левашов. Заговор патриота (2000)].

Это может быть объяснено прагматическими соображениями. Как отмечалось выше, описываемые дистрибутивы помимо идеи разнообразия могут указывать на неполноту знаний говорящего: ему может быть неизвестно ни точное количество субъектов, ни предципируемые субъектам свойства. Легко представить себе ситуацию, когда множество людей одновременно говорят на разные темы и говорящий не в состоянии за ними уследить и лишь констатирует, что разные люди говорят о разном. Однако труднее представить себе ситуацию, когда одновременно собралось много людей, испытывающих одну и ту же эмоцию, и говорящий сообщает, что у каждого из них она вызвана своей причиной: ср. странность *Горюют кто о чем*. Это связано с тем, что эмоции и мысли гораздо менее наблюдаемы, чем речь. Соответственно, если говорящий знает, что люди горюют, прагматически странно представить, что он не знает причин этого горя (ср. естественность *Горюют каждый о своем*, где степень осведомленности говорящего явно выше)⁴.

В качестве адвербиала *кто о чем* выражает именно смысл тематического разнообразия, который может обогащаться дополнительными прагматическими оттенками в зависимости от контекста — например, идеями разнобоя, разноголосицы, трудности разобрать то, что говорится, и т. п.:

- (61) *Долгое время слышалась разноголосая перекличка, говорили кто о чем* [Сергей Залыгин. Соленая Падь (1967)].
- (62) *Казарма из конца в конец загудела, будто в ней снова окно в живой, звучащий мир открылось, — говорили кто о чем* [Виктор Астафьев. Прокляты и убиты. Книга первая. Чертова яма (1995)].

В составе уступительно-противительной клаузы *кто о чем* используется риторически и полемически — для противопоставления возможного разнообразия тем разговора реально имеющему место однообразию. Эта фраза используется, когда один из участников коммуникации в очередной раз садится на своего любимого конька, вызывая скуку или раздражение у слушающего:

⁴ Интересно, что дистрибутив *каждый о своем* свободно употребляется и тогда, когда речь идет о минимальном для АДК количестве участников — т. е. о двух; ср. пример из «Иосифа и его братьев» Томаса Манна в переводе С. Апта (1991), где речь идет о сестрах Рахили и Лии: «Они сидели рядом, с плащаницей на коленях, и плакали, глядя одна другую. Почему они плакали? Это было их дело. Скажем только, что плакали они каждая о своем». Это связано с существенно большей специфичностью, вносимой местоимениями *каждый* и *свой*; в данном контексте замена на **Плакали они кто о чем* была бы совершенно невозможна.

- (63) — *Кто о чем, а Саша о главном, — перебила толстушка с кукольным румянцем и стрижкой «утро Аллы Пугачевой»* [Макс Неволошин. Уходишь — счастливо, приходишь — привет // «Волга», 2016].

Как самостоятельное высказывание *кто о чем* представляет собой пример эллипсиса (который пунктуационно поддерживается двоеточием или многоточием для передачи соответствующего значения) и в этом качестве может соотноситься с обоими употребленными и выражать либо идею тематического разнообразия (64), либо противопоставление потенциального разнообразия реально имеющему место однообразию (65):

- (64) *По вечерам на берегу Можайского моря устраивали костер и большой общий треп. Главой трепа был Зубр. Он заставлял выступать старых профессоров, докторов и прочих мэтров. Кто о чем: о своих путешествиях, о картинах Рериха, о женской красоте, о стихах Марины Цветаевой* [Даниил Гранин. Зубр (1987)].
- (65) — *Мне бы их годы, полон двор бы скотины навел. — Кто о чем... — укорила его супруга. Но муж не слышал ее* [Борис Екимов. Проснется день... (1997)].

Как и дистрибутивы *кто куда* и *кто где*, фраза *кто о чем* семантически самодостаточна и однозначно задает ситуацию: разные люди говорят на разные темы.

Кто как

Сочетание *кто как* — единственное из частотных реализаций АДК, которое встречается в нескольких частотных вариантах. Общее количество реализаций в RuTenTen по запросу «кто + как» составляет 5136 вхождений. Из них с дативом *кому как* — 2122 вхождения, с генитивом (*для/у/на*) *кого как* — 1781 вхождение, с номинативом *кто как* — 1233 вхождения. Сочетания с винительным единичны, с творительным и предложным падежами не встретились вовсе.

С точки зрения набора семантических ролей распределение связано, по-видимому, с тем, что второй элемент дистрибутива (*как*) не задает никакого четко очерченного семантического класса. Семантика способа, выражаемая *как*, одна из наименее специфичных семантических ролей. Практически любая ситуация, независимо от ее аспектуальных и прочих характеристик, может характеризоваться способом. Более того, способ очень редко бывает актантом — как правило, это сирконстант.

Соответственно, фраза *кто как* может «обслуживать» практически любой семантический класс предикатов. Частотности ее реализаций отражают набор субъектных семантических ролей, в целом характерный для местоимения *кто*: это в первую очередь агенс, выражаемый в русском языке номинативом (*Работают кто как*), а также экспериенцер, выражаемый дативом (*Кому как, а мне не нравится*) и генитивом с *для* (*Для кого как, а для меня это неубедительно*), и наконец, посессор, выражаемый генитивом с *у* (*У кого как, а у меня ничего нет*). Пациенс встречается очень редко (*Он подбадривал их словами, улыбками — кого как*), а другие роли и вовсе не представлены.

Синтаксически разные реализации неоднородны. Сочетание *кто как* может представлять собой рематический адвербиал (примеры (66) и (67)), эллиптированное предложение (68) или первую клаузу уступительно-противительного предложения (69):

- (66) *Одеть кто как — кто в больничном, кто в своем, домашнем* [И. Грекова. Перелом (1987)].
- (67) *Люди тихо переговаривались, заканчивая последние дела, и укладывались кто как: одни под навесами хижин, другие прямо на траве, вповалку, всей семьей* [Михаил Панин. Камикадзе // «Звезда», 2002].

(68) *Как сотрудники спортшколы отнеслись к увольнению Ламзина? Директор пожал плечами. — Кто как. Одни сочувствовали и негодовали, другие радовались открыто* [Александра Маринина. Ангелы на льду не выживают (2014)].

(69) *Не знаю кто как, а я сначала накладываю лак цвета загара, потом крашу кончик белым, а сверху бледно-розовым* [Красота, здоровье, отдых: Красота (форум) (2005)].

Сочетания *кому как* и *у/для кого как* обычно используются в качестве эллиптированных предложений (70) и (71) или первой клаузы уступительно-противительного предложения (72) и (73), причем последнее особенно характерно для сочетания *кому как*.

(70) — *А долго приступ длится? — У кого как. У меня, как видите, нет* [Р. Яров. Горькие слезы // «Химия и жизнь», 1968].

(71) — *Но... но это же скучно! — Кому как* [Татьяна Тронина. Русалка для интимных встреч (2004)].

(72) *А так, как вы, можно долго ныть: не доходит до адресата и прочее. Не знаю, у кого как, а у нас все доходит* [Игорь Найденов, Наталья Водянова. Личное тело Натальи Водяновой // «Русский репортер», 2012].

(73) *Кому как, а нам с Валеркой к нашим ста десяти в месяц не такой вредный навар* [Сергей Эйгенсон. Сельхозработы (2003) // Интернет-альманах «Лебедь»].

Как показывает анализ глагольных коллокатов в НКРЯ, сочетаемостно комбинация *кто как* не специфична, что также объясняется ее частичной сирконстантностью. Смысл, который выражает ее второй компонент, это идея способа, которая не ассоциируется с каким-либо ограниченным кругом ситуаций и предикатов. Единственный частотный предикат слева от *кто как* — это *знать*, что отражает высокую частотность уступительных употреблений, а не круг ситуаций, «обслуживаемых» этим дистрибутивом: *Не знаю, кому как, а мне не нравится; Не знаю, кто как, а я пошел спать*. Для *кто как* возможны актантные употребления, однако они редки, как редки и предикаты, у которых способ является актантом: — *Как он их аттестовал? — Кого как* ('Разных людей аттестовал по-разному'); — *Как это на них подействовало? — На кого как* ('На разных людей это подействовало по-разному').

Семантически разные реализации дистрибутива *кто как* устроены по-разному и отражают разную степень идиоматизации. Сочетание с номинативом *кто как* лексикализовано в наименьшей степени. Его значение можно сформулировать следующим образом:

(74) *A1 кто как* 'Разные люди A1 по-разному'.

При этом A1 может быть любой ситуацией: *одеты кто как, укладываться кто как, быть наказанными кто как, жить кто как, плясать кто как, гадить кто как, развлекаться кто как, добираться кто как* и т. д. (примеры предикатов из НКРЯ и RuTenTen). Как и все дистрибутивы этого типа, помимо идеи разнообразия, *кто как* лексикализует количественный смысл. Если для *кто куда* и *кто где* идея количества воплощается в **многочисленности** субъектов, для *кто как* важна **высокая степень** контраста: способы осуществления ситуаций должны не просто различаться, а сильно различаться; ср.:

(75) *Одеты они были, кто как: одни в вечерних туалетах — это те, кто постарше, другие же, молодые, — в свитерах и джинсах, юные кларнетистки — в мини-юбках, а седовласые господа с валторнами и тромбонами — в визитках и крахмальных воротничках, как на похоронах* [Семен Лунгин. Виденное наяву (1989–1996)].

Отсутствие сильного противопоставления делает высказывание прагматически странным: *Одеты гости были кто как, но в основном все были в вечерних туалетах или деловых костюмах*.

Наиболее идиоматизированная реализация этой конструкции — *кому как*, которую, несколько упрощая, можно назвать «полемизирующий экспериенцер». В принципе, структура с дативом «обслуживает» в русском языке многие семантические классы и роли. В первую очередь, это роль реципиента у глаголов передачи (*давать, продавать, дарить* и т. д.) и роль адресата у речевых глаголов (*говорить, сообщать, обещать* и т. д.), а также роль экспериенцера у предикатов со значением эмоциональных, ментальных и физических состояний (*Мне не нравится, Ему нездоровится, Кате не хочется*). Однако лексикализовалась конструкция именно как экспериенциальная. Сочетание *кому как* практически не встречается с левым предикатом, а функционирует как самостоятельное высказывание или как первая клауза уступительно-противительного предложения. Однако в обеих функциях *кому как* в первую очередь интерпретируется как указание на то, что разные экспериенцеры имеют разные оценки и мнения, чувства, желания и т. п.:

- (76) (= 10) — *Так это же хорошо!* — **Кому как!** [Коллекция анекдотов: абстрактный анекдот (1970–2000)].
- (77) *Это самый красивый цвет, правда?* — **Кому как,** — *обиженно отозвалась Бемби. — Я и против карих глаз ничего не имею* [Юлия Лавряшина. Улитка в тарелке (2011)].
- (78) **Кому как,** *а Лидии стало ясно и то, что про коврижки написал Колька и что он имел в виду* [Ольга Некрасова. Платит последний (2000)].
- (79) **Кому как,** *а мне жаль людей, оставшихся за кадром* [коллективный. «Где совесть, Борь?» Комментарии к статье (2015)].

Примеры, где *кому как* указывает не на субъекта отношения, оценки или состояния, а на другую роль, единичны. В примере (80) *кому как* относится к реципиенту, а не к экспериенцеру:

- (80) — *Почем нынче такие?* — **Кому как,** *а нам — работникам мусорного фронта — еще и приплатят* [Александр Савельев. Аркан для букмекера (2000)].

Фраземе *кому как* синонимично более редкое сочетание *для кого как*, которое также в подавляющем большинстве случаев относится к экспериенцеру:

- (81) *Маловато будет, однако! Хотя, для кого как. Для тещи моей и этих минут много* [День дурака отменяется? (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.04.03].
- (82) *Забавно? Для кого как. Многие этому искренне верят* [В. В. Мезенцев, К. С. Абилянханов. Чудеса: Популярная энциклопедия (1991)].

Выражение *кому как* настолько лексикализовано и, по-видимому, осознается как такое говорящими, что вошло, в числе других фразем, в известный анекдот, комично представляющий знание английского языка у студентов одного из вузов:

- (83) — *How much watch?*
— *Six watch.*
— *Such much?*
— **Whom how...**
— *MGIMO finished?*
— *A-a-a-ask!..*

Кроме того, для фразем *кому как*, *у кого как* и *для кого как* характерна еще одна семантическая особенность, по сравнению с менее идиоматизированной реализацией *кто как*. Если *кто как* указывает на разнообразие и большой разброс вариантов (*Устроились кто как — кто в гостинице, кто на частной квартире, а кто в палатке*), *кому как* и *для кого как* указывают на противопоставление противоположностей. Эти сочетания носят

отчетливо полемический характер. Это особенно заметно в уступительно-противительных конструкциях (*Кому как, а мне не нравится; Для кого как, а для меня много*), где противопоставляются два варианта, однако и отдельные высказывания с *кому как* и *для кого как* устроены так же. Обе фраземы используются для возражения на высказывание собеседника и введения противоположной оценки:

- (84) — *Тут ведь недалеко. — Кому как. Мне, например, еще через полгорода тащиться* [Андрей Геласимов. Год обмана (2003)].
- (85) — *Разве это причина, чтобы убивать?.. — Для кого как, — ответит он* [Михаил Гиголашвили. Экобаба и дикарь (1998-2007) // «Зарубежные записки», 2009].

Сочетание *у кого как*, которое указывает на посессора и обычно используется в качестве самостоятельного высказывания или отдельной клаузы, также вводит семантику противопоставления и несогласия:

- (86) — *Любовь бывает часто, а семья редко. — Вот заладил... Семья, я слышала, тоже бывает не один раз, — пробует шутить Алевтина. — Это у кого как* [Владимир Маканин. Отдушина (1977)].

Значение фраземы *кому как* в качестве самостоятельного высказывания можно описать следующим образом:

- (87) — *А1 А2. — Кому как* (— *Это очень удобно. — Кому как*) ‘Кто-то говорит, что А1 А2. Говорящий говорит, что некоторые люди, включая его, могут думать или чувствовать, что А1 не А2’.

Значение фраземы *кому как* в составе уступительно-противительного предложения указывает на еще более категорическое несогласие:

- (88) *Кому как, а X-у А1 А2* (*Кому как, а мне этот художник очень нравится; Кому как, а ей это совершенно не подходит*) ‘Говорящий говорит, что другие люди могут думать или чувствовать, что А1 не А2, но он или человек X думает или чувствует, что А1 А2’.

С точки зрения синтаксиса уступительно-противительная конструкция с *кто как* образует как минимум особый подтип и заслуживает отдельного комментария. Местоимение *кто* в этих конструкциях в подавляющем большинстве случаев повторяет форму постседента — первого актанта при предикате следующей клаузы, выраженного личным местоимением в именительном, дательном или родительном падежах. Среди всех примеров в НКРЯ нашелся только один, в котором местоимение *кто* не связано ни синтаксической, ни катафорической связью с первым актантом следующей клаузы, и даже в нем постседентом является зависимое от первого актанта местоимение *наш* или вся группа *наш взвод*.

- (89) — *Наше дело телячье — поел да в закут. — Кому как, а наш взвод уходит! — И мы пойдем!* [М. А. Шолохов. Тихий Дон (1928–1940)].

В четырех случаях (учитывая и приведенный выше) местоимение *кто* стоит не в форме первого актанта следующей клаузы:

- (90) *Кому как, а для Бима этот человек — хороший: он знает, что такое «ждать», он сказал «ждать», он понял Бима* [Гавриил Троепольский. Белый Бим черное ухо (1971)].

Отметим, однако, что даже в этом примере экспериментальный дательный служит в качестве синонимической замены предложно-падежной группы со значением экспериментера *для Бима*. Видимо, можно осторожно утверждать, что в русском языке формируется вариант конструкции вида «КТО₁ как, а ПРО₁ Р». В этих случаях местоимение *кто* в составе дистрибутива выполняет ту же семантическую роль, что и первый актант следующей

клаузы, выраженный личным местоимением, и обычно принимает его форму. Связь актанта и его прономинальной пары можно объяснить катафорическим эллипсисом предиката (*Кто как [считает], а Петя считает...*), однако это не объясняет примеров типа (90), в котором форма местоимения *кому* и актанта *для Бима* не согласованы, и следовательно, не могут быть объяснены эллипсисом. Видимо, в этом случае целесообразнее говорить об особой конструкционной рамке, которая задает ограничения на оба связанных элемента.

Когда как

В корпусе RuTenTen встретилось 1564 вхождений этой фраземы. Сочетание *когда как* часто функционирует в качестве самостоятельной ответной реплики на общий вопрос или комментарий, который в подавляющем большинстве случаев относится к сказуемому или обстоятельству, как в примерах (91)–(92). Встречаются и отдельные случаи, где *когда как* относится к дополнению (93) или определению (94):

- (91) *Враги ли человеку его близкие? Не знаю, не знаю. Когда как* [А. К. Смирнов. Кузница милосердия // «Сибирские огни», 2012] (вопрос к именной части сказуемого).
- (92) *Теперь любой Эйнштейн с первого курса знает, что <...> на старый вопрос «Хорошо это или плохо?» ныне существует ответ, подкупающий своей четкостью: «Когда как». Когда хорошо, а когда и нет* [Михаил Анчаров. Как Птица Гаруда (1989)] (вопрос к обстоятельству).
- (93) *Кого же вы в «Трех мушкетерах» изображали? — Когда как. Чаще всего — Миледи* [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008] (вопрос к прямому дополнению).
- (94) — *И большая у него команда? — Когда как* [Ольга Некрасова. Платит последний (2000)] (вопрос к определению).

Возможно в принципе и употребление *когда как* в качестве ответа на вопрос о подлежащем: — *У вас Маша отводит ребенка в школу? — Когда как.*

Сочетание *когда как* лексикализовалось в качестве сирконстанта с узуальным значением, близким к экзистенциальному временному квантору *иногда*. А именно, *когда как* указывает на то, что в какие-то моменты времени нечто имеет место, а в какие-то нет — ‘в разных случаях по-разному’. Варьироваться может как наличие самой ситуации (обычно обозначаемое глаголом, т. е. сказуемым в предложении), либо какие-то ее аспекты. Как оказывается, наиболее часто варьируются не участники ситуации (актанты), поскольку они заданы валентной структурой предиката и поэтому в большей степени фиксированы, а ее временные параметры, интенсивность или оценка — т. е. сирконстантные показатели.

При этом *когда как* отличается от *иногда* своей прагматической окраской. Если *иногда* — нейтральное обозначение узуальности, *когда как* подчеркивает, как и другие дистрибутивы с *κ*-местоимениями, идею разнообразия. У *когда как* она лексикализуется как указание на то, что ситуация не всегда бывает такой, как предполагает адресат в своем вопросе или утверждении, или не всегда имеет место, и что это невозможно контролировать. Как и некоторые другие дистрибутивы, *когда как* имеет полемическую окраску:

- (95) *Был раз у нас шторм... Я своим хлопцам говорю: «Ребята! После шторма обя-за-тельно должна рыба в берега ударяться!» Они, конечно, оспаривают: «Это когда как... Раз на раз не приходится...»* [С. Н. Сергеев-Ценский. Конец света (1931)].
- (96) — *Оденься во все лучшее, как на свадьбу, губы покрась, волосы завей — и на танцы. Пусть он со стороны позавидует. — Да он когда как,* — сказала Галя [Рид Грачев. Облако (1958–1960)].

Когда как отличается от *иногда* и синтаксически: *иногда* часто функционирует как сенсориальное наречие, т. е. находится в теме (*Иногда он к нам заходит*), в то время как *когда как* обычно употребляется в качестве отдельного высказывания и всегда несет новую информацию, как и прочие дистрибутивы. В этом употреблении сочетание *когда как* синонимично другим предикативным фокусным фраземам, выражающим идею, что в разные моменты времени обстоятельства могут складываться по-разному, и что не всегда они складываются наилучшим образом, например *по-всякому, по-разному, Раз на раз не приходится, Всякое бывает*; ср.:

(97) — *Когда как*, — отвечала жена, — *раз на раз не приходится*... [Фазиль Искандер. Кролики и удавы (1982)].

(98) *А мы по-разному, когда как* [Наши дети: Малыши до года (форум) (2004)].

В отличие от некоторых других дистрибутивов, *когда как*, несмотря на свою частую полемическую окраску, не употребляется в качестве клаузы уступительно-противительного предложения, т. е. не встречается во фразах вида *Когда как, а сегодня иначе*.

Помимо функционирования в качестве самостоятельного высказывания, *когда как* изредка употребляется как рематический адвербиал при предикате:

(99) *Такси в Ленинграде стало порядочно, план давали большой, и выполнялся он когда как: в праздники и в плохую погоду перевыполнялся, а иной раз совсем плохие бывали дни* [В. Ф. Панова. Конспект романа (1965)].

При этом никакой устойчивой предикатной сочетаемости у *когда как*, естественно, нет, поскольку никакой актантной рамки это сирконстантное сочетание не задает. Фразема *когда как* применима практически к любой ситуации, которая может характеризоваться узуальностью. Из всех дистрибутивов *когда как* имеет наиболее устойчивые и идиоматические переводные аналоги (см. [Добровольский, Кустова 2021]).

Заключение

В заключение можно отметить, что в заполнении и идиоматизации автономных дистрибутивных конструкций наблюдаются те же тенденции, что мы находим и в других конструкциях. А именно, существуют единицы, которые «тяготеют» («are attracted») к этой конструкции, и единицы, которые от нее «отталкиваются» («are repelled»); ср. [Stefanowitsch, Gries 2003]. В целом идиоматизация, как с точки зрения частотности, так и по степени лексикализации, представляет собой континуум с наличием нескольких очень частотных и одновременно наиболее фразеологизированных реализаций. Важно подчеркнуть, что частотность оказывается важной не сама по себе, а как индикатор семантических, прагматических или коммуникативных факторов.

К автономным дистрибутивным конструкциям тяготеют, в первую очередь, местоимения *кто* в позиции первого элемента и местоимения места, направления, способа (*куда, где, как*) в позиции второго элемента, что объясняется обсуждавшимися выше семантическими, прагматическими и коммуникативными причинами: наиболее частотны реализации, которые кодируют легко опознаваемые аргументные и экспериенциальные структуры, а также «универсальный» темпоральный дистрибутив *когда как*.

Помимо них, можно упомянуть и синтаксические причины. Место второго элемента занимают прономинальные эквиваленты предикатов. Так, *куда* является эквивалентом предиката со значением перемещения, *где* — предиката со значением места, *как* — со значением способа. Частотное распределение местоимений, заполняющих второй слот конструкции, может дополнительно быть объяснено свойствами разных типов предикатов,

так как далеко не каждый предикат может одинаково легко быть заменен прономинальной группой. Эта способность коррелирует со способностью предиката заменяться обстоятельственной группой так, что значение опущенного предиката легко восстанавливается из контекста. Так, можно сказать *Он в комнате, она за ним* в значении направления (см. также примеры выше), *Он в комнате, она на кухне* в значении местонахождения, *Она хорошо, Ему приятно* в значении состояния. Таким образом, на роль второй, «предикатной» части автономной дистрибутивной конструкции претендуют в первую очередь показатели направления, места и способа, что и приводит к образованию частотных фразем вида *кто куда, кто где, кто как, кому как*. Частотные сочетания *кому что* и *кто о чем* также достаточно однозначно задают предикат (глаголы трансфера и речевые акты) и, соответственно, могут свободно его заменять. Еще одной причиной, которая продвигает эти местоимения в предикатную позицию, является рематическая функция, которую они обычно выполняют: из двух пересекающихся по семантике компонентов, предиката и обстоятельственной группы, сохраняется рематический, как несущий большую коммуникативную нагрузку.

«Отталкиваются» от данной конструкции местоимения причины и цели *почему* и *зачем*, квантор *сколько*, поссесив *чей*. Это может отчасти объясняться тем, что нет предикатов, которые однозначно соответствовали бы валентной структуре агенса-количество, агенса-время, агенса-причина и агенса-цель, и поэтому могли бы опускаться или выражаться прономинально. Фразы вида *Он пятьдесят рублей, Она вчера, Она из-за грозы, Он для аккуратности* не являются самодостаточными, поскольку в отсутствие предиката непонятно, о чем идет речь. Что касается поссесива, то для него опущение предиката возможно и частотно, поскольку самым частым предикатом со значением обладания является глагол *быть* (*Это Васино*). Соответственно, прономинальная замена могла бы быть возможной, однако поскольку первый слот у дистрибутивов обычно заполняется одушевленным субъектом *кто* (а не неодушевленным субъектом *что*), то в силу прагматических соображений для второй части конструкции смысл обладания блокирован, хотя и не запрещен полностью.

Таким образом, с местоимением *кто* в первом слоте наиболее частотны реализации, которые кодируют легко опознаваемые, то есть характерные для определенного класса, аргументные валентные структуры, а именно глаголы перемещения (*кто куда*), глаголы расположения (*кто где*), глаголы трансфера (*кому что*) и речевые глаголы (*кто о чем*). Кроме того, кодируется также легко узнаваемая экспериенциальная структура *кому как*, которая не ассоциируется с конкретным кругом предикатов. Семантическая функция этого дистрибутива — выражение отношения субъекта к ситуации, т. е. в отличие от первых трех реализаций с *кто*, этот дистрибутив носит семантически максимально обобщенный характер.

В этом смысле *кому как* сближается с темпоральным дистрибутивом *когда как*, чья выделенность в плане частотности и идиоматизации также объяснима его сирконстантными свойствами: он применим практически к любой ситуации.

Синтаксические свойства рассмотренных частотных дистрибутивов могут также отчасти быть мотивированы их семантикой. Так, для экспериенциального дистрибутива *кому как* в высшей степени характерно употребление в уступительной-противительной конструкции, поскольку мнение и оценка — это то, для чего типично противопоставление: мы часто противопоставляем наши оценки оценкам других людей. Напротив, противопоставлять свое местонахождение или направление перемещения чужому менее естественно, поэтому дистрибутивы *кто где* и *кто куда* практически не встречаются в таком употреблении (за исключением *Кто куда, а я в сберкассе*, чья частотность объясняется внеязыковыми причинами). Для фразем *кто где, кто куда, кому что, кто о чем*, кодирующих определенный круг предикатов, характерно либо употребление с этими предикатами в качестве адвербиалов, либо употребление в качестве отдельных высказываний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- В. Апресян 2017 — Апресян В. Ю. *Уступительность: механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке*. М.: Языки славянских культур, 2017. [Apresjan V. Yu. *Ustupitel'nost': mekhanizmy obrazovaniya i vzaimodeistviya slozhnykh znachenii v yazyke* [Concession: Mechanisms of formation and interaction of complex meanings in language]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2017.]
- В. Апресян, Копотев 2021 (в печати) — Апресян В. Ю., Копотев М. В. Как устроены русские биместоименные дистрибутивные конструкции (в печати). [Apresjan V., Kopotev M. How Russian bi-pronominal distributive constructions work (in press)].
- Апресян 2005 — Апресян Ю. Д. О Московской семантической школе. *Вопросы языкознания*, 2005, 1: 3–30. [Apresjan Yu. D. On the Moscow semantic school. *Voprosy Jazykoznanija*, 2005, 1: 3–30.]
- Гордеев 2020 — Гордеев Н. *Семантические и сочетаемостные свойства К-местоименных комплексов в русском языке*. Курсовая работа. М.: НИУ ВШЭ, 2020. [Gordeev N. *Semanticheskie i sochetatnostnye svoystva K-mestoimennykh kompleksov v russkom yazyke* [Semantic and combinatory properties of K-pronominal complexes in Russian]. Term paper. Moscow: HSE Univ., 2020.]
- Добровольский, Кустова 2021 — Добровольский Д. О., Кустова Г. И. Русские дистрибутивные конструкции типа *кто куда*: когнитивные стереотипы и межъязыковые соответствия. *Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности*. Сб. статей к 70-летию академика А. М. Молдована. М.; СПб.: Нестор-История, 2021, 357–378. [Dobrovol'skij D. O., Kustova G. I. Russian distributive constructions of the type *kto kuda*: Cognitive stereotypes and interlingual correspondences. *Slova, konstruktсии i teksty v istorii russkoi pis'mennosti*. Festschrift in honor of A. M. Moldovan on his 70th anniversary. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021, 357–378.]
- Добровольский и др. 2019 — Добровольский Д., Копотев М., Пёппель Л. Группа конструкций *ну и X*: семантика, прагматика, сочетаемость. *Scando-Slavica*, 2019, 65(1): 5–25. [Dobrovol'skij D., Kopotev M., Pöppel L. Russian *nu i X* constructions: Semantics, pragmatics, combinability. *Scando-Slavica*, 2019, 65(1): 5–25.]
- Зализняк 2017 — Зализняк А. А. *Древнерусские энклитики*. М.: Языки славянских культур, 2017. [Zaliznyak A. A. *Drevnerusskie enklitiki* [Old-Russian enclitics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2017.]
- Кустова 2016 — Кустова Г. И. Дистрибутивные биместоименные конструкции типа *кто куда*. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог»*, 2016, 15(22): 355–369. [Kustova G. I. Distributive bipronominal constructions. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. "Dialogue"*, 2016, 15(22): 355–369.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Russian National Corpus]. <http://www.ruscorpora.ru>.
- Плунгян, Рахилина 2014 — Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Семантико-синтаксические свойства русских конструкций с предлогом *под*: прямые (пространственные) и переносные (временные) употребления. [Plungian V. A., Rakhilina E. V. Semantic and syntactic properties of the Russian constructions with the preposition *pod* 'under': Direct (spatial) and figurative (temporal) usage.] *Die Welt der Slaven*, 2014, 59: 22–56.
- Ройзензон 1961 — Ройзензон Л. И. К генезису сложного предложения. [Roizenzon L. I. Towards the genesis of a complex sentence.] *Otázky slovanské syntaxe: sborník brněnské syntaktické konference*. Závodský A. (ed.). Prague: Státní pedagogické nakladatelství, 1961, 245–257.
- Шведова 1998 — Шведова Н. Ю. *Местоимение и смысл: класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства*. М.: Азбуковник, 1998. [Shvedova N. Yu. *Mestoimenie i smysl: klass russkikh mestoimений i otkryvayemye imi smyslovyje prostranstva* [Pronoun and sense: Russian pronouns and the semantic spaces discovered by them]. Moscow: Azbukovnik, 1998.]
- Янко 2001 — Янко Т. Е. *Коммуникативные стратегии русской речи*. М.: Языки славянских культур, 2001. [Yanko T. E. *Kommunikativnyje strategii russkoi rechi* [Communicative strategies of Russian speech]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2001.]
- Apresjan, Iomdin (forthc.) — Апресян В., Iomdin B. Lexical semantics. *Encyclopedia of Slavic languages and linguistics online*. Greenberg M. L. (ed.). Leiden: Brill, forthcoming. http://dx.doi.org/10.1163/2589-6229_ESLO_COM_036176.
- Goldberg 2006 — Goldberg A. *Constructions at work: The nature of generalization in language*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.

- Grice 1975 — Grice H. P. Logic and conversation. *Syntax and semantics*. Vol. 3: *Speech acts*. Cole P., Morgan J. L. (eds.). New York: Academic Press, 1975, 41–58.
- Lakoff 2008 — Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2008.
- Kopotev 2015 — Kopotev M. Reconstruction and idiomaticity: The origin of Russian verbless clauses reconsidered. *Folia Linguistica*, 2015, 36(1): 219–243.
- Lambrech 2001 — Lambrecht K. A framework for the analysis of cleft constructions. *Linguistics*, 2001, 39(3): 463–516.
- Mel'čuk 2021 — Mel'čuk I. Morphemic and syntactic phrasemes. *Yearbook of phraseology*, 2021, 12(1): 33–74. <https://doi.org/10.1515/phras-2021-0004>.
- Nikolaeva 2001 — Nikolaeva I. Secondary topic as a relation in information structure. *Linguistics*, 2001, 39(1): 1–49. <https://doi.org/10.1515/ling.2001.006>.
- RuTenTen2011 — Russian Web corpus 2011. <https://www.sketchengine.eu> (19.06.2022).
- Stefanowitsch, Gries 2003 — Stefanowitsch A., Gries S. Collocations: Investigating the interaction of words and constructions. *International Journal of Corpus Linguistics*, 2003, 8(2): 209–243.
- Vallduví 1990 — Vallduví E. *The informational component*. Ph.D. diss., Univ. of Pennsylvania, 1990.
- Verbuk 2005 — Verbuk A. Russian predicate clefts as s-topic constructions. *Formal approaches to Slavic linguistics: The Princeton meeting*. Lavine J., Franks S. (eds.). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2005, 394–408.

Получено / received 24.03.2022

Принято / accepted 24.05.2022

[Рец. на: /Review of:] **А. Е. Кибрик и др.; под ред. О. В. Федоровой и С. Г. Татевосова. Введение в науку о языке.** М.: Буки Веди, 2019. 672 с. [A. E. Kibrik et al.; ed. by O. V. Fedorova and S. G. Tatevosov. *Vvedenie v nauku o yazyke* [Introduction to the study of language]. Moscow: Buki Vedi, 2019. 672 p.] ISBN 978-5-4465-2188-3.

Владислав Иванович Zubov

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; v.zubov@spbu.ru

Vladislav I. Zubov

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; v.zubov@spbu.ru

Анастасия Алексеевна Коновалова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; a.konovalova@spbu.ru

Anastasiia A. Konovalova

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; a.konovalova@spbu.ru

Анастасия Борисовна Макарова

Упсальский университет, Упсала, Швеция; anastasia.makarova@moderna.uu.se

Anastasia B. Makarova

Uppsala University, Uppsala, Sweden; anastasia.makarova@moderna.uu.se

Валерия Олеговна Прокаева

Нагойский университет, Нагоя, Япония; valeriya.prokaeva@yandex.ru

Valeriia O. Prokaeva

Nagoya University, Nagoya, Japan; valeriya.prokaeva@yandex.ru

Елена Игоревна Риехакайнен

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; e.riehakajnen@spbu.ru

Elena I. Riekhakaynen

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; e.riehakajnen@spbu.ru

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.4.143-150

Рецензируемое издание включает в себя описание всех основных направлений современных лингвистических исследований. Появление такой книги на русском языке — это, вне всякого сомнения, очень важное событие для отечественной лингвистики. Публикация была приурочена к юбилею А. Е. Кибрика и посвящена памяти этого выдающегося лингвиста, она обобщает многолетний труд исследователя, его учеников и коллег. В подготовке книги принимали участие ведущие российские лингвисты. Все главы написаны специалистами в соответствующих областях, что делает издание уникальным в своем роде и представляющим большую ценность. При столь большом количестве авторов трудно было избежать повторов и достичь единообразия, однако, несмотря на некоторые отдельные неудачи, в целом авторам удалось справиться с поставленной целью.

Помимо традиционных для любого учебника по введению в языкознание глав, книга содержит разделы, посвященные направлениям лингвистики, сформировавшимся в конце XX — начале XXI в., снабжена ссылками на ключевые работы последнего времени, а также включает обзоры зарубежных исследований, с которыми не знаком широкий круг читателей. Не может не радовать наличие отдельной части «История языкознания», которая завершает книгу и позволяет читателям сформировать общее представление о возникновении и развитии науки о языке. Рецензируемое издание носит энциклопедический характер, за некоторыми исключениями труд нейтрален по отношению к существующим научным парадигмам и содержит большое количество ссылок, как внутренних, между главами, так и внешних, на конкретные исследования. Большим плюсом является наличие

англоязычных терминов, которые помогут читателям лучше ориентироваться в зарубежной литературе¹.

Отдельно стоит отметить желание авторов создать своего рода настольную книгу студента: в нее включено описание даже технических и прикладных задач (транслитерация и транскрипция, алфаветизация, автоматическая обработка речи и т. п.). Хотя авторы указывают, что книга предназначена в первую очередь для студентов, обучающихся по специальности «Фундаментальная и прикладная лингвистика», можно с уверенностью утверждать, что она может стать одним из базовых пособий к курсам «Введение в языкознание» и «Общее языкознание», которые читаются на любых лингвистических и филологических программах, и прекрасным современным дополнением к существующим русскоязычным учебникам по лингвистике.

I. Теория языка

Первая часть «Теория языка» посвящена основополагающим понятиям в языкознании и содержит традиционные для учебников по введению в языкознание главы «Фонетика и фонология», «Морфология», «Синтаксис» и «Семантика», а также обычно не представленную в таких учебниках главу «Дискурс». Все главы написаны с учетом современных теорий и взглядов и, таким образом, хорошо дополняют классические учебники.

В главе 1 «Фонетика и фонология» очень детально и основательно разработана часть, посвященная фонетике², содержится ценная информация о методах исследования артикуляции, в том числе современных, а также доходчиво объясняется генеративная модель фонологии. Глава «Морфология» включает подробную теоретическую дискуссию о морфологических моделях, которые едва ли упоминаются в классических курсах по введению в языкознание. Глава «Синтаксис» представляет собой основательный обзор современных синтаксических теорий и написана просто и четко. Удачно с методологической точки зрения построена глава «Дискурс», в которой сначала описывается широкая область исследований и даются определения, а потом содержится фрагмент с историей вопроса, щедро снабженный отсылками к научной литературе по теме. Заключительная глава «Семантика», помимо традиционного описания семантики, на простых примерах знакомит читателя с областью формальной семантики.

Несмотря на то что книга содержит все ожидаемые главы, представляется, что часть «Теория языка» является скорее надстройкой, дополнительной информацией по отношению к классическим учебникам Ю. С. Маслова и А. А. Реформатского. С задачей дополнения и осовременивания традиционных учебников «Введение в науку о языке» справляется блестяще. В то же время создается впечатление, что сама по себе часть «Теория языка» не является достаточной для ознакомления студентов с основами языкознания и языковыми уровнями.

Использование «Введения в науку о языке» как основного источника может создать у студентов иллюзию, в частности, того, что единственный подход к фонологии — генеративный, что между исследователями существует согласие относительно того, что фонология является разделом грамматики (с. 45), а до работ Н. Хомского и М. Халле не было серьезных исследований в области фонологии (не упоминаются Пражский кружок, работы И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. С. Трубецкого). Понятие фонемы объясняется только в конце главы «Фонетика и фонология», что несколько удивляет и контрастирует с прочими главами. В главе отсутствуют определения базовых понятий, таких как «ассимиляция» или

¹ Наличие терминологического указателя сделало бы книгу еще более удобной для читателей.

² Хотя удивительно отсутствие упоминания одной из классических русскоязычных работ Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкой и М. В. Гординой [Бондарко и др. 1991].

«морфонология» (в отличие, скажем, от морфосинтаксиса, упомянутого в главе «Морфология»), нет информации о типах фонологических дистрибуций. Представляется, что глава существенно выиграла бы от более подробного объяснения англоязычных терминов или, по крайней мере, таблицы соответствий, в противном случае примеры типа [+low] → [-back -low]/[+high] C0 (с. 51) могут показаться студентам непонятными.

Глава 2 «Морфология» содержит массу интереснейших фактов и много информации, которую студенту не найти в существующих учебниках, однако в ней недостает некоторых базовых компонентов. Так, полностью отсутствует описание теории частей речи. В главе затрагивается важнейший вопрос о критериях выделения слова и словоформы, при этом на практике упоминается только один из них — регулярность. Ничего не сказано про правила деления слов на морфемы, про свойства морфемы. К сожалению, не объясняются термины «рекурсивность», «каузация», «комитатив», «абсолютив» и пр.; не вводятся понятия парадигмы и оппозиций. Рассуждение о флективных и агглютинативных языках стало бы более наглядным при наличии конкретных примеров. Часть главы, посвященная описанию морфологических моделей, кажется по меньшей мере излишне сложной для неподготовленного читателя, если не вовсе избыточной. Было бы уместно в этой главе упомянуть работы Дж. Байби и ее «обобщения, ориентированные на результат» (product-oriented generalizations), а также работы Г. Бооя по конструкционной морфологии.

Логично построенную и информативную главу «Синтаксис» можно было бы улучшить, добавив в нее немного истории и альтернативных взглядов, упомянув, скажем, Л. Теньера и грамматику Пор-Рояля, современную грамматику конструкций. Это можно было бы сделать за счет сокращения описания механизма рекурсии и более критичного подхода к выбору иллюстративного материала.

Глава «Дискурс», вне всякого сомнения, — одна из самых сильных глав всей книги. Из незначительных моментов, которые, кажется, можно было бы улучшить, хочется упомянуть следующие: не вполне ясным оказывается соотношение функциональных стилей и жанров, излишне подробно описывается элементарная дискурсивная единица (стоит также отметить, что описание повторяется в Главе 12). Несмотря на то что глава снабжена большим количеством отсылок к литературе по теме, неожиданным оказывается отсутствие ссылок на работы Дж. Серля, а также на исследования на материале русского языка (работы Н. В. Богдановой-Бегларян, А. В. Бондарко, М. Д. Воейковой). Читателя, только что получившего представление о синтаксисе и морфологии преимущественно с генеративных позиций, может удивить наличие подхода, описанного в разделе 4.6 «Когнитивное и социальное измерения дискурса».

В главе «Семантика» предпринимается попытка доступно описать принципы формальной семантики, хотя разделы 5.5.2 и 5.5.3 все еще могут вызвать затруднения. В некоторых местах не хватает ссылок: при описании прототипов напрашивается ссылка на работы Э. Рош (с. 177); фреймов — Ч. Филлмора (с. 190); метафор — Дж. Лакоффа и М. Джонсона (с. 192). При обсуждении прагматического компонента смысла, локуции и иллокуции, было бы логично упомянуть и перлокуцию, а также коммуникативные постулаты Г. П. Грайса.

II. Язык и познание

Эта часть знакомит читателей с относительно молодыми направлениями лингвистики, которые по понятным причинам не могли быть описаны в более ранних учебниках по введению в языковедение. Наличие такой части — несомненное преимущество рецензируемой книги.

Вводная глава этой части «Лингвистика в контексте когнитивных наук» концентрируется на описании когнитивной науки в целом и ее подходах. Глава «Когнитивная

лингвистика) понятным языком и достаточно подробно знакомит читателя с этой областью лингвистики: упоминаются основные работы и понятия, описывается история возникновения когнитивной лингвистики. Справедливым представляется наблюдение, констатирующее своеобразную трактовку когнитивной лингвистики российскими исследователями, чьи работы содержательно сближаются с лингвокультурологией. Раздел, посвященный когнитивной семантике, частично компенсирует отсутствующую главу «Лексикология», вводя понятия «метафора» и «метонимия» (хоть и без определений) с позиций когнитивной лингвистики. Хорошо организована глава «Усвоение родного языка». В частности, радует наличие раздела «Направления будущих исследований», который будет особенно полезен первокурсникам. Если бы такой раздел был в каждой главе, описывающей направления в языкознании, это бы сильно упростило студентам поиски тем для квалификационных работ. В главе «Нейролингвистика» также упомянуты все ключевые понятия, необходимые начинающему лингвисту, кроме, пожалуй, метода вызванных потенциалов и связанных с ним компонентов N400 (реакция на семантическую аномальность) и P600 (реакция на грамматическую аномальность).

Несмотря на несомненно положительное впечатление от этой части книги, некоторые композиционные и содержательные решения вызывают вопросы. Например, избыточным кажется раздел 6.3 «Методология и методы когнитивной науки», поскольку методам лингвистики посвящена Часть IV и некоторые методы (фМРТ, вызванные потенциалы, айтрекинг³) упомянуты в главе «Психоллингвистика» далее. Таким образом, информация повторяется и страдает структура повествования. Глава «Лингвистика в контексте когнитивных наук» выиграла бы от более подробного описания места собственно лингвистики среди когнитивных дисциплин; в то время как в разделе 6.5 «Междисциплинарное взаимодействие в когнитивных исследованиях: случай рабочей памяти» фокус смещен в область психологии.

К сожалению, не во всех главах уделяется должное внимание исследованиям последних лет и перспективам рассматриваемых направлений лингвистики. Говоря об основных понятиях когнитивной лингвистики, возможно, стоит также упомянуть теорию концептуальной интеграции (*conceptual blending theory*) и понятие ментальных пространств (*mental spaces*) [Turner, Fauconnier 1995; Fauconnier, Turner 1998]. К основным работам по когнитивной лингвистике можно было бы добавить [Janda 2013; Dąbrowska, Divjak (eds.) 2015; 2019].

Основная часть главы «Психоллингвистика» начинается с описания исследовательского цикла, методов и дизайна эксперимента, что кажется не вполне справедливым. Складывается ощущение, что прикладные аспекты вынесены на первый план, в то время как основные содержательные аспекты, такие как порождение и восприятие речи, описаны гораздо позже, хотя логичным кажется начинать именно с них. Восприятию письменной речи посвящена всего одна строчка на с. 245 и одна ссылка. В главе не упоминается одно из ключевых для современной экспериментальной лингвистики понятие «отрицательного языкового материала». Возможно, статью Л. В. Щербы «О тройном аспекте языковых явлений...» стоило прокомментировать именно в этой главе, поскольку она является основополагающей, в т. ч. для психоллингвистики.

Говоря об этапах усвоения языка, необходимо указать, что речевые периоды условны и очень индивидуальны для каждого ребенка. Если упомянут проект Д. Роя, возможно, стоило также упомянуть проект «Cross-linguistic project on pre- and protomorphology in language acquisition» (в русскоязычной онтолингвистике более известен под рабочим названием «Пре- и протоморфология») под руководством В. У. Дресслера (Австрийская академия наук), посвященный изучению усвоения детьми морфологии на материале типологически разных языков. Тем более что в этом проекте принимают участие

³ Айтрекинг на с. 225 назван «видеоокулографией», что является очень редко используемым термином в современных русскоязычных исследованиях.

исследователи, занимающиеся изучением детской речи на материале русского языка: С. Н. Цейтлин, Н. В. Гагарина, М. Д. Воейкова, В. В. Казаковская. В главе об усвоении второго языка никак не комментируются различия между обучением и усвоением языка (acquisition vs. learning).

III. Языковое многообразие

В третьей части книги «Языковое многообразие» рассматриваются различные подходы к классификации языков мира. Глава 13 «Языки мира и языковое разнообразие» представляет собой краткий обзор тех направлений лингвистики, которые занимаются изучением языкового разнообразия. Важно отметить, что, хотя авторы опираются преимущественно на подход, реализуемый в рамках курса «Языки мира и языковые ареалы», который читается на ОТиПЛ МГУ, в главе неоднократно подчеркивается наличие различных взглядов на описание языкового многообразия в лингвистике: данные о количестве языков приводятся по двум источникам (с. 286); обсуждается то, как соотносятся между собой термины «ареальная лингвистика», «лингвистическая география», «лингвогеография», «геолингвистика» (с. 294–295); описываются различные атласы языков (с. 297–298). В главе собран полезный справочный материал, включающий данные о языковых семьях по регионам (раздел 13.2) и ссылку на составленные студентами ОТиПЛ типологические описания языков. Чрезвычайно интересным и оригинальным представляется раздел 13.5, посвященный взаимодействию генеалогической лингвистики, ареальной лингвистики и типологии: разбираются ключевые для каждой дисциплины термины, а также понятия, возникающие на стыке этих подходов к описанию языкового разнообразия. Удачным обобщением этого раздела является рисунок 13.1. С остальными главами этой части книги Глава 13 связана многочисленными отсылками.

Глава 14 посвящена сравнительно-историческому языкознанию. В разделе 14.1 подробно обосновывается необходимость установления языкового родства, сравнительно-историческое языкознание вписывается в широкий научный контекст, автор главы неоднократно отсылает читателя к главам, посвященным другим областям лингвистики. Раздел 14.2 четко и лаконично определяет проблематику и методологию этимологических исследований; в разделе 14.4 на наглядных и убедительных примерах показано значение реконструкции для сравнительно-исторического изучения языков. В Главе 15 обсуждаются вопросы лингвистической типологии и содержится описание различных подходов к сравнению языков, а также — что очень ценно — описание источников данных для типологических исследований. В разделе о краткой истории изучения типологии упомянуты, как кажется, все основные направления и школы, в том числе уделено внимание вкладу отечественных лингвистов в развитие типологических исследований. Глава 16 «Социолингвистика» опирается на наиболее авторитетные русскоязычные и западные работы по социолингвистике и весьма подробно, но в то же время понятно описывает социолингвистический подход к изучению языков. Специфика этого подхода наглядно представлена через систему антитезисов к методологическим тезисам структурализма (с. 359–360). В главе много отсылок к работам, посвященным частным вопросам социолингвистики, которые позволят читателям, заинтересовавшимся этой дисциплиной, более подробно изучить отдельные темы. Глава 17 рассматривает язык в контексте культуры: обсуждаются вопросы терминологии, в том числе соотношение между англоязычными и русскоязычными названиями дисциплин, отдельный подраздел посвящен методам кросс-культурной прагматики.

В этой части книги введены все основные понятия, необходимые студентам для того, чтобы у них сложилось представление о подходах к изучению языкового разнообразия. Вместе с тем, поскольку в Главе 13 в той или иной степени затронуты вопросы,

обсуждаемые в рамках всех дисциплин, связанных с языковым многообразием, в последующих Главах 14–16 встречаются повторы (например, описание генеалогической классификации языков в Главе 14). Кроме того, в Главе 15 представлены и никак не прокомментированы две разные классификации универсалий: на с. 335 абсолютные универсалии противопоставляются импликативным, а в разделе 15.3 вводятся дихотомии «абсолютные vs. статистические универсалии» и «неограниченные vs. импликативные универсалии». К частным, но важным, на наш взгляд, предложениям по улучшению содержания этой части книги можно отнести следующее. Необходимо дать определения некоторым терминам и понятиям, которые могут быть непонятны студентам-первокурсникам: «смешанные языки» в таблице 13.1 (с. 288), «объект стохастической природы» (с. 326), «элицитация»⁴ (с. 343), «тагмемика» (с. 342), а также привести ссылку на онлайн-версию атласа WALS. Раздел 17.5 можно объединить с предшествующим разделом: сейчас он занимает всего абзац и сильно контрастирует с другими разделами главы по объему.

IV. Методы

Четвертая часть «Введения в науку о языке» знакомит читателя с методами лингвистического исследования. В Главе 18 обсуждается история интроспекции как метода, приводятся обзоры критических работ, четко очерчиваются границы применения интроспекции с методологической точки зрения. В фокус внимания автора главы попадает изучение синтаксиса. На наш взгляд, было бы интересно обсудить использование этого метода, например, в орфоэпических, лексикографических, социолингвистических и прочих исследованиях. Главу можно было бы дополнить указанием на то, что интроспекция часто служит источником гипотез и исследовательских вопросов, о чем, впрочем, сообщается в Главе 8 на рис. 8.2.

В главе «Эксперимент» рассматривается эксперимент в понимании Л. В. Щербы, перечисляются основные правила проведения эксперимента, вводятся ключевые понятия дизайна, надежности и валидности, описываются типы переменных. Описание выглядело бы более полным, если бы сопровождалось примерами, без которых может быть сложно понять разницу между, например, зависимой и независимой переменными. Складывается впечатление, что краткость этой главы продиктована тем, что в предыдущих главах обсуждались основные экспериментальные методики — в этом случае можно было бы пересмотреть организацию изложения материала в предыдущих главах. Некоторое недоумение вызывают приводимые на с. 396 формулировки: «...психолингвистика на 90 % основана на методологии эксперимента...», «...по оценкам разных исследователей распределение экспериментальных методов и методов лонгитюдного наблюдения близко к 50 % на 50 %...», — не совсем ясно, как именно производился подсчет этих распределений. Отметим, что в самом начале главы приводится замечательная метафора Г. Кларка об интроспекции, наблюдении и эксперименте, а сама методика наблюдения подробно обсуждается в следующей главе, о чем можно было написать эксплицитно.

Очень полезным для студентов, не знакомых со спецификой «коллективного метода», будет приведенное в главе «Полевая лингвистика» описание сложностей и ограничений метода, которое сопровождается практическими рекомендациями по преодолению этих ограничений. В этой главе раскрывается специфика полевой работы, последовательно разбираются конкретные задачи, связанные с документацией языка. Отдельный интерес представляет история коллективных полевых исследований научной группы филологического факультета МГУ.

⁴ Стоит отметить, что этот термин используется и в части «Методы» (впервые на с. 390), но его трактовка приводится лишь на с. 392.

Глава «Корпусная лингвистика» подробно описывает цели, задачи и основные направления корпусной лингвистики, знакомит читателя с историей этой области. Несомненным достоинством главы является указание на то, что корпусные методы находятся на стыке наблюдения и эксперимента. Автор главы вводит понятие корпуса, детально описывает основные понятия корпусной лингвистики и принципы разметки корпуса. Глава является отличным введением в корпусную лингвистику. К незначительным недостаткам можно отнести повторы (так, отличия корпуса от других текстовых ресурсов описываются несколько раз), некоторую непоследовательность приведения ссылок на разные корпуса (дается ссылка на Чешский национальный корпус, а НКРЯ, ГИКРЯ и Британский национальный корпус упоминаются без ссылок), а также ошибку в подписи к рис. 21.3 (CWIC следует исправить на KWIC). Отличным дополнением к главе мог бы стать список материалов, созданных на основе корпусов, и ссылки на них (например, на частотные словари или на словари сочетаемости).

Метод моделирования получает достаточно подробное описание в Главе 22, в которой обсуждается понятие модели и приводятся основные ее свойства и задачи. Возможно, эту главу можно было бы сократить за счет переноса ее части в главу «Квантитативные методы», поскольку наблюдается повторение информации в разделах 22.3–22.4 и 24.2–24.3. Большим достоинством главы «Квантитативные методы» можно считать подробное описание шкал и переменных различных типов, наличие примеров, а также перечисление языковых и неязыковых факторов, которые изучаются лингвистами.

В Главе 23 описаны особенности транскрибирования устной речи. Предисловие к главе знакомит читателей с традициями транскрибирования, принятыми в разных научных школах, однако не совсем ясно, почему эта информация не заслуживает отдельного раздела. Возможно, это объясняется тем, что глава имеет практическую направленность, так как в ней на конкретном примере рассматриваются основные принципы транскрибирования в русской дискурсивной традиции, что, безусловно, будет полезно студентам, работающим в рамках этого направления.

У. Прикладная и компьютерная лингвистика

В пятой части книги рассматриваются практические приложения современной теоретической лингвистики, в том числе методы, позволяющие проводить автоматическую обработку языкового материала. Данная часть состоит из семи глав, каждая из которых знакомит читателя с одним из прикладных аспектов языкознания.

В главе «Лексикография», посвященной описанию процесса создания словарей, делается акцент на разделении понятий теоретической и практической лексикографии. Доступное и исчерпывающее описание различий между разными типами словарей и их структурой наряду с обзором компьютерных методов, применяющихся в лексикографии, можно отнести к неоспоримым плюсам данной книги. Кажется, тем не менее, что раздел «Связь лексикографии с фундаментальными лингвистическими дисциплинами» дополнило бы упоминание лексикологии в контексте изучения лексического материала при помощи словарей, а также соотношения двух смежных дисциплин — лексикографии и лексикологии. Кроме того, было бы уместно более последовательно снабдить разделы данной главы ссылками на известные словари и электронные ресурсы.

В главе, посвященной процедуре документирования языка, помимо прочего, объясняются принципы глоссирования текста, которые, безусловно, станут хорошим подспорьем для начинающих лингвистов. Представляется целесообразным вынести данную главу в приложение к пособию или поместить ее в начало, учитывая, что примеры предложений на разных языках с глоссированием встречаются на протяжении всей книги.

К несомненным преимуществам главы «Транскрипция и транслитерация» можно отнести то, что эта часть книги сопровождается большим числом сопоставительных таблиц,

иллюстрирующих различия в системах транскрипции, применяемых для разных языков. При этом таблицы на с. 481–482 стали бы более наглядными благодаря указателям, поясняющим, к каким именно транскрипционным системам относятся приведенные обозначения, отличные от символов МФА. Возможным упущением является отсутствие транскрипционных систем на основе кириллицы (например, транскрипции Р. И. Аванесова), которые широко используются в исследованиях по русскому языку. Короткую главу «Алфавитизация» можно было объединить с главой «Транскрипция и транслитерация».

Глава «Автоматическая обработка звучащей речи» знакомит читателей с современными компьютерными методами и программами акустического анализа устной речи. Ключевые понятия анализа устной речи приводятся в полном объеме, глава изобилует наглядными схемами, информация излагается четко, присутствуют конкретные указания и пояснения. Знания, полученные в ходе чтения этой главы, могут быть применены на практике, хотя кажется, что степень подробности и способ изложения требуют от читателя серьезной подготовки. Хорошим дополнением к главе было бы включение ссылок на современные междисциплинарные исследования в области обработки разных аспектов устной речи. В то же время хочется отметить крайне удачный подбор научных работ для дальнейшего ознакомления с темой в разделе «Автоматическая обработка текста». Кроме того, авторы главы последовательно переводят термины на английский язык, что крайне важно и выгодно отличает эту главу от других. Иногда, однако, смущает отсутствие в издании, ориентированном в первую очередь на русскоязычного читателя, примеров на русском языке, что может усложнить восприятие материала (см. примеры на с. 519). Хотелось добавить, что некоторые лингвистические течения (например, тагемная теория на с. 467) и специализированные термины («формальный аппарат конечных трансдюсеров» на с. 521) без дополнительных пояснений могут показаться излишне сложными неподготовленному читателю. Главы «Автоматическая обработка текста» и «Извлечение информации из текста» логично дополняют друг друга и могли бы быть объединены, что позволило бы избежать повторов.

Несмотря на некоторые недочеты, описанные выше, книга, безусловно, является важной вехой в отечественном языкознании, будет полезна новым поколениям лингвистов, а также является прекрасным памятником замечательному исследователю Александру Евгеньевичу Кибрику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бондарко и др. 1991 — Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. *Основы общей фонетики*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1991. [Bondarko L. V., Verbitskaya L. A., Gordina M. V. *Osnovy obshchei fonetiki* [Fundamentals of general phonetics]. St. Petersburg: St. Petersburg Univ. Press, 1991.]
- Dąbrowska, Divjak (eds.) 2015 — Dąbrowska E., Divjak D. (eds.). *Handbook of cognitive linguistics*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2015.
- Dąbrowska, Divjak (eds.) 2019 — Dąbrowska E., Divjak D. (eds.). *Cognitive linguistics: Key topics*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2019.
- Fauconnier, Turner 1998 — Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks. *Cognitive Science*, 1998, 22(2): 133–187.
- Janda 2013 — Janda L. A. (ed.). *Cognitive linguistics. The quantitative turn. The essential reader*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013.
- Turner, Fauconnier 1995 — Turner M., Fauconnier G. Conceptual integration and formal expression. *Metaphor & Symbolic Activity*, 1995, 10(3): 183–204.

[Рец. на: / Review of:] **G. Inglese. *The Hittite middle voice: Synchrony, diachrony, typology***. Leiden; Boston: Brill, 2020. xvi + 638 p. (Brill's Studies in Indo-European Languages & Linguistics, 20.) ISBN 978-90-04-42543-9 (print), 978-90-04-43230-7 (e-book).

Andrei Sideltsev

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; acidelcev@gmail.com

Acknowledgements: The work on the review paper was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 18-18-00503.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.4.151-157

Андрей Владимирович Сидельцев

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; acidelcev@gmail.com

Благодарности: Рецензия написана при поддержке РНФ, грант № 18-18-00503.

The book comprises two parts. The first one is analytical, it consists of three chapters: Introduction, which presents the general topic of what the middle voice is and briefly characterizes Hittite, and a synchronic and diachronic descriptions of the Hittite middle voice. The second, slightly larger, part of the book is a list of verbs marked by middle voice that occur in the Author's corpus with examples, semantic and grammatical commentary — 1719 tokens overall.

This book, in the Author's own words, “represents a thoroughly revised version of [his] doctoral dissertation, which [he] defended in February 2019 at the University of Pavia/University of Bergamo”.

The book is the first monographic treatment of the subject since 1968 Erich Neu's two volumes on the same topic. Hittite studies have made a great progress since that time and a modern comprehensive treatment of the subject is very welcome. It is important that the Author himself stresses that his work does not aim to replace Neu's work: as different from Neu who focuses on morphology, he focuses on syntax and semantics of middle verbs.

The substantial introductory part (pp. 7–60) is theoretically and cross-linguistically informed and is up-to-date in its conceptual understanding of what the middle voice is. Related issues of aspect, passive etc. are also discussed.

In the brief section that deals with the current state of research (pp. 88–91) credit is largely given to Silvia Luraghi's work, which significantly shaped the approach of the Author, as well as to the work of Cotticelli Curras and Rizza on the reflexive particle and middle voice. Other relevant references duly include Melchert, Yoshida and Grestenberger. The single bibliographic omission concerns Shatskov [2010] in a very similar vein to the Author's.

The main analytical part of the book contains many findings and insights. E.g., after a lengthy discussion the author manages to provide a convincing characterization of media tantum verbs: “Hittite non-oppositional middles are predominantly associated with the encoding of spontaneous one-participant events, in which an entity is described as either being in a given state or more frequently as undergoing a (spontaneous) change of state. Syntactically, these verbs are mostly intransitives of the unaccusative type” (p. 125).

Oppositional middles, i.e., verbs that show a regular alternation between active and middle inflection have a variety of functions — they can be anticausative, reflexive, reciprocal, and passive (p. 131 and passim). Drawing distinction between these different functions is a challenge, and I will dwell more on it in the critical assessment of the book below.

Overall, the book is clearly a success, reliable and convincing. My remarks are minor and do not invalidate any of the Author's major claims.

As much of the author's discussion revolves around whether a formally middle form is anticausative, unaccusative or passive, diagnostics for its use are important. The author recognizes

only one of them — overt agent expressions (pp. 133, 140, 141). By doing this he follows Hititological tradition, yet I believe he misses at least one other reliable diagnostic for passive — possibility of agent-oriented adverbs, cf.:

- (1) NH/NS (CTH 389.1) KUB 54.1+ obv. ii 48

nu=wa ammuk GIM-an innarā ḥarak-mi
 CONN=QUOT I as purposely perish-1SG.PRS

‘When I am purposely ruined, ...’ [HED, *E-I*: 366–367, *H*: 157], cf. ‘siccome io sono chiramamento rovinato’ [Covini 2018: 35], and unconvincingly ‘Und ich werde wie von selbst zugrundegehen’ [Archi, Klengel 1985: 56, 60].

That we deal here with passive and not with intransitive unaccusative follows from the use of *innarā* ‘purposely, wilfully, of one’s own accord’ [HED, *E-I*: 366–367]. As follows from the semantics, in the cross-linguistic perspective *innarā* falls into the group of volitional adverbs, also known as agent-oriented adverbs, which are, due to their agent-orientedness, impossible with unaccusatives — verbs that have only patients in their argument structure. Passives, on the contrary, readily cooccur with agent-oriented adverbs [Alexiadou et al. 2015: 176; Kallulli 2007: 770, with references], because passives imply agents even if the agent is not overtly expressed. This diagnostic has not been previously noted in the studies on the topic [Shatskov 2010; Luraghi 2010; 2012].

Traditionally, a great deal of debate concerns which exactly function a given middle verb form has. The hardest to distinguish are, naturally, passive and anticausative functions.

The author (p. 173) remarks that in case of alternating pairs “the distribution results in a three-fold pattern in which the base verb indicates the plain event, the active derived verb its induced counterpart, and the middle derived verb the passive counterpart of the latter. This is best exemplified by the triplet *ur-āri* ‘burn (intr.)’/ *warnu-zi* ‘burn (tr.)’/ *warnu-tari* ‘be burned’”.

However, I believe the author misses an important distributional property here, namely the use of unaccusative verbs as passives of the causative derived from the unaccusative verb.

I believe the following data supports this pattern: underived unaccusative verb — causative derived from it, with the underived unaccusative verb functioning (in some contexts) as passive to the causative verb.

Thus, intransitive unaccusative *hark-* ‘perish’, besides its dominating use, is also rarely used as passive to causative verbs *harnink-* and *harganu-* ‘destroy’, which are derived from it, see (1) above. This derivation itself has been repeatedly observed [HED *H*: 167; Luraghi 2010: 144; 2012: 18; Shatskov 2017: 25; Covini 2017: 56; the book under review], but the use of the unaccusative *hark-* ‘perish’ as passive to the causative verbs has not been noted.

One of the clearest examples of this pattern is *war-* ‘burn (intr.)’ alongside causative *war-nu-* ‘burn (tr.)’. Although the Author claims that this verb best exemplifies the distribution he describes (see immediately above), in reality some of the uses of *war-* can only be understood as passive, following [Neu 1968a: 189–190]:

- (2) NS (CTH 481.A) KUB 29.4+ rev. iii 58

EGIR-ŠU=ma SILÁ ambašši war-āni
 then=but lamb offering.NOM.SG.N burnt-3SG.PRS.MED

‘And thereafter the lamb is burnt as a burnt-offering’, cf. [Miller 2004: 293].

Luraghi [2012: 21] assesses the context and wants to see it as the use of an intransitive verb.

The clause occurs in a series of active verb clauses with unknown 3PL referents. For the sake of space I reproduce the context in Miller’s translation (which I keep intact, the clause is marked bold in the translation): “Then they perform the ritual of blood with a kid, and thereafter they perform the praise (ritual) with a lamb, **and thereafter he burns the lamb as a burnt-offering**. And thereafter, along with the table-men, they bring to the deity all the soups, [...] They give (it) to the deity to eat. Further, they carry the *ulihī* into the house of the ritual patron accompanied by a harp (and) a drum. And beneath her they scatter sourdough bread, crumbled cheese

and fruits. Further, they wave some *husti*-mineral substance over the deity, and then they set the deity in the storehouse” [Miller 2004: 293].

It is true there is no explicit agent in the context [Luraghi 2012: 18]. However, by itself absence of the explicit agent in passive is common both in Hittite and beyond (as is duly noted by the author) and does not by itself prove anything. The fact that the middle verb occurs in the broader context where all the rest of actions have indefinite 3PL agents implies the presence of an implicit agent for the middle form as well. Thus, despite Inglese’s opinion that middle forms in such cases indicate the plain event ‘burn (intr.)’, I suppose that the forms are indeed ambiguous between an anticausative and a passive reading and the latter is much more plausible on the basis of the broader context.

The passive interpretation and the presence of an external argument is all the more likely as in another fragment of the same ritual description, lexically identical to (2) above, the 3PL active form is used. It proves that the action in (2) was perceived as agentive:

- (3) NS (CTH 481.A) KUB 29.4+ obv. ii 38
 E[(GIR-š)]*U=ma* SILÁ *ambaššūī* *war-nuw-anzi*
 then=but lamb offering.ACC.SG.N burn-CAUS-3PL.PRS

‘Afterwards, however, they **burn** a lamb for a burnt-offering’ [Miller 2004: 283].

It is important to observe that even though this line of argumentation is not strictly syntactic, the actions within a ritual are extremely standard and cannot be altered unconditionally. Thus, I hold such contexts as (2) to be yet another possible, although indirect, indication of the passive use of a verb. They are even likelier to be passive in view of prototypical unaccusative contexts like the following:

- (4) OH/OS (CTH 336.2.A) KUB 33.59 rev. iii 9’
kēdani=ma pahhur ur-āni
 this.LOC.SG=but fire.NOM.SG.N burn-3SG.PRS.MED

‘The fire **is burning** on this’ [Hoffner 1998: 31; HEG, *W*: 305; Rieken et al. 2009].

It is obvious that in this case no external argument is present, even implicitly. And unaccusative contexts like (4) show all the clearer presence of an implicit external argument in examples like (2).

Finally, the following context shows simultaneous use of the causative verb and the intransitive one that can be interpreted only as passive:

- (5) MH/NS (CTH 484.1.A) KUB 15.31+ obv. ii 1–2
 1. ANA 9 KAŠKAL-*NI=ma* MUŠENḫi.a *kiššan war-nu-zi*
 to 9 ways=but birds thus burn-CAUS-3SG.PRS
 2. 1 M[UŠEN] ḫuwalzi-ya dalaḫulzi-ya *war-āni*
 1 bird *h.*-DAT.SG *d.*-DAT.SG burn-3SG.PRS.MED

‘(1) But (the priest) **burns** the birds for the nine paths thus: (2) 1 bird **is burned** for *huwalzi* and *dalaḫulzi*’ etc. [Haas 1998: 39], cf. ‘(1) ma (il sacerdote esorcista) brucia uccelli per nove sentieri nel modo seguente: (2) brucia un uccello per il *huwalzi* e per il *talaḫulzi* ...’ [Fuscagni 2017].

The passive interpretation follows from the presence in the broader context of the implicit agent of the passive which is coreferential to the explicit subject of the causative verb.

I believe that the material makes a very strong case for interpreting middle forms of *war*-‘burn (intr.)’ as passive to its derivative *warnu*-‘burn (tr.)’. The Author does not discuss these contexts as they fall outside of his corpus. Instead, he explicitly writes: “Since the verb lacks an oppositional active transitive paradigm, Neu’s (1968a: 189–190) interpretation of middle forms of *ur-āni* as passive is unwarranted. Rather, the verb always indicates a spontaneous combustion event.” However, I hold his logic to be flawed. As we saw above, there are contexts that are hard to assess as a spontaneous combustion event.

Another intransitive–transitive verb pair that functions in the same text as part of the same paradigm is *kišt-* ‘be extinguished’ — *kišt-anu-* ‘extinguish’, the transitive verb is again derived from the intransitive one.

The following two pairs of examples — (6)–(7) from one text and (8)–(9) from another — unambiguously show that *kišt-* ‘be extinguished’ functions to its causative *kišt-anu-* ‘extinguish’ in the same way as the passive construction with the passive participle directly derived from *kišt-anu-* ‘extinguish’:

- (6) MH/MS (CTH 458.1.1.A) KBo 17.54+ rev. iv 8’–9’
n=aš=kan kiš<ta>-nu-zi
 CONN=them=LOCP be_extinguished-3SG.PRS.MED
 ‘He **extinguishes** them’ [Fuscagni 2016].
- (7) MH/MS (CTH 458.1.1.A) KBo 17.54+ rev. iv 13’
[nu] kī mahḥan kišt-āri
 CONN this.NOM.SG.N as be_extinguished-3SG.PRS.MED
 ‘As this **is extinguished**, ...’ [HED, *H*: 167], cf. [Fuscagni 2016].
- (8) OH/NS (CTH 450.I.Tg3) KUB 30.15+ obv. 2
n=ašta IZI ištū 10 DUG KAŠ 1[0 DUG GEŠTIN] 10 DUG
 CONN=LOCP fire with 10 vessel beer 10 vessel wine 10 vessel
walḥi kišta-nuw-anzi
 walḥi_beverage.ACC.SG.N extinguish-CAUS-3PL.PRS
 ‘They **extinguish** the fire with beer and wine’ [Kassian et al. 2002: 260–261].
- (9) OH/NS (CTH 450.I.Tg3) KUB 30.15+ obv. 12-13
pa[hḥ]ur=ma=kan i[št]ū KAŠ GEŠTIN k[a]rū kišta-nuw-an
 fire.NOM.SG.N=but=LOCP with beer wine already extinguish-CAUS-PTCP.NOM.SG.N
 ‘The fire **has** already **been extinguished** with beer and wine’ [Kassian et al. 2002: 262–263].

It is important that the two contexts (6)–(7) refer to the same action at different points of the text, and so do the contexts (8)–(9). Whereas in the latter pair (9) contains the prototypical passive verb form (*kišta-nuw-an*), in the former pair (7) attests at face value the middle intransitive verb (*kišt-āri*) in the context, identical to the passive in (9).

It is hard to interpret the evidence as anything different than the use of intransitive *kišt-* ‘be extinguished’ as the passive to *kišt-anu-* ‘extinguish’. In any case, it is identical to the use of the analytical passive directly from *kišt-anu-* ‘extinguish’, cf. [Neu 1968a: 99].

The author again does not discuss the evidence provided above (because it falls outside of his corpus). He again states (p. 310): “Since it lacks an active counterpart and never occurs with Agent phrases, the verb should not be interpreted as passive, but can be better taken as indicating a spontaneous event. This interpretation is supported by the existence of a causative transitive counterpart *kištanu-zi* ‘exterminate’ (Neu 1968b: 53), which shows that causative alternation with this verb is associated with the use of the transitivizing suffix *-nu-* (cf. Luraghi 2010: 144)”. Again, I have attempted to show above that this logic is misleading.

The examples can be found with virtually any other intransitive which is attested frequently enough.

At this point I will remind again that the position that lack of explicit agent *by*-phrase in a concrete clause that appears to be taken in the book under review (and in general in post-Neu studies of Hittite passive voice) as an indication that this is not passive, is wrong. Agent *by*-phrases are very often implicit in any language with passive, so they can function as tests that a particular verb form is passive in living languages only. Thus its presence implies that the form is passive, however, its absence does not imply that the form is not passive.

Now I will look at yet another example.

Ze- ‘cook (intr.)’, alongside the derived causative *za-nu-* ‘cook (tr.)’, is used both as an intransitive verb and as passive to the causative, see for the latter (10, clause 2). The causative forms

its own passive as the participle *za-nuw-ant-* + ‘be’, illustrated in (11). Everything that has been said about the previous verb holds for this one as well:

- (10) MH/MS (CTH 396.1.1) KBo 15.25 rev. 6
 1. *nu* ^{UZU} NÍG.GIG ^{UZUŠÀ} IZI-[*it*] *za-}nu-anzi*
 CONN liver heart fire-INSTR cook-CAUS-3PL.PRS
 2. *mahhan=ma=at ze-ari*
 when=but=it be_cooked-3SG.PRS.MED
 ‘(1) They **cook** liver and heart with fire. (2) When it **is cooked**, ...’, cf. [Chrzanowska 2012; Neu 1968a: 206].
- (11) MH/MS (CTH 616.2.D) KBo 9.140 rev. iii 8–9
^{UZU} NÍG.GIG ^{HÍ.A} =*ma* ŠA GU₄.ÁB.ŠE Û ŠA UDU^{HÍ.A} *karū za-nu-anta*
 livers=but GEN cow.fat and GEN sheep already cook-CAUS-PTCP.NOM.PL.N
 ‘But the livers of a fat cow and of the sheep had already been cooked’ [Popko, Taracha 1988: 97, 99; HEG, Z: 659].

Although the actual description of the cooking procedure is not preserved in this case, it is clear that it was mentioned and is now referred back to. The author (pp. 318–320) does not even consider the possibility of passive interpretation for this verb.

Waršīye- ‘be lifted, be appeased’ is also used as passive to its causative *warš(iy)anu-* ‘lift, appease’:

- (12) MH/MS (CTH 330.1.M) KUB 33.62 obv. ii 4–6
 1. [*nu katterran h̄]ān*
 CONN lower.ACC.SG.C draw.2SG.IMP
 2. *IM-aš=kan warš-ta*
 clay.NOM.SG.C=LOCP lift-3SG.PRS.MED
 3. *šarāzziyan [(h̄)ān]*
 upper.ACC.SG.C draw.2SG.IMP
 4. [(*m*)]*āl=az=kan warš-ta*
m.=REFL=LOCP lift-3SG.PRS.MED
 5. *nu ištarniyan [h̄)ān]*
 CONN middle.ACC.SG.C draw.2SG.IMP
 6. [^o(š)ā)]*mma=ma=kan warš-ta*
s.-nut=but=LOCP lift-3SG.PRS.MED
 ‘(1) Dip the lower (2) and the clay will be lifted. (3) Dip the upper (4) and the *mal* will be lifted. (5) Dip the middle (6) and the *sammama*-nut will be lifted’, following [Kloekhorst 2008: 970], cf. [Glocker 1997: 35; CHD, Š: 115].

The context, which falls outside of the Author’s database and thus is not treated by him, is a very good candidate for a passive use of the intransitive verb.

No passive forms are attested directly from causative *warš(iy)anu-* ‘lift, appease’.

Other forms of *waršīye-* ‘be lifted, be appeased’, for which see [Kloekhorst 2008: 969], are also easy to interpret as passive, although it cannot be excluded they are intransitive, as the Author earlier posited in his dissertation [Inglese 2018: 496]. The likeliest candidate for the passive use **is** acknowledged by the author in the book under review (p. 552).

Competing use of intransitive verbs and middles from transitive verbs has been observed by the Author for other verbs too, e.g., (p. 174): “middle forms of [putatively transitive] *nakkiyahh-ta(r)* are virtually identical to the verb *nakkēšš-zi* ‘become difficult, important’. In this respect, intransitive verbs and the middle voice [from the transitive verbs] constitute competing strategies in the encoding of the anticausative alternation for some bases, and the higher productivity of *ēšš*-verbs can be seen as one of the reasons behind the limited distribution of intransitivizing middle forms of *ahh-* and *nu-*verbs”.

It is important to stress that the Author does not regard the use of intransitives as **passive** to transitives from the same root. He observes that intransitive verbs and the middle-voice forms of transitive verbs constitute two competing strategies in the encoding of the anticausative alternation for some roots. However, even by itself, this falls neatly into the picture I am drawing here — that intransitives not derived from transitives compete with the forms that are derived from transitives and thus, demonstrably, are drawn into their paradigm.

The alternating intransitive and transitive verbs have been distinguished before, see [Luraghi 2012; Inglese 2018; the book under review]. It has not been observed, however, that it also involves coexistence of both unaccusative and passive uses of the intransitive verb for each class. Only the alternating middle class and suppletive passives are commonly known to show such coexistence. The seemingly minor claim which I am making here that intransitive (not necessarily middle!) — causative pairs show it too is, however, of significance.

In conclusion, it should be reiterated that the book under review is an important study of the middle voice in Hittite. Even though one may argue with the Author on some specific points, the general ideas expressed in the book are convincing and the analysis of the data is reliable. The book will remain a standard reference tool for years to come.

ABBREVIATIONS

ACC — accusative	MS — Middle Script
C — common gender	N — neuter
CAUS — causative	NH — New Hittite
CONN — clause connective	NOM — nominative
DAT — dative	NS — New Script
GEN — genitive	OH — Old Hittite
IMP — imperative	OS — Old Script
INSTR — instrumental	PL — plural
KBo — Keilschrifttexte aus Boğazköy	PRS — present
KUB — Keilschrifturkunde aus Boğazköy	PTCP — participle
LOC — locative	QUOT — quotative
LOCP — locative particle	REFL — reflexive
MED — middle voice	SG — singular
MH — Middle Hittite	

REFERENCES

- Alexiadou et al. 2015 — Alexiadou A., Anagnostopoulou E., Schäfer F. *External arguments in transitivity alternations*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2015.
- Archi, Klengel 1985 — Archi A., Klengel H. Die Selbstrechtfertigung eines hethitischen Beamten (KUB LIV 1). *Altorientalische Forschungen*, 1985, 12: 52–64.
- CHD — Güterbock H., Hoffner H., van den Hout T. (eds.). *The Hittite dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Chicago: The Oriental Institute of the Univ. of Chicago, 1989–.
- Chrzanowska 2012 — Chrzanowska A. *Ritual der Ḫatiya von Kanzipida gegen die dämonische Wišuriyant (CTH 396.1.1)*. E-publication, 2012. hethiter.net/: CTH 396.1.1.
- Covini 2017 — Covini A. *Formazioni causativi nelle lingue indoeuropee di più antica attestazione*. Ph.D. diss., Università per stranieri di Siena, Universität zu Köln, 2017.
- Covini 2018 — Covini A. Ersatzkontinuanten e ricostruzione indoeuropea: ie. *h₃elh₁- [...] > itt. *hark(iyel a)-mi* ‘cadere in rovina’, *harni(n)k-mi*, *harganu-mi* ‘mandare in rovina’. *Annali del Dipartimento di Studi Letterari, Linguistici e Comparati. Sezione linguistica*, 2018: 13–46.
- CTH — Košak S., Müller G. G. W., Görke S., Steitler Ch. W. *Catalog der Texte der Hethiter*. <https://www.hethport.uni-wuerzburg.de/CTH/>.
- Fuscagni 2016 — Fuscagni F. *Fragment eines Beschwörungsrituals mit mythologisch-erzählenden Partien (CTH 458.1)*. E-publication, 2016. hethiter.net/: CTH 458.1.1.

- Fuscagni 2017 — Fuscagni F. *Rituale di evocazione per le dee DINGIR.MAḪ, le dee Gulšeš, le dee DINGIR.MAḪ degli dei e le dee DINGIR.MAḪ delle parti del corpo degli uomini e per le dee Zukki e Anzili* (CTH 484). E-publication, 2017. hethiter.net/: CTH 484.
- Glocker 1997 — Glocker J. *Das Ritual für den Wettergott von Kuliwisna*. Firenze: LoGisma, 1997.
- Haas 1998 — Haas V. *Die hurritischen Ritualtermini in hethitischem Kontext*. Roma: Multigrafica Editrice, 1998.
- HED — Puhvel J. *Hittite etymological dictionary*. Berlin: Mouton, 1984–.
- HEG — Tischler J. *Hethitisches etymologisches Glossar*. Innsbruck, 1977–2016.
- Hoffner 1998 — Hoffner H. A., Jr. *Hittite myths*. 2nd edn. Atlanta (GA): Society of Biblical Literature, 1998.
- Inglese 2018 — Inglese G. *The Hittite middle voice*. Ph.D. diss., Univ. of Bergamo, 2018.
- Kallulli 2007 — Kallulli D. Rethinking the passive/anticausative distinction. *Linguistic Inquiry*, 2007, 38/4: 770–780.
- Kassian et al. 2002 — Kassian A., Korolev A., Sideltsev A. *Hittite Funerary Ritual šalliš waštaiš*. Münster: Ugarit Verlag, 2002.
- Kloekhorst 2008 — Kloekhorst A. *Etymological dictionary of the Hittite inherited lexicon*. Leiden: Brill, 2008.
- Luraghi 2010 — Luraghi S. Transitivity, intransitivity and diathesis in Hittite. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya — XIV*: Proc. of the readings in memoriam Prof. Iosif Tronsky. Kazansky N. N. (ed.). Part 2. St. Petersburg: Nauka, 2010, 133–154.
- Luraghi 2012 — Luraghi S. Basic valency orientation and the middle voice in Hittite. *Studies in Language*, 2012, 36(1): 1–32.
- Miller 2004 — Miller J. *Studies in the origins, development and interpretation of the Kizzuwatna rituals*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2004.
- Neu 1968a — Neu E. *Interpretation der hethitischen mediopassiven Verbalformen*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1968.
- Neu 1968b — Neu E. *Das hethitische Mediopassive und seine indogermanische Grundlagen*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1968.
- Popko, Taracha 1988 — Popko M., Taracha P. Der 28. und der 29. Tag des hethitischen AN.TAH.ŠUM-Festes. *Altorientalische Forschungen*, 1988, 15(1): 82–113.
- Rieken et al. 2009 — Rieken E. et al. *Mythen der Göttin Inara*. E-publication, 2009. hethiter.net/: CTH 336.2.
- Shatskov 2010 — Шацков А. В. Пассивные употребления медиальных форм глагола в хеттском языке. *Индоевропейское языкознание и классическая филология — XIV*: Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. Казанский Н. Н. (отв. ред.). Ч. 2. СПб.: Наука, 2010, 444–449. [Shatskov A. V. Passive uses of middle verb forms in Hittite. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya — XIV*: Proc. of the readings in memoriam Prof. Iosif Tronsky. Kazansky N. N. (ed.). Part 2. St. Petersburg: Nauka, 2010, 444–449.]
- Shatskov 2017 — Shatskov A. *Hittite nasal presents*. Ph.D. diss., Univ. of Leiden, 2017.

Получено / received 12.12.2021

Принято / accepted 24.05.2022

[Рец. на: / Review of:] **R. L. Kramer (ed.). *The expression of phasal polarity in African languages***. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2021. ix + 547 p. ISBN 9783110627510.

Евгения Сергеевна Клягина

Институт языкознания РАН, Москва, Россия;
eklyagina@gmail.com

Evgenia S. Klyagina

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; eklyagina@gmail.com

Анастасия Борисовна Панова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия;
anastasia.b.panova@gmail.com

Anastasia B. Panova

HSE University, Moscow, Russia;
anastasia.b.panova@gmail.com

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.4.158-166

Сборник «The expression of phasal polarity in African languages» под редакцией африканистки Р. Крамер (Гамбургский университет) посвящен показателям фазовой полярности в языках Африки. Сборник содержит работы, представленные на конференции «The expression of phasal polarity in sub-Saharan African languages», проводившейся в феврале 2018 г. в Гамбургском университете, но не ограничивается ими.

Фазовая полярность (далее ФП) — лексико-грамматическая категория, включающая в себя четыре значения: УЖЕ, ЕЩЕ, УЖЕ НЕ и ЕЩЕ НЕ (англоязычные обозначения — ALREADY, STILL, NO LONGER и NOT YET). Следуя традиции, восходящей к [van Baar 1997], здесь и далее значения ФП мы выделяем малыми прописными, чтобы избежать прямых ассоциаций с показателями ФП конкретных языков. Обсуждение ФП как самостоятельной категории началось с работ С. Лёбнера и Й. ван дер Ауверы, опубликованных на рубеже 1980–1990-х гг. В статье [Löbner 1989: 172] на материале немецкого языка было показано, что значения ФП связаны друг с другом внутренним или внешним отрицанием: ЕЩЕ (нет) = ЕЩЕ НЕ; НЕ (ЕЩЕ) = УЖЕ НЕ; УЖЕ (нет) = УЖЕ НЕ, НЕ (УЖЕ) = ЕЩЕ НЕ. Данный анализ, ставший известным как «гипотеза дуальности» (Duality Hypothesis) и позже разрабатывавшийся, в частности, в [Krifka 2000], критиковался в работе [van der Auwera 1993]. В качестве альтернативы ван дер Аувера предлагает анализ, который он в общих чертах пересказывает в своей статье в рецензируемом сборнике. Еще одна важная теоретическая работа, затронувшая понятие ФП, — статья В. А. Плуңгяна [Plungian 1999], посвященная категории фазовости. Как позже было отмечено в [Горбунова 2014: 36], определение фазовости, предлагаемое Плуңгяном — утверждение о существовании (+) или несуществовании (–) ситуации в момент времени t_0 по сравнению с некоторым более ранним моментом времени t_1 , — описывает как раз те выражения, которые обычно называются показателями ФП, см. соответствия определений фазовых значений (по Плуңгяну) значениям фазовой полярности в таблице 1.

Значения фазовой полярности

Таблица 1

t_1	t_0	
–	+	УЖЕ
+	+	ЕЩЕ
–	–	ЕЩЕ НЕ
+	–	УЖЕ НЕ

Типологическое изучение показателей ФП начинается с работы [van der Auwera 1998], посвященной фазовым наречиям в 50 языках Европы (включая языки Кавказа и европейской части России) и диссертации [van Baar 1997], где обсуждаются показатели ФП в 40 языках разных языковых семей и ареалов. Среди недавних работ стоит отметить исследование ФП в отдельных языках, а также в языках отдельных ареалов или семей, ср. [Горбунова 2014] об атаяльском, [Löfgren 2019] о языках банту, [Veselinova 2019; Veselinova et al., to appear] об австронезийских языках, [Клягина, Панова 2021] об абхазо-адыгских языках. Рецензируемый сборник представляет собой очередной и на сегодняшний день наиболее масштабный пример комплексного обсуждения показателей ФП в языках одного ареала.

Сборник состоит из трех разделов. Первый раздел («Introduction») включает в себя две статьи, посвященные теоретическому обсуждению ФП. Второй раздел («Phasal polarity expressions in African languages») состоит из 15 статей, описывающих способы выражения значений ФП в языках Африки, при этом семь статей из пятнадцати посвящены языкам банту. Последний раздел («Grammaticalization processes and historical developments of phasal polarity expressions in African languages») включает в себя три статьи, обсуждающие пути грамматикализации показателей ФП в африканских языках.

В вводной статье «**Introduction: The expression of phasal polarity in African languages**» Р. Крамер заостряет внимание на сложностях, связанных с выделением и анализом показателей ФП. Удивительно, что в сборнике не присутствует другая работа Р. Крамер, так и оставшаяся неопубликованной — «Position paper on phasal polarity expressions» 2018 г. Именно в работе 2018 г. на основе [van Baar 1997] Крамер предлагает довольно четкие критерии и план анализа показателей ФП, которыми активно пользуются большинство авторов статей в сборнике. В статье же, представленной в книге, основное внимание уделено проблемам, возникающим при анализе показателей ФП согласно критериям из [Kramer 2018]. Сначала Р. Крамер обсуждает два основных принципа определения показателей ФП, введенные в [van Baar 1997]: обобщенность (*generalization*) и специализированность (*specialization*). Первый принцип требует, чтобы показатели ФП свободно сочетались со всеми временами, в то время как, согласно второму принципу, показатели ФП не должны иметь никаких других ядерных значений, кроме фазового. Тем не менее, как показывает Крамер, даже Т. ван Баар не всегда последовательно придерживается принципа обобщенности, а принцип специализированности требует чрезвычайно тщательного семантического анализа, который не всегда легко провести при работе с языковым материалом. Далее Крамер подробнее обсуждает один из параметров, введенных ею в [Kramer 2018], а именно параметр (внутренней) парадигматичности, касающийся морфосинтаксического статуса каждого из четырех показателей ФП. Здесь она закономерно предлагает сравнивать показатели ФП не только друг с другом, но и с другими единицами того же морфосинтаксического статуса. В следующем разделе Крамер останавливается на показателе *-mesha-* из языка суахили (банту), который может переводиться либо как уже, либо как уже не (1). Как утверждает Крамер, в английском подобное значение возникает в предложениях типа *She has already eaten*, где оно, на наш взгляд, является естественным следствием сочетания *already* с перфектом, включающим в фокусное время результирующее состояние.

(1) *wa-mesha-imba*

2-МЕСНА-петь

(i) 'They have already sung (Они уже спели)'.
(ii) 'They do not sing anymore (Они уже не поют)'. (с. 14)

Статья завершается кратким пересказом остальных статей сборника.

В статье «**Phasal polarity — warnings from earlier research**» Й. ван дер Аувера, как и следует из названия, пересказывает свои предыдущие работы [van der Auwera 1993; 1998], содержащие критику «гипотезы дуальности» [Löbner 1989]. Он показывает, что английские выражения *still not* и *not yet*, которые согласно теории Лёбнера должны быть

синонимичными, на самом деле таковыми не являются. В контексте, где нет противоречия между действительной и ожидаемой ситуациями (в терминах ван дер Ауверы, «нейтральный сценарий»), возможно *not yet* (2a), но невозможно *still not* (2b). Выражение *still not* возможно только в так называемых контрфактивных сценариях, где действительная ситуация происходит раньше или позже, чем ожидал говорящий.

(2) а. *When a child is born, she has not yet experienced anything.*

‘Когда ребенок рождается, он еще ничего не испытал в этой жизни’.

б. *When a child is born, she still has not experienced anything.*

‘Когда ребенок рождается, он все еще ничего не испытал в этой жизни’. (с. 448)

В заключение ван дер Аувера обращает внимание, что многие африканисты [Plungian 1999; Heine et al. 1991] ошибочно считают, что нарушенные ожидания всегда входят в семантику показателей ФП. В действительности же возможность употребляться в нейтральном и/или контрфактивном сценариях является параметром вариативности.

Раздел с описаниями показателей ФП в отдельных языках начинается со статьи Р. Бернандера «**The phasal polarity marker *-(a)kona* in Manda and its history**». В языке манда (< банту) значение уже маркируется вспомогательным глаголом *-mal* ‘закончить, завершить’, значение уже не выражается сочетанием рефактивной частицы *kavili* с отрицанием, а значения еще и еще не — с помощью показателя персистива¹ *-(a)kona*, которому и посвящена основная часть статьи. Этот показатель интересен тем, что ни в одном из значений он не требует показателя отрицания. Значение показателя *-(a)kona* зависит от типа глагольной конструкции: в конструкции с инфинитивом он имеет значение еще, а в конструкции, похожей на сериальную, — значение еще не. Далее Бернандер объясняет, почему в конструкции со значением еще не отсутствует отрицание. По его мнению, изначально в этой конструкции присутствовал префиксальный показатель отрицания, однако позже, по принципу цикла Есперсена, этот показатель исчез и был заменен постглагольными частицами. При этом по какой причине постглагольное отрицание не появилось в конструкции со значением еще не, автор не поясняет.

Статья З. Молочевой, С. Намьяло и А. Вицлак-Макаревич «**Phasal Polarity in Ruuli (Bantu, JE.103)**» представляет собой пример работы, в которой при анализе показателей ФП последовательно применяются критерии из [Kramer 2018]: набор значений ФП, выражаемых одним и тем же показателем (coverage); множество сценариев, в которых используется показатель (pragmaticity и telicity); морфосинтаксический статус показателей (wordhood); наличие специальных показателей для каждого значения ФП (expressibility); взаимодействие показателей с отрицанием (internal paradigmaticity) и их сочетаемость с различными значениями ТАМ (external paradigmaticity). В языке руули (< банту) нет специального выражения для значения уже, а значения еще, уже не и еще не маркируются с помощью префикса персистива *ku-*. Значение уже не выражается сочетанием показателя персистива и отрицания, в то время как значение еще не, как и в языке манда, отрицания не требует: выбор между значениями еще и еще не зависит от типа конструкции.

Н. Нассенштайн и Х. Паш в статье «**Phasal polarity in Lingala and Sango**» неожиданным образом объединяют описания систем ФП в языках, распространенных на близких территориях, но имеющих довольно дальнее родство: язык лингала относится к группе банту, а язык санго возник в начале XX в. на основе языка нгбанди (< убангийские). Примечательно, что для значения уже в языке лингала существуют два показателя — *déjà* и *sí* (с. 100–101). Обсуждая семантические различия между ними, авторы используют термины «retrospective», «completive», «resultative» и «prospective», но не объясняют, как они понимают эти термины, что может ввести читателя в заблуждение. Еще одной интересной

¹ Персистив — термин, используемый для показателей еще главным образом в литературе по языкам банту, ср. [Nurse 2008].

характеристикой системы ФП в лингала является отсутствие специального показателя персистива, типичного для других языков банту. В языке санго наибольший интерес представляет вспомогательный глагол *de* ЕЩЕ, который без комплемента имеет значение ЕЩЕ НЕ (в разделе про ЕЩЕ НЕ авторы это почему-то не упоминают), ср. (3)–(4):

(3) *Baba, kodoro a-de yongoro mingi!*
father village SM-continue far very
'Отец, деревня все еще очень далеко!' (с. 114)

(4) (*ngoyi ti*) *ngu a-de*
season sub water SM-continue
'Сезон дождей еще не начался /еще не закончился'. (с. 115)

Нассенштайн и Паш утверждают, что такое выражение значения ЕЩЕ НЕ (без показателей отрицания) не описывается ни в какой литературе по ФП. Это демонстрирует, что авторы, очевидно, не имели возможности прочитать остальные статьи из рецензируемого сборника — например, обсужденные выше работы о манда и руули, где описывается очень похожее явление.

Б. Перзон в статье «**Phasal polarity in Nyakyusa (Bantu, M31)**» удачно совмещает свои собственные наблюдения и анализ показателей согласно параметрам из [Kramer 2018]. Статья посвящена еще одному языку банту — някюса, имеющему систему ФП, в целом похожую на системы манда, руули и санго. Центральным элементом системы някюса является показатель персистива *kaali*, который в конструкциях с комплементом значит ЕЩЕ, а в конструкциях без комплемента — ЕЩЕ НЕ. Интересно, что, если в конструкции с персистивом все-таки добавить отрицание, она будет передавать значение ЕЩЕ НЕ в контрфактивном сценарии.

В статье «**The expression of phasal polarity in Cwabo (Bantu P34, Mozambique)**» Р. Геруа рассказывается о показателях ФП в языке кувабо, тоже относящемся к банту. Особенностью описываемой системы является то, что значение ЕЩЕ выражается показателем рестриктива — клиткой =*vi*, которая имеет два основных значения: 'только' и 'все еще'. Геруа выдвигает гипотезу, согласно которой значение 'только' у клитки =*vi* стало результатом следующего семантического перехода: 'все еще' → 'всегда' → 'только' (ср. *I am still walking* → *I am always walking* → *The only thing I do is walk* → *I am only walking*). Было бы весьма уместно упомянуть в статье, что данный тип полисемии широко распространен в языках Австралии [Evans 1995: 248–249, van Baar 1997: 110–113] и австронезийских языках [Veselinova et al., to appear], для которых выдвигалась аналогичная гипотеза.

Статья Р. Кислинга «**Phasal polarity in Isu — and beyond**» посвящена ФП в языке ису (< банту) и нескольких близкородственных языках. Как и в большинстве языков банту, описанных в рецензируемом сборнике, в ису нет специализированного показателя для уже, при этом автор считает, что это может коррелировать с присутствием в языке фокализированных прошедших времен. Загадкой системы ФП в ису остается неразличимость показателей ЕЩЕ НЕ и уже НЕ: оба значения выражаются либо сочетанием показателя отрицания с элементом *ná(a)m(á)* ЕЩЕ, либо сочетанием показателя отрицания с показателем рефактива *kám(á)*. В качестве предположения автор замечает, что выбор значения данных сочетаний может быть связан с типом отрицания в клаузе: «перфективное» с ЕЩЕ НЕ vs. «имперфективное» с уже НЕ.

В статье С. Мекамгум «**Phasal polarity in Dgǎmba**» рассматривается система ФП в языке нгемба (< банту). Она содержит несколько дополнительных семантических противопоставлений между показателями, соответствующими одному и тому же значению (см. таблицу 2): выбор показателя для уже зависит от иллюкутивной силы и аспекта, а значение ЕЩЕ выражается разными показателями в разных сценариях Й. ван дер Ауверы. Кроме того, сочетания показателя *wí* ЕЩЕ с отрицанием хорошо иллюстрируют работу внешнего и внутреннего отрицания согласно «гипотезе дуальности» [Löbner 1989].

Таблица 2

Система фазовой полярности в нгемба

УЖЕ		ЕЩЕ НЕ	
PFV	<i>ndá?</i>	нейтральный / «поздний» сценарий	<i>wwó</i> + NEG
IPFV	<i>deza, (nd)zaŋə</i> ‘раньше’		} <i>wí</i> + NEG
вопросы	<i>wwó</i> («поздний» сценарий)		
ЕЩЕ		УЖЕ НЕ	
	<i>wí</i>		NEG + <i>wí</i>

Статья Р. Крамер «**Phasal polarity expressions in Fula varieties of northern Cameroon**» начинает череду работ о языках за пределами банту. Крамер сравнивает две разновидности языка фула (< атлантические): «устную» (oral variety) и стандартизованную (standardized variety). На протяжении всей статьи она показывает, что система ФП в устном фула гораздо более симметрична с точки зрения параметра парадигматичности (paradigmaticity), чем в стандартизованном. Например, в стандартизованном фула одним из способов выражения значения УЖЕ является сочетание лексического глагола с глагольной формой *timmi* ‘закончено’ в конце клаузы, которое ограничено контекстами с перфективными глаголами. В то же время в устном фула *timmi* грамматикализовалось в отглагольное наречие, совместимое со всей временной парадигмой. Крамер связывает эту тенденцию с тем, что устный фула для многих является вторым языком и поэтому у его носителей наблюдается тенденция («упрощать» языковую систему.

В языке бамбара (< манде), рассматриваемом в статье К. Домбровски-Хан «**Phasal polarity expressions in Bambara (Mande): Pragmatic distinctions and semantics**», значения ФП выражаются элементами, занимающими последнюю позицию в клаузе. Домбровски-Хан обсуждает прагматические различия между показателями, выражающими одно и то же значение, в терминах сценариев. Так, выражение *háli bí* передает значение ЕЩЕ в контексте нейтрального сценария, а когда оно входит в состав других конструкций (например, *háli bí* ЕЩЕ + *bán* ЕЩЕ НЕ), эти конструкции употребляются в контрфактивном сценарии. Интересно, что элемент *háli* заимствован в бамбара из арабского и в качестве заимствования также встречается во многих языках мира, включая, например, нахско-дагестанские (с. 287), ср. лезг. *hele* ЕЩЕ [Haspelmath 1993: 210].

Г. Цигельмейер в статье «**What about phasal polarity expressions in Hausa — Are there any?**» перечисляет различные способы выражения значений ФП в языке хауса (< чадские) и утверждает, что ни одно из значений не имеет специального выражения. Например, по мнению автора, наречие *tùkùn(n)a* ЕЩЕ НЕ не является «настоящим» показателем ФП, так как (i) оно является заимствованием, (ii) в утвердительных контекстах употребляется в значении ‘сначала’, (iii) а в значении ЕЩЕ НЕ оно в большинстве контекстов может появляться только в сочетании с отрицанием (!) (с. 299). Данная позиция и в особенности последний пункт, очевидно, являются слишком категоричными: если следовать изложенной аргументации, русск. *еще не* или англ. *not yet* также нельзя назвать показателями ФП.

Похожим образом И. Трейс в статье «**The expression of phasal polarity in Kambaata (Cushitic)**» предлагает считать, что показатели ФП отсутствуют в языке камбаата (< кушитские). Однако при ближайшем рассмотрении по крайней мере некоторые ее аргументы кажутся спорными. К примеру, Трейс не считает наречие *tées-ú-u* ‘сейчас-МОВЛ-ADD’ настоящим показателем значения ЕЩЕ, хотя, как видно из (5), оно употребляется в прошедшем времени, где невозможно его буквальное значение ‘и сейчас’.

- (5) (...) *tees-ú-u* *áaz-u-s* *muddam-áyúoo ikke*
сейчас-МОВЛ-ADD внутренность-МНОМ-3МПОС страдать-3МПРОГ PST
‘(...) he was still worrying (lit. his interior was still suffering)’. (с. 323)
[‘(...) он все еще переживал’, букв. «его внутренность все еще страдала»].

Статья «**Phasal Polarity in Amazigh varieties**» А. Фанего посвящена ФП в языке ташельхите и тарифитском языке (< берберские). Следуя дискуссии, развернувшейся в литературе в 1990-е годы, автор сначала анализирует показатели ФП в этих языках в рамках теории Лёбнера, а затем в рамках теории ван дер Ауверы [Löbner 1989; van der Auwera 1993; 1998; van Baar 1997]. Наибольший интерес в работе представляют данные из тарифитского языка, где, как и в упоминавшемся выше языке нгемба, значения ЕЩЕ НЕ и УЖЕ НЕ образуются с помощью внутреннего и внешнего отрицаний показателя *ead* ЕЩЕ. Статья также включает специальный раздел «Semantic function or pragmatic potential: Conventional phasal polarity usage patterns», где описываются проблемы, возникающие при элицитации показателей ФП.

В статье «**Phasal polarity expressions in Omoto languages (Ethiopia)**» Б. Кёлера рассматривается система показателей ФП в семи языках ометской группы (< омотские). Значение УЖЕ в ометских языках выражается маркерами комплетива и наречиями с основой ‘впереди, перед тем как’; никаких соответствий значению УЖЕ НЕ автору найти не удалось; а для выражения значений ЕЩЕ и ЕЩЕ НЕ некоторые ометские языки имеют сложную стратегию, включающую глагол ‘достигать’ и наречие ‘сейчас’ (6)–(7).

(6) ДОРЗЕ
ʔizi haisá gáts-o múusa galais
 он сейчас достигать-чтобы есть.NMLS AUX.PROG.3.SG.M
 ‘Он еще (букв. «чтобы достигнуть сейчас») ест’. (с. 381)

(7) ОЙДА
ʔé hannó fieell-i yeʔ-ikáay
 он сейчас достигать-CVB прийти-NEG.PFV.PST
 ‘Он еще (букв. «достигнув сейчас») не пришел’. (с. 377)

А.-М. Фен в статье «**Phasal polarity in Khwe and Ts’ixa (Kalahari Khoe)**» подробно описывает показатели ФП в языках кхое и тсиха (< койсанские) и сравнивает их с соответствующими показателями в шести близкородственных языках. На основе этих данных Фен делает следующие выводы (с. 413): (i) чаще всего специальное выражение имеет значение ЕЩЕ, (ii) значение УЖЕ чаще всего выражается наречиями, (iii) реже всего встречаются показатели УЖЕ НЕ, (iv) показатель ЕЩЕ НЕ обычно представляет собой комбинацию показателя ЕЩЕ с отрицанием. Интересной деталью системы ФП в тсиха является способность показателей УЖЕ и ЕЩЕ использоваться в разных сценариях в зависимости от позиции в предложении (после субъекта — нейтральный сценарий vs. перед субъектом — контрфактивный).

В статье «**Phasal polarity in Barabaiga and Gisamjanga Datooga (Nilotic): Interactions with tense, aspect, and participant expectation**» Э. Митчел рассматривается система ФП в языке датога (< нилотские). Митчел показывает, что значение УЖЕ в датога выражается с помощью вспомогательного глагола *góolá*; в контекстах, типичных для ЕЩЕ НЕ,

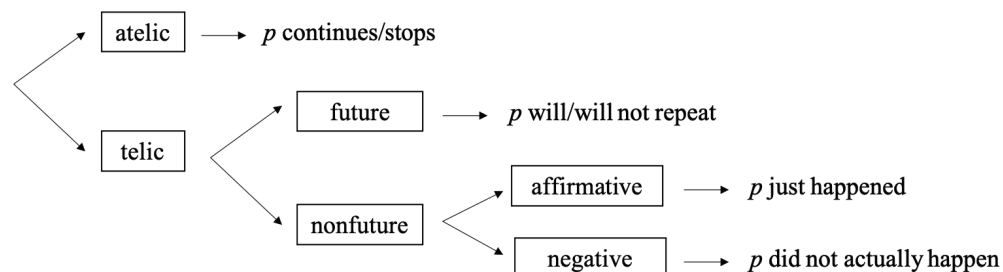

Рис. Значение префикса *údí-* в языке датога (с. 433)

используются формы отрицательного перфекта; а затем она очень обстоятельно описывает префикс *údí-*, выражающий значения еще и (в сочетании с отрицанием) уже не. Префикс *údí-* выражает значения ФП только с неопределенными глаголами, а с определенными глаголами он имеет значение ‘только что’, значения рефактива и авертива, см. рисунок (с. 163).

Со статьи Л. Веселиновой и М. Девос «**NOT YET expressions as a lexico-grammatical category in Bantu languages**» начинается третий и последний раздел сборника, посвященный грамматикализации показателей ФП в языках Африки. В статье представлен синхронный (морфологический и семантический) и диахронический анализ показателей еще не (NONDUM) на выборке из 158 показателей в 141 языке банту. Авторы показывают, что 40 % показателей еще не являются морфологически связанными (при этом у одной пятой из них основное значение — это отрицательный перфект). Остальная часть показателей еще не представляет собой наречия и перифрастические конструкции (в частности, со специальными вспомогательными глаголами или связками). Далее авторы составляют семантическую карту, которая показывает отмеченные в банту случаи полисемии показателей еще не. Согласно карте (с. 469), значение еще не в языках банту связано с тремя семантическими зонами: другими значениями ФП (уже, еще), последовательностью событий (например, ‘перед тем как’, ‘сначала’, ‘только что’) и ирреальной зоной (будущее время, отрицание, вопросительность). В следующей части статьи Веселинова и Девос обсуждают возможные варианты исторического развития показателей еще не. На примере нескольких языков банту они демонстрируют этапы эволюции показателей перфекта в специальное выражение еще не: перфект + отрицание → перфект + отрицание + импликация еще не → (исчезновение перфектного значения, конвенционализация имплицитности еще не) → значение еще не. В результате такого развития показатель перестает быть возможен в положительных контекстах перфекта (он становится отрицательно поляризованной единицей). Еще один неочевидный сценарий развития показателей еще не заключается в эволюции значения показателей еще: ‘еще делает’ → ‘еще не сделал’. Данный переход засвидетельствован во многих языках банту [Nurse 2008: 148], в том числе, по-видимому, в тех 16 конструкциях еще не из выборки Веселиновой и Девос, которые не включают показатель отрицания.

В статье Д. Идиатова «**The historical relation between clause-final negation markers and phasal polarity expressions in sub-Saharan Africa**» обсуждается типологически редкий класс показателей отрицания, занимающих последнюю позицию в клаузе. Автор выдвигает гипотезу, что в языках тропической Африки показатели отрицания данного класса могли получить развитие из показателей ФП, также часто занимающих последнюю позицию в клаузе. Чтобы подтвердить эту гипотезу, автор приводит несколько примеров разной степени убедительности из языков манде. Так, в языке дзуун есть показатель *ɲē* еще, занимающий последнюю позицию в клаузе. В сочетании с показателем отрицания *wāā* (тоже занимающего последнюю позицию) он приобретает значение еще не. Наконец, показатель *ɲē* может выполнять функцию отрицания сам по себе, что для Идиатова является достаточным основанием постулировать эволюционную цепочку из еще в отрицание. В заключение Идиатов реконструирует другие возможные пути эволюции показателей ФП в показатели отрицания, например: еще не, ‘не раньше точки отсчета’ → ‘(ни в коем случае) не раньше точки отсчета’ → ‘ни в коем случае, вовсе не (раньше точки отсчета)’ → ‘вовсе не’ → отрицание.

Последняя статья сборника «**From phasal polarity expression to aspectual marker: Grammaticalization of already in Asian and African varieties of English**» Л. Ли и П. Зимунда посвящена грамматикализации наречия *already* в азиатских и африканских вариантах английского, хотя почти вся работа представляет собой обсуждение данных варианта английского языка, на котором говорят в Сингапуре. В разговорном сингапурском английском *already*, сочетаясь с чистой основой глагола, выражает либо комплетивное (перфективное), либо инхоативное значение, а сочетаясь с глаголом в прошедшем времени, выражает значение плюсквамперфекта (Past Perfect). Авторы объясняют подобный

семантической переход в сингапурском английском (и в других вариантах английского в Азии и Африке) влиянием грамматических систем родных языков говорящих.

К сожалению, сборник не содержит никакой статьи обобщающего характера, несмотря на то что по ходу чтения можно заметить много параллелей между данными, рассматриваемыми в разных статьях сборника. Так, например, бросается в глаза, что во многих языках банту отсутствует показатель *уже*. Другая интересная параллель — употребление конструкции с показателем *еще* без комплемента: в статьях о языках санго и някюса приводятся очень похожие примеры (с. 115, 134), где такая конструкция получает интерпретацию *еще не*. Для значения *еще не* функцию обобщающей статьи выполняет работа Веселиновой и Девос, но она, во-первых, ограничена языками банту и, во-вторых, не содержит ссылок на другие статьи сборника.

Некоторой проблемой сборника, о которой и Крамер, и ван дер Аувера честно предупреждают во вводных статьях, является отсутствие общего понимания того, что такое «настоящий» (*true*) показатель ФП и «специализированный» (*dedicated*) показатель ФП (и насколько это одно и то же). Например, из статьи Кислинга следует, что показатели *еще не* и *уже не* не являются специализированными, потому что они образованы от показателя *еще*. Особую проблему представляют многозначные выражения: например, Митчел не считает показатель *еще* в датого ни настоящим, ни специализированным показателем ФП, так как он также употребляется в значении ‘только что’, а Геруа интерпретирует показатель *еще* в кувабо как специализированный, хотя он также употребляется в значении ‘только’.

В целом книга по праву может считаться наиболее масштабным собранием данных о фазовой полярности в рамках одного языкового ареала и представляет собой чрезвычайно важный труд как для африканистики, так и для типологии. Поиск информации о системах фазовой полярности для типологических исследований всегда является чрезвычайно трудной задачей, потому что эти показатели далеко не всегда описаны в грамматиках (а если описаны — то практически всегда недостаточно подробно). Таким образом, рецензируемый сборник является настоящим кладом данных для типологического изучения фазовой полярности и источником важных наблюдений для дальнейшего теоретического исследования этой лексико-грамматической категории.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

2, 3 — 2-е, 3-е лицо	OBL — косвенный падеж
ADD — аддитив	PFV — перфектив
AUX — вспомогательный глагол	POSS — possessiv
CVB — конверб	PROG — прогрессив
IPFV — имперфектив	PST — прошедшее время
m — мужской род	SG — единственное число
NEG — отрицание	SM — показатель субъекта
NMLS — номинализатор	SUB — показатель зависимости
NOM — номинатив	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Горбунова 2014 — Горбунова И. М. Категория фазовой полярности в атаяльском языке. *Вопросы языкознания*, 2014, 3: 34–54. [Gorbunova I. M. Phasal polarity in Atayal. *Voprosy Jazykoznanija*, 2014, 3: 34–54.]
- Клягина, Панова 2021 — Клягина Е. С., Панова А. Б. Фазовая полярность в абазинском языке. [Klyagina E. S., Panova A. B. Phasal polarity in Abaza.] *Acta linguistica Petropolitana*, 2021, 17(1): 143–186.
- Evans 1995 — Evans N. D. *A grammar of Kayardild: With historical-comparative notes on Tangkic*. Berlin: Mouton De Gruyter, 1995.

- Haspelmath 1993 — Haspelmath M. *A grammar of Lezgian*. Berlin: Mouton De Gruyter, 1993.
- Heine et al. 1991 — Heine B., Claudi U., Hünnemeyer F. *Grammaticalization: A conceptual framework*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1991.
- Kramer 2018 — Kramer R. *Position paper on phasal polarity expressions*. Ms. Hamburg: Hamburg Univ., 2018. <https://www.aai.uni-hamburg.de/afrika/php2018/medien/position-paper-on-php.pdf>.
- Krifka 2000 — Krifka M. Alternatives for aspectual particles: Semantics of *still* and *already*. *Proc. of the 26th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: General session and parasession on aspect*. Conathan L. J., Good J., Kavitskaya D., Wulf A. B., Yu A. C. L. (eds.). Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 2000, 401–412. http://linguistics.berkeley.edu/bls/previous_proceedings/bls26.pdf.
- Löbner 1989 — Löbner S. German *schon — erst — noch*: An integrated analysis. *Linguistics and Philosophy*, 1989, 12: 167–212.
- Löfgren 2019 — Löfgren A. *Phasal polarity in Bantu languages. A typological study*. MA term paper, Stockholm Univ., 2019.
- Nurse 2008 — Nurse D. *Tense and aspect in Bantu*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008.
- Plungian 1999 — Plungian V. A. A typology of phasal meanings. *Tense-aspect, transitivity and causativity: Essays in honour of Vladimir Nedjalkov*. Abraham W., Kulikov L. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1999, 311–322.
- van Baar 1997 — van Baar T. M. *Phasal polarity*. Ph.D. diss., Univ. of Amsterdam, 1997.
- van der Auwera 1993 — van der Auwera J. ‘Already’ and ‘still’: Beyond duality. *Linguistics and Philosophy*, 1993, 16(6): 613–653.
- van der Auwera 1998 — van der Auwera J. Phasal adverbials in the languages of Europe. *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Van der Auwera J. (ed.). Berlin: Mouton De Gruyter, 1998, 25–145.
- Veselinova 2019 — Veselinova L. Phasal polarity in Austronesian. *Book of Abstracts for 13th Conf. of the Association for Linguistic Typology* (Pavia, 2019). Pavia: Univ. of Pavia Press, 2019, 231–232.
- Veselinova et al., to appear — Veselinova L., Asplund L., Vander Klok J. Phasal polarity in Malayo-Polynesian languages of South East Asia. *The Oxford guide to the Malayo-Polynesian languages of South East Asia*. Adelaar A., Schapper A. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, to appear in 2022.

Получено / received 06.08.2021

Принято / accepted 21.09.2021

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС77-77284 от 10.12.2019 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: voproxy@mail.ru

Подписано к печати 29.07.2022 Формат 70×100¹/₁₆ Уч.-изд. л. 15,5

Тираж 285 экз. Зак. 5/4а Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Издатель: Российская академия наук

20 экземпляров распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-134-21 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 13–14

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций
Теория и практика археологических исследований

АСПИРАНТУРА

Исторические науки
и археология
Теория и история культуры

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — передовые технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде. Студенты факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотрены федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Научные сотрудники ведущих институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Преподаватель общается с каждым студентом индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% – кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки
и образования

Бюджетные
места

Насыщенная
студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

